

ЦЕНТР РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

**ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОСТИ:
ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО**

КНИГА 22

МОНОГРАФИЯ

НОВОСИБИРСК
2014

УДК 304.3
ББК 60.02+87.216
Г 94

Коллектив авторов:

*С.В. Голикова, О.М. Горева, И.В. Гурьянова,
К.Л. Кабахидзе, Н.С. Козлова, И.В. Курьяшкин,
Д.В. Лепешев, Л.Б. Осипова, О.С. Пустошинская,
И.М. Пушкина, Н.А. Царева, О.И. Шестак, Н.Н. Шилова*

Рецензенты:

доктор социологических наук, профессор *Д.В. Винокуров*
кандидат филологических наук, доцент *Л.С. Торопова*

Г 94 **Гуманитарные проблемы современности: человек и общество:**
монография / С.В. Голикова, О.М. Горева, И.В. Гурьянова и др. –
Книга 22. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2014. – 248 с.

ISBN 978-5-00068-218-0

Рассмотрены отдельные исторические, культурологические, педагогические, экономические и политические проблемы современного общества. Каждый из рассматриваемых вопросов может составить предмет отдельного исследования. В монографии предпринята попытка обобщить указанные вопросы, обеспечить их четкую постановку, раскрыть суть и содержание проблемы, предложить авторское видение решения.

Монография может быть полезна для руководителей, научных сотрудников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов гуманитарных направлений высших учебных заведений.

УДК 304.3
ББК 60.02+87.216

ISBN 978-5-00068-218-0

© С.В. Голикова, О.М. Горева,
И.В. Гурьянова и др., 2014
© ООО «ЦРНС», 2014

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Голикова С.В., Институт экономики и права (филиал) Академии труда и социальных отношений (г. Севастополь), заведующий кафедрой «Гражданского права и процесса», кандидат юридических наук – *глава 4*.

Горева О.М., Тюменский государственный нефтегазовый университет (г. Тюмень), доцент, кандидат социологических наук – *глава 6* (в соавторстве).

Гурьянова И.В., Магнитогорский государственный технический университет им Г.И. Носова (г. Магнитогорск), доцент кафедры Социальной работы и психолого-педагогического образования, кандидат педагогических наук, доцент – *глава 2*.

Кабахидзе К.Л., Московский городской педагогический университет (г. Москва), заведующий кафедрой Иностранных языков и межкультурных коммуникаций, кандидат философских наук – *глава 10*.

Козлова Н.С., Ивановский государственный университет (г. Иваново), доцент кафедры Социальной психологии, кандидат психологических наук – *глава 7*.

Куряшкин И.В., Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток), ассистент кафедры Социальных наук – *глава 1*.

Лепешев Д.В., Кокшетауский университет им. А. Мырзахметова (Республика Казахстан, г. Кокшетау), заместитель проректора по научной работе и международным связям, кандидат педагогических наук, член-корреспондент Академии педагогических наук Казахстана – *глава 5*.

Осипова Л.Б., Тюменский государственный архитектурно-строительный университет (г. Тюмень), доцент кафедры Государственного и муниципального управления и права, кандидат социологических наук, доцент – *глава 6* (в соавторстве).

Пуштоинская О.С., Тюменский государственный университет (г. Тюмень), заведующий кафедрой Политологии, кандидат политических наук – *глава 9*.

Пушкина И.М., Северный (Арктический) федеральный университет (г. Архангельск), доцент кафедры Педагогики, кандидат педагогических наук – *глава 3*.

Царева Н.А., Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (г. Владивосток), доцент кафедры Управления персоналом и трудового права, научный сотрудник научно-исследовательского центра филиала ВГУЭС в г. Артем, кандидат политических наук, доцент – *глава 8* (в соавторстве).

Шестак О.И., Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (г. Владивосток), доцент кафедры Экономики и менеджмента, руководитель научно-исследовательского центра филиала ВГУЭС в г. Артем, кандидат исторических наук, доцент – *глава 8* (в соавторстве).

Шилова Н.Н., Тюменский государственный нефтегазовый университет (г. Тюмень), профессор кафедры Менеджмента в отраслях ТЭК, доктор экономических наук, профессор – *глава 6* (в соавторстве).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	8
ГЛАВА 1. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА, ОБЩЕСТВА И ПРИРОДЫ	11
1.1. Кризис современного природопользования.....	12
1.2. Бедность и неразвитость в системе глобальных проблем	17
1.3. Трансформации национальной и классовой идентичности	21
1.4. Отчуждение и культура в капиталистическом обществе	28
1.5. Трансформация семьи и углубление гендерного неравенства в эпоху глобализации.....	32
Библиографический список к главе 1	43
ГЛАВА 2. ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	48
Библиографический список к главе 2	64
ГЛАВА 3. ГЕНЕЗИС ИДЕИ ГЛОБАЛЬНО-КОСМИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ФИЛОСОФИИ РУССКОГО КОСМИЗМА	68
3.1. Из истории вопроса	68
3.2. Взгляд на проблему с позиции XXI века	86
Библиографический список к главе 3	89
ГЛАВА 4. ГЕНЕЗИС ПРИНЦИПА ПРИОРИТЕТА СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ В ПРАВЕ РОССИИ И УКРАИНЫ	91
4.1. Становление взглядов на приоритет семейного воспитания до начала XX века	91
4.2. Изменения ценностных приоритетов воспитания в семье на рубеже XX-XXI веков.....	100
Библиографический список к главе 4	107

ГЛАВА 5. ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПАРАДИГМЫ ВОСПИТАНИЯ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	111
5.1. Воспитание и образование: диалектика систем социального взаимодействия	115
5.2. Воспитание и педагогические традиции: к вопросу международной терминологии	123
5.3. Основные социально-философские парадигмы воспитания	128
5.3.1. Философское понимание идеализма в воспитании	129
5.3.2. Философское понимание реализма в воспитании.....	132
5.3.3. Философское понимание прагматизма в воспитании.....	133
5.3.4. Философское понимание антропоцентризма и гуманизма в воспитании	135
5.3.5. Философское понимание социетарного в воспитании	136
5.3.6. Специфика социально-философских взглядов на воспитание у народов Евразии	138
Библиографический список к главе 5	141
ГЛАВА 6. ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА	144
6.1. Теоретические аспекты формирования жизненных стратегий молодежи.....	144
6.2. Профессиональный выбор как форма самоопределения и детерминант жизненных стратегий.....	149
Библиографический список к главе 6	160
ГЛАВА 7. СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ.....	162
7.1. Социальные сети как социально-психологическое явление	162
7.2. Общие закономерности использования социальных сетей.....	167
7.3. Социально-психологические качества, влияющие на вовлеченность в социальные сети	171
Библиографический список к главе 7	178

ГЛАВА 8. ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ В РОССИИ В ОЦЕНКЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ	181
8.1. Тенденции социальной стратификации в 1990-е годы: динамика, методологические подходы.....	181
8.2. Трансформация критериев социальной стратификации и изменения в слоевых характеристиках российского общества в 2000-2010-х годах.....	202
<i>Библиографический список к главе 8</i>	207
ГЛАВА 9. ПРОТЕСТ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: СЕТЕВИЗАЦИЯ И ИНТЕНСИФИКАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО УЧАСТИЯ	211
<i>Библиографический список к главе 9</i>	227
ГЛАВА 10. ФИЛОСОФСКИЕ, ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНИМАНИЯ	232
10.1. Определение понимания: философия	233
10.2. Понимание и смысл: соотношений понятий	237
10.3. Диалогичность понимания.....	241
<i>Библиографический список к главе 10</i>	245

ПРЕДИСЛОВИЕ

Новейшая история XX века внесла много новых социальных перемен как в России, так и в мире в целом. Социальная динамика гуманитарных изменений относится к числу развивающихся масштабных многоплановых всеохватывающих явлений и понятий общественной жизни. Это уникальный социокультурный феномен, рожденный мечтой, духовным развитием человечества и борьбой народных масс за гармонию развития, общественное равенство, справедливость, солидарность, рациональное квалифицированное общественное управление, участие граждан в принятии решений. Эти процессы демократизации развиваются с огромной скоростью и требуют всестороннего осмысления. В то же время в отличие от экономики и технологии производства, общественное сознание меняется, развивается гораздо медленнее, оно оказывается более консервативным, нежели развивающееся производство и потребление (Р.Г. Яновский).

За последние десятилетия под эгидой ООН разработана концепция устойчивого развития общества, экономики и культуры, в которой сделан решительный крен на гуманизацию социально-экономической жизни общества, обеспечение действительного контроля над эффективностью использования природно-ресурсного потенциала земли в интересах населения планеты, соблюдение прав и свобод граждан, социальную защиту населения на путях борьбы народов за равномерное распределение доходов и капиталов (Р.Г. Яновский). Эта концепция третьего пути социально-экономического развития, свободная от идеологизмов и политико-экономических штампов и догматических подходов.

Система этих перемен во всем многообразии проявлений представляет собой важный объект общественной науки и, прежде всего, ее важнейшей сферы социальных, политических, экономических и духовно-нравственных аспектов, в совокупности образующих ее области и отрасли знания.

В *первой главе* представлена онтология современности. В качестве актуальных проблем современного общества выделены такие, как экологический кризис, бедность и неравенство в глобальном мире, национальная и классовая идентичность, отчуждение, гендерное неравенство. Актуальные проблемы следует рассматривать как проявление внутрисистемных противоречий мировой капиталистической системы на современном этапе ее развития. Внутреннее единство актуальных проблем современности обуславливает теоретическую несостоятельность тех научных исследований, которые пытаются изучить данные проблемы в отрыве друг от друга. Мировая капиталистическая система вошла в период затяжного системного кризиса,

исход которого невозможно предсказать. Существует множество сценариев эволюции капиталистической мировой системы, шансы на реализацию которых не равны нулю. Оптимистический сценарий предполагает не свертывание глобализации, а использование заложенного в ней потенциала в сознательных, гуманистических целях.

Современная Россия является полиэтническим государством, в связи с этим особенно актуальными становится проблема формирования этнокультурной компетентности, исследованная во *второй главе*, которая предполагает готовность к преодолению трудностей в коммуникативных и иных формах взаимодействия с представителями различных этнических общностей. Траектория формирования этнокультурной компетентности представляет собой введение ребенка изначально в родную этническую культуру, где происходит этническая самоидентификация личности, затем в культуру российскую, ведущей к гражданской самоидентификации и, наконец, в мировую, способствующей планетарной самоидентификации личности.

В *третьей главе* даются понятия глобальной и космической ответственности. Доказывается, что идея глобально-космической ответственности имеет отечественные истоки, ее предвосхитили русские космисты, такие как: Н.А. Бердяев, В.И. Вернадский, В.С. Соловьев, Е.И. и Н.К. Рерихи, Н.Ф. Федоров, Н.Г. Холодный, К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский и др.

К осознанию того, что именно семья является приоритетной формой воспитания детей Россия и Украина шли не одно тысячелетие. Основы закрепления приоритета семейного воспитания детей в российском и украинском семейном законодательстве складывались на протяжении всей истории развития обоих государств. В *четвертой главе* дается обоснование того, что в формировании и закреплении указанного принципа в действующем семейном законодательстве России и Украины лежат как правовые, так и психологические, материальные, а также социальные аспекты.

В *пятой главе* автор рассматривает наиболее влиятельные парадигмы воспитания, которые были постулированы в истории педагогической мысли и философии образования. Последовательно выделяются содержание, цель, слабые и сильные стороны педагогических парадигм. Выводы автора касаются возможности и культурной сообразности применения парадигм на евразийском пространстве.

Проблема формирования и реализации жизненных стратегий молодежи, исследованная в *шестой главе* монографии, входит в круг тем, представляющих научный интерес как для анализа данной социально-демографической группы, так и для понимания дальнейших перспектив развития общества. Снижение институционального влияния, расширение пространства для самостоятельного конструирования биографий в связи с появлением большего числа альтернатив развития, ставит молодежь перед необходимостью самостоятельного выбора жизненных ориентиров и путей их реализации. Это

усиливает значение субъектного начала молодежи в планировании и организации своей жизни и актуализирует необходимость вырабатывать собственные жизненные стратегии.

В *седьмой главе* рассматривается проблемы личности как пользователя социальных сетей. В рамках теоретического анализа и эмпирического исследования выявляется специфика вовлеченности личности в социальные сети, их влияние на ее жизнедеятельность. Особое внимание уделяется социально-психологическим особенностям пользователя: самооценке, коммуникативной сфере, мотивам, чувству одиночества, самочувствию, активности, настроению, механизмам психологической защиты и прочим свойствам, определяющим активность, деятельность и коммуникацию пользователей данных интернет-ресурсов.

В *восьмой главе* показана динамика социальной стратификации в России в 1990-е – 2010-е годы в оценке отечественной социологии. В работе рассматривается как изменение социальной структуры российского общества и её содержательные характеристики, так и методологические подходы к построению моделей социальной структуры, используемые различными авторами.

В *девятой главе* проанализированы авторитетные мнения исследователей, разрабатывающих проблематику информационного общества, идентичности и протеста в глобализирующемся мире. Представлены результаты эмпирического исследования, подтверждающего теоретические обоснования. Автор обращает внимание на противоречивость тенденций развития современности, раскрывает влияние информационно-коммуникационных технологий на становление сетевых структур, интенсификацию участия различных групп в протестных практиках

В *заключительной главе* рассматривается феномен понимания через призму герменевтической философии, высших психических функций (мышление, память, восприятие), бинарную субпозицию значения и смысла в контексте психолингвистики. Автор предлагает психолингвистическую микро-модель зарождения и развития понимания в процессе коммуникативного акта, раскрывает деятельностную основу сознания, инвариантной характеристикой которого является интенциональность, интерпретация бытия через язык.

Представленная монография достаточно разнородна по содержанию, что определяется широтой и многообразием гуманитарных проблем, вопросов взаимоотношения человека как индивидуума с обществом и общества с человеком.

Монография может быть полезна для руководителей, научных сотрудников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов гуманитарных и экономических специальностей высших учебных заведений.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА, ОБЩЕСТВА И ПРИРОДЫ

Современное состояние человечества характеризуется наличием острейших актуальных и глобальных проблем. Они настолько значимы и остры, их проявления настолько разнообразны, а их изменения настолько динамичны, что это делает задачу их исследования не только чрезвычайно актуальной, но и исключительно сложной. Важно понимать, что человек является одновременно и объектом и субъектом глобальных проблем [89, с. 411]. Нет ничего удивительного в том, что в понятие глобальных проблем вкладывается разное содержание. Различными могут быть и критерии выделения проблем. На наш взгляд, проблема даже не в том, будет ли перечень глобальных проблем хаотичным или упорядоченным, хотя это важно, а в том, что исследователи, как правило, делают акцент на исследовании отдельной проблемы или аспектов [12, с. 180]. Если не подойти к анализу современных актуальных проблем как к системе, плодотворное их исследование будет затруднено. При всем их кажущемся различии эти проблемы объединяет ряд черт [33, с. 6]:

- они затрагивают жизнь всего человечества;
- проявляют себя как объективный фактор развития общества;
- настоятельно требуют скорейшего решения, и в то же время их решение все время откладывается на неопределенное будущее;
- их решение предполагает международное сотрудничество.

С учетом сказанного глобальные проблемы следует рассматривать как целостную, обладающую одним системным качеством совокупность проблем, охватывающих все человечество и являющихся проявлением противоречий, характерных для современного этапа развития капитализма [12, с. 181]. Тогда мы не упустим из виду не только комплексный характер глобальных проблем, но и тот факт, что они сами есть атрибут капиталистической мир-системы. Это системное качество, эту тотальность необходимо всегда учитывать в процессе изучения каждой отдельной проблемы. Изучение глобальной проблематики является одной из непосредственных актуальных задач социальной философии и позволяет глубже проникнуть в сущность закономерностей социальной эволюции. Если отдельные проблемы могут рассматриваться отдельными дисциплинами, то взятые системно, как признак кризиса капитализма, они могут и должны осмысливаться философски. Перечень актуальных и глобальных проблем велик и постоянно пополняется, охватить их все в рамках настоящего исследования невозможно. Поэтому мы рассмотрим лишь некоторые из них, на наш взгляд, наиболее значимые.

1.1. Кризис современного природопользования

Глобальный экологический кризис подводит человечество к грани, за которой нас ждет всеобщая экологическая катастрофа. Особую остроту приобрела проблема загрязнения окружающей среды [21, с. 166]. Антропогенная нагрузка на природу неуклонно растущего населения Земли (по некоторым оценкам стабилизация роста населения Земли может произойти на рубеже 9-12 миллиардов человек в середине XXI века [32, с. 92]) увеличивается с каждым днем. «На территории США сохранилось только 5 % не нарушенных хозяйственной деятельностью площадей, а в Европе – всего 4 % (только за счет скандинавских стран и Исландии). Пределы воздействия человека на биосферу превышены в 8-10 раз. Уничтожено 70 % естественных биосистем [64, с. 30-31].

Проблемы экологии и кризисного состояния природопользования встали перед человечеством, по историческим меркам, недавно. Впервые представители международного сообщества собрались для обсуждения указанных проблем в 1972 г. в г. Стокгольме. Сегодня нет крупного политического руководителя, религиозного лидера или бизнесмена, который не высказал бы в прямой форме свое отношение к этой проблеме, путям ее решения [60, с. 146].

Выводы ученых, исследующих проблемы природопользования и охраны окружающей среды, наполнены тревогой за будущее человечества и планеты, и выдержаны в алармистском ключе. В вопросе о причинах экологического кризиса и возможных путях его преодоления, единства не обнаруживается.

Афиногенов Д.В. считает, что именно субъективность, сформировавшаяся в рамках западной цивилизации, заряженная политикой, привела к нынешнему экологическому кризису [2, с. 150]. Указанный автор принимает точку зрения, из которой следует, что западная цивилизация не выросла из других цивилизаций, но с самых своих истоков резко отличалась от предшественниц, и является уникальной [2, с. 150]. Постепенно западное общество приобрело современные черты, распространило свое влияние на весь мир и привело его к угрозе глобальной экологической катастрофы [2, с. 152]. Таким образом, по мнению Д.В. Афиногенова, особенности современного экологического кризиса связаны с особенностями развития европейской цивилизации и вытекают из складывающихся в ее рамках отношений человека к природе. Эти особенности формируются в процессе развития человеческой субъективности. В первую очередь, это противоречие между либеральным пониманием свободы как физической автономности и неограниченного удовлетворения потребностей, с одной стороны, и ограничениями в обеспечении этой свободы, которые заданы окружающей средой – с другой [2, с. 158].

Трудно принять мнение Д.В. Афиногенова, поскольку автор игнорирует единство человеческой истории. Прогресс человеческого общества – это за-

кономерность его развития, и то, что мощный его скачок произошел в рамках Запада, является случайностью по отношению к логике всемирно-исторического процесса.

Признание экологических рисков результатом развития исключительно западной цивилизации имеет оборотной стороной идеализацию незападных обществ. Популярно мнение, что охотники, скотоводы, первые земледельцы исключительно глубоко понимали свое место в природе и инстинктивно выбирали оптимальное, с экологической точки зрения, поведение. Подобного мнения придерживается, например Ю.С. Салин [63; 64; 65].

Эта идеализация имеет мало общего с реальностью. Первобытный охотник был в шатком равновесии с окружающей средой только в результате примитивности своих технических средств. Человечество традиционно все брало у природы, рассматривая ее как неистожимый источник своего существования и благополучия. Экологическое мышление, отвечающее современным требованиям, – продукт самой современности [60, с. 148]. Без роста и расширения общественного производство не может ни существовать, ни тем более развиваться. Люди не могут и не должны, подобно животным, только приспосабливаться к природе.

Часть исследователей считает современную глобализацию переходным этапом на пути от биосферного к постбиосферному, техногенному миру. Такого взгляда придерживается, например, Е.А. Дергачева [28, с. 110-111]. На наш взгляд, при таком понимании глобализация превращается в некий надчеловеческий процесс, обладающий собственной логикой развития. Получается, что техника развивается сама по себе, а не как инструмент социальной деятельности. Это типично технократическое мышление, игнорирующее социально-историческую природу техники.

Принципы природопользования и отношение к нему меняются в соответствии с развитием общественных отношений. Подобный подход затрудняет переход от фиксации видимости к раскрытию сущности процесса и уводит исследователя от актуальных социальных проблем.

Возьмем в качестве примера позицию Ю.В. Олейникова, который позиционирует себя как сторонника диалектико-материалистического подхода к анализу теоретико-методологических проблем взаимоотношений общества и природы [54, с. 89, 96]. Он утверждает, что формирование глобального экологического сознания и экологическое воспитание – важнейшая социальная задача, стоящая перед обществом [55, с. 158]. По его мнению, это продиктовано самой ситуацией, в которой оказалось современное человечество, а Россия находилась последние 500 лет. Природа ставит нам выбор между солидарностью и смертью [53, с. 139]. Осознание экологических ограничений должно стать свидетельством перехода к будущему, в котором бытие социума и вектор коэволюции социоприродного Универсума совпадают [56, с. 108]. Таким образом, Ю.В. Олейников предлагает изменить об-

щественное сознание, не затрагивая основ бытия, чтобы после этого изменились и основы бытия. Но именно с точки зрения материалистической диалектики, которую сам автор высоко оценил в одной из работ [54, с. 89, 96], порядок действий должен быть прямо противоположным.

Близкого к позиции Ю.В. Олейникова мнения придерживается Э.В. Гирсов. Автор считает, что в мировоззрении должна произойти экологическая революция, которая приведет к появлению нового человека и сделает возможным дальнейшее развитие общества [20, с. 90].

Глобальное экологическое сознание считает ключевым условием решения экологической проблемы и Н.Н. Моисеев. Сможет ли человечество принять те ограничения, которые установит наука? Хватит ли у человечества Воли преодолеть генетический атавизм и принять новую нравственность, способную сохранить человека на земле?» [51, с. 7]. – Вот, по его мнению, принципиальные вопросы, от решения которых зависит будущее человечества.

Существует единственный способ выживания человека – уменьшить глобальное антропогенное воздействие на биосферу и тем самым обеспечить восстановление ее регулятивного потенциала [63; 64]. Но как это сделать? Зачастую по причине отсутствия у исследователей достаточной научной квалификации на него даются, по меньшей мере, нереалистичные ответы. Например, В.А. Зубаков считает, что необходима депопуляция слаборазвитых стран, дающих сегодня 87 % прироста населения Земли. Жители бедных стран должны отказаться от рождения более одного ребенка, а жители богатых – отказаться от привычек и морали общества потребления [35, с. 144-145]. Остается, правда, неясно, как удастся мирным путем отговорить первый мир от гиперпотребления, и почему сокращать численность населения нужно за счет бедных стран.

Бестужев-Лада И.В., высоко оценивая работу прогнозистов, уверен, что без политических решений любые прогнозы остаются пустыми словами [8, с. 33]. Без союза прогнозистов и управленцев невозможно сформировать низкоэнергетическую, высокоустойчивую, экологически чистую, полностью демилитаризованную и подлинно человеческую цивилизацию [7, с. 67]. Отметим, что указанного союза пока нет, и не стоит ожидать в будущем. В рамках изначально поляризованных структур капиталистической мир-системы добиться равновесия нереально, и потому политические решения глобального уровня здесь невозможны. Если же они принимаются, то в них столько исключений из правил и лазеек, что всеобщие правила превращаются в благие пожелания.

Модернизация промышленного и инфраструктурного комплекса, переход к инновационной экономике, к «обществу знаний», сопровождающийся улучшением среды обитания – это непосильная задача для периферии. Такая погоня за Западом лишь усиливает отсталость и не способна избавить от экологических перегрузок. Однако именно такой путь предлагается О.Н. Яницким для России [87, с. 144].

Как идея подчинения общества императивам природы, так и технократические проекты полного преобразования природы в искусственную систему – утопия. В ее основе – недиалектическое и внеисторическое противопоставление человека и природы как субъекта и объекта. Решается это противоречие в сфере практически-преобразовательной деятельности, в процессе которой происходит взаимное изменение субъекта и объекта – натурализация человека и гуманизация природы [86, с. 287].

Еще Ф. Энгельс отмечал, что человек заставляет природу служить своим целям и тем самым вносит в нее изменения, в то время как животное только пользуется внешней природой и производит в ней изменения лишь в силу своего присутствия. Но все наше господство над ней (природой), состоит в том, что мы, в отличие от всех других существ, умеем познавать ее законы и правильно их применять [84, с. 153-154].

Взаимодействие человека с природой является основой его существования, предпосылкой социально-экономического прогресса. В процессе этого взаимодействия по мере развития средств производства и научно-технического потенциала, с одной стороны, уменьшается степень зависимости человека от стихийных сил, с другой стороны, – все более глубоко обнаруживается связь человека и природы [31, с. 276]. Энгельс Ф. также полагал, что при помощи естествознания людям удастся совладать с вредоносными непреднамеренными последствиями, вызванными вмешательством человека в мир природы [84, с. 153]. Капиталистические производственные отношения порождают серьезные препятствия для реализации этих возможностей. Логика конкурентного накопления не просто порождает глубокие экономические кризисы: она представляет собой основную силу, стоящую за все более возрастающей угрозой разрушения окружающей среды [38, с. 55-58]. Гегемония корпоративного капитала выливается в гипертрофированное развитие превратного сектора в странах первого мира при экстенсивном росте грязных индустриальных технологий во втором и третьем – объясняет ситуацию А.В. Бузгалин [12, с. 183].

Таким образом, выходит, что экологические перегрузки в развивающихся странах тесно связаны с другими глобальными проблемами, прежде всего с общей отсталостью этих стран [72, с. 96]. Выходит, экспорт рисков из первого мира в третий вовсе не случайная черта капиталистической экономики. Без перекалывания риска на плечи других и торговли им капитализм немислим [19, с. 42]. Эти риски поднимают логику развития капитализма на новый уровень, еще более усиливая конфликтный потенциал периферийного сегмента мир-системы. Правда, У. Бек считает, что подверженность и неподверженность риску не распределяется по полюсам, как богатство и бедность. Классу подверженных риску не противопоставит класс неподверженных [6, с. 47]. Риски раньше или позже настигают и тех, кто их производит или извлекает из них выгоду. Этот эффект бумеранга проявляется в самых разных формах, считает У. Бек [6, с. 43].

Но наличие рисков, в том числе связанных с проблемами окружающей среды, не упраздняют, а усиливают классовый характер общества и социальную дифференциацию по уровню материальных доходов. Тот, кто имеет высокие доходы, власть и образование, могут купить себе безопасность и свободу от риска. Элиты успешно пользуются возможностью отгородиться от подобных проблем. В рамках мир-системы риски распределяются неравномерно, периферия оказывается изначально в худшем положении. Так, полезной для мир-экономики частью Африки стала лишь та, что находится под землей [22, с. 177]. Глобальные риски и актуальные проблемы продолжают генерализоваться, по большей части, центром мир-системы и объявляются всеобщими, тогда как, борьба с ними индивидуализируется для многих государств периферии. Лидеры мир-экономики обеспечивают себе удобные условия эксплуатации, а местное население периферии страдает от «экологического геноцида». Например, уровень углеродного загрязнения рек в Нигерии превышает максимально допустимый в США в 60 раз. Еще один пример. В Камеруне нефтяная рента не включается в бюджет более 20 лет. Официально правительство заявляло, что создается запас для тяжелых времен, но эти времена наступили, а жители Камеруна не дождалась помощи от государства. Это закономерно. Государство, через которое проходят нефтяные доходы, становится «независимым» от собственного населения, внешне ориентированным и принимает сторону доминирующих властей, которые являются источником ее автономии. Она, в свою очередь означает зависимость от внешних сил; таким образом, государство по отношению к собственному населению становится деспотическим [22, с. 78-179].

Уничтожение лесов в слаборазвитых странах обусловлено широкомасштабным использованием древесины в качестве основного вида топлива в сельских районах, а также необходимостью освоить дополнительные площади для сельскохозяйственной эксплуатации [72, с. 96].

Решение экологических проблем осложняется тем, что кроме проблем демографии, ресурсов, перенаселенности или трансграничного загрязнения, есть «ничейные компоненты» окружающей среды [80, с. 448]. «Ничейные» – это те элементы глобальной экосистемы, которыми одновременно пользуются, воспринимают и обладают все и которыми не может владеть или по праву распоряжаться никто в отдельности. На наш взгляд, эти проблемы правильно было бы назвать общечеловеческими. Это кажется верным, если учесть, что население каждой страны испытывает проблемы, возникшие в ней самой, последствия деградации природной среды, происходящей в пограничных с ней или более далеких странах, и глобальные опасности вроде истощения озонового слоя или изменения климата [80, с. 465].

Поистине глобальный масштаб экологических проблем, риск и угрозы намного превышает имеющийся у развитых капиталистических государств возможности с ними справиться в одиночку или создавать международные

институты, которые были бы достаточно эффективны. Этот факт ставит под сомнение состоятельность капитализма и национальных государств. Глобальные проблемы требуют глобального решения, требуют кооперации усилий не только в международном, но и во всемирном масштабе. В ходе истории постоянно расширялась сфера полномочия властей – от семейного клана до племени, от деревни и города до государства. Теперь человек обязан сделать следующий шаг к глобальному уровню, к единому миру [11, с. 399].

В рамках современной мир-системы это невозможно, вся практическая деятельность по предотвращению экологических угроз остается на уровне деклараций и заявлений. Крупнейшими программами международного сотрудничества по-прежнему являются военные [10, с. 403].

В условиях капитализма экологические проблемы только тогда становятся предметом практических действий, когда наносимый обществу ущерб становится совершенно нетерпимым. Меры принимаются лишь тогда, когда убытки от деградации природной среды начинают явно и существенно превышать доходы от ее использования [11, с. 384]. Поэтому уповать на одно только экологическое просвещение, одну только экологическую пропаганду нереалистично. Необходимо создание таких общественных отношений, в рамках которых экономика изначально ориентирована на обеспечение экологического благополучия.

1.2. Бедность и неразвитость в системе глобальных проблем

Хорошо известно, что богатство и бедность в современном мире распределены крайне неравномерно. 20 % богатейшего населения получает 82 % доходов, а 20 % беднейшего – 1,4 % [12, с. 24]. Эти обобщенные данные, по мнению А.В. Бузгалина, не столько раскрывают, сколько маскируют действительный уровень дифференциации. Резкий рост поляризации привел к тому, что 200 богатейших людей планеты имеют состояние, превышающее трехлетние доходы миллиарда беднейших жителей Земли. Внушительную подборку данных приводят В.Б. Кувалдин и Ф. Пуле: «Глобализация способствует усилению концентрации богатства и власти в руках небольшой группы индивидов, корпораций, государств. С 1994 по 1998 г. общее состояние 200 богатейших людей планеты (60 % из них – жители Северной Америки и Европы) увеличилось более чем вдвое с 440 млрд. долларов до более 1 трлн. долларов. Стоимость активов трех мировых супербогачей превысила валовой внутренний продукт 48 наименее развитых государств с населением в 600 млн. человек. В то же время 1,2 млрд. человек живут на доход менее 1 доллара в день. Сохраняется и усиливается тенденция увеличения разрыва между странами и народами по обеспеченности средствами существования. Так, 20 % наиболее обеспеченных жителей планеты потребляют 86 % това-

ров и услуг, более половины энергоресурсов, почти половину мяса и рыбы. В это же время от недоедания страдает 824 млн. человек, из них 790 млн. в развивающихся странах. В 2000 году 130 млн. детей, около 60 % из них – девочки, не имели никакого образования. Почти 1 млрд. взрослых не умеют читать и писать, более 2,4 млрд. лишены доступа к базовой санитарии, ежегодно для занятия проституцией продается около 1,2 млн. женщин и девочек в возрасте до 18 лет» [40, с. 42-43].

Процесс урбанизации нарастает, а бедность захватывает одни города за другими. Жители трущоб составляют примерно 78,2 % городского населения наименее развитых стран мира и целую треть всего городского населения в мире. Примерно половина жителей трущоб моложе 20 лет. В Дели специалисты фиксируют образование «трущоб в трущобах», когда новая городская беднота самовольно заселяет небольшие открытые участки периферийных колоний-поселений, куда в 1970 годах была насильственно выселена старая городская беднота. В мире существует более четверти миллиона трущоб. В официальных докладах численность населения трущоб нередко преуменьшается, но исследователи Центра глобального мониторинга городов предупреждают, что к 2020 году городская бедность в мире может поразить 45-50 % всего населения, проживающего в городах [30, с. 109-113].

Городская беднота заселяет опасные и не подлежащие застройке по иным причинам места – крутые склоны, берега и поймы рек или живет в наспех сколоченных хибарах, окружающих анклавы городских богачей. Они селятся близ очистных сооружений, предприятий химической промышленности, свалок ядовитых отходов или вдоль железных дорог и шоссе. В результате бедность превращается в проблему, беспрецедентную по своему масштабу. Глобальный рост населения трущоб и обширного неформального пролетариата – наглядное проявление тенденции к абсолютному обнищанию пролетариата, которая была открыта К. Марксом.

Авторы доклада Всемирного банка признают, что между 1993 и 1998 годом количество людей, живущих за чертой бедности, в менее глобализированных развивающихся странах выросло на 4 % и составило 437 миллионов. Произошло не только снижение дохода на душу населения; во многих странах снизились также средняя продолжительность жизни и длительность школьного обучения. Однако ниже авторы приводят данные о снижении с 1993 по 1998 годы количества бедных людей на 100 миллионов человек [21, с. 63-64].

В дебатах ООН, Мирового банка и Программы развития ООН – адептов борьбы с бедностью, сама бедность всегда трактовалась как многомерная проблема [22, с. 187]. Но многомерность понятия бедности допускает и субъективное его толкование, особенно в рамках политики, которая считает неэффективным перераспределение доходов. В итоге борьба с бедностью прекратилась, оставшись в поле исключительно социальной политики. Ре-

альной политикой для бедных стала не та, которая защищает их от рынка, а та, которая поощряет их участие в нем. Спасение от бедности – дело самих бедных. Современная стратегия сокращения уровня бедности, предложенная международными организациями, точно соответствует требованиям неолиберальной глобализации: сбалансированного бюджета, открытых рынков, хорошего управления, приватизации, благоприятного климата для зарубежных инвесторов и саморегулирующегося рынка труда [21, с. 199].

Здесь уместно вспомнить об одной из характерных черт капиталистической эпохи случающихся время от времени финансовых потрясений «развивающихся рынков». Наиболее заметными недавними жертвами в этом отношении стали Мексика (1994-1995), Восточная Азия (1997-1998), Россия (1998) и Аргентина (2001). Одно из основных требований, выполняемых государствами, претерпевающими структурную перестройку, заключается в либерализации движения капитала, то есть предоставления возможности свободного перемещения капитала через границы [38, с. 38-39]. И капиталы действительно с легкостью преодолевают национальные барьеры. Потоки движения устремлены от периферии к центру, а не наоборот, на чем настаивают лидеры международных финансовых организаций. В течение последних десятилетий прослеживался существенный чистый экспорт благосостояния «из бедных стран в богатые». К существовавшей ранее неэквивалентной торговле, растрате природных и человеческих ресурсов добавился, значительно усилив последние, механизм погашения внешнего долга. С 1982 года народы стран периферии направляли своим кредиторам суммы эквивалентные нескольким Планам Маршалла. Часть капитала непременно остается в руках местной элиты и мафии. А сумма, выплаченная с 1982 года за обслуживание внешнего долга, в 4 раза превышает объем самого долга [22, с. 187].

Механизм повышения внешнего долга препятствует борьбе с бедностью и воссоздает ее в новых формах. Погашение долга осуществляется за счет социальных расходов на образование, здравоохранение, жилищное строительство и инфраструктуру. Например, в Мексике на это уходит 30 % государственного бюджета. Считается, что новые ссуды в значительной степени компенсируют погашение долга странами третьего мира. Но это не так. В 1999 г. третий мир передал своим кредиторам на 100 млрд. долларов больше, чем было получено в качестве новых ссуд, которые еще больше увеличивают суммарный долг. Если бы внешний долг третьего мира был полностью списан без компенсаций для кредиторов, то они потеряли бы 5 % своих прибылей, а периферия избавилась бы от кошмарного бремени. Тем более, эта сумма не кажется так велика при сравнении с историческим, экологическим и социальным долгом первого мира перед третьим [22, с. 188].

В то же время, значительная часть мира, например, большинство африканских стран южнее Сахары, считается недостойной даже эксплуатации. Самые бедные страны мира не интегрируются в мир-экономику подобно

другим, а подвергаются остракизму со стороны капитализма, считающего их слишком рискованными для инвестиций и торговли [30, с. 64]. Согласно докладу Всемирного банка, около 2 млрд. людей сегодня живет в странах, практически не участвующих в глобализации, в основном в Африке и странах, образовавшихся на месте Советского Союза [21, с. 8]. В этих регионах мира масштабы бедности становятся исторически беспрецедентными. Ежегодно в среднем умирает от голода, недоедания и вызванными ими болезней около 15 млн. человек, т.е. примерно 30 человек каждую минуту [72, с. 25]. Это больше, чем погибало во всех охваченных войной странах в результате военных действий в годы второй мировой войны.

Логика развития капитализма сохраняет и усиливает отсталость периферии от центра мир-системы. Механизм изъятия значительной части прибавочного продукта в пользу центра, лишает, в конечном счете, товары развивающихся стран конкурентоспособности на мировом рынке. Одна из характерных черт периферии – формирование в этих странах специализации под определяющим влиянием потребностей и интересов центра мир-системы. Генезис такой зависимости и механизм ее постоянного воспроизводства были исторически обусловлены колониальной экспансией западных держав. В соответствии со спецификой развития в странах Запада, менялось и конкретное действие факторов взаимозависимости центра и периферии. Современный неолиберализм есть прямой наследник колониальной эксплуатации, а потоки товаров и движение капитала находятся под контролем монополий, большинство которых в свое время наладили инфраструктуру торговли колониальными товарами [72, с. 67].

Глобализация, по словам Дэвида Харви, создает в странах третьего мира новые города и униженные производственные системы под надзором сил, сосредоточенных в городах вроде Нью-Йорка [77, с. 80]. Создавая массу низкооплачиваемых рабочих мест на периферии, капитал оставляет без средств существования рабочих в центре мир-системы. При капитализме бедность выступает не просто результатом слаборазвитости, она является результатом его развития. Угрожающие темпы роста относительной и абсолютной бедности, обнажающей, к тому же, громадный конфликтный потенциал, не позволяют международным организациям и правительствам закрывать на нее глаза.

За последние пятьдесят лет богатство мира увеличилось в семь раз. Таким образом, международное сообщество должно ставить более серьезные задачи, чем преодоление порогового уровня бедности 1 доллар в день. Подобное снижение уровня бедности не может быть целью в развитии человечества. Сведение программы развития к борьбе с бедностью подобно сведению прав человека исключительно к праву на жизнь [22, с. 201]. Неспособность капитализма обеспечить устойчивое развитие стран «третьего мира» обусловлена не его недостаточной, а как раз напротив – избыточной дина-

микой. Эта динамика вызывает резкие изменения в экономическом благосостоянии многих стран [79, с. 107]. Механизмы развития мир-экономики регулярно воспроизводят и усиливают бедность и отсталость в качестве неперенных атрибутов капитализма. Решение этой глобальной проблемы можно будет найти только за историческим горизонтом современной мир-системы.

1.3. Трансформации национальной и классовой идентичности

В эпоху глобализации национальные государства становятся взаимосвязанными во всех аспектах – экономическом, политическом, культурном, социальном. Сама глобализация, по мнению многих, угрожает существованию национальных государств [15, с. 65]. Эта проблема заслуживает отдельного рассмотрения.

Понятие нации сложилось в XIX веке. Нация, с точки зрения историков XIX в., как бы существовала еще до государства, только в каком-то скрытом виде, как некая внутренняя сущность, какое-то органическое единство народа, которое государством было лишь оформлено [36, с. 384]. Но, с другой стороны, поскольку государства стали соединением регионов и местностей, в начале XIX века сами граждане, как бы их ни определяли, обычно были людьми весьма разного происхождения – говорящими на разных языках, придерживающимися разных обычаев, хранящими разную историческую память. Когда подданные стали гражданами, им, в свою очередь, предстояло превратиться в представителей нации, то есть людей, у которых лояльность к своему государству стоит на первом месте по отношению к любой иной социальной лояльности [17, с. 147].

Иллюзия нации двояка, считает Э. Балибар. Она состоит из веры в то, что в поколениях, сменяющих друг друга приблизительно на одной и той же территории и фигурирующих примерно под одним и тем же обозначением, передается некая неизменная субстанция. И еще из веры в то, что эволюция, некоторые аспекты коей мы ретроспективно выбираем так, чтобы воспринимать самих себя как их завершение, была единственно возможной; что она представляла судьбу. Проект и судьба – два симметричных обличья иллюзии национальной идентичности [3, с. 102].

Вот как говорит далее Э. Балибар о французах: «Если французы 1988 г., из которых, как минимум, каждый третий имеет иностранного предка – коллективно и соотносятся с подданными короля Людовика XIV (не говоря уже о галлах), то это благодаря череде случайных событий, у причин которых нет ничего общего ни с судьбой Франции, ни с проектом ее королей, ни с чаяниями ее народа» [3, с. 102]. Однако нельзя не согласиться с тем, что формирование этих воображаемых сообществ было в какой-то степени необхо-

димо для развития не только государства, но и капитализма. Государство нуждалось в новой легитимности, если раньше оно опиралось на божественные права царствующей династии, то теперь стало воплощением национального духа. Государство заинтересовано в единстве и однородности своего населения. Идея национального единства облегчает консолидацию вокруг правящего класса и упрощает управление. Возникает единый рынок товаров и капиталов, а также единый рынок труда, эти обстоятельства тоже требуют унификации. Государство решает эти задачи, создав бюрократию, армию, школу [36, с. 391].

В конечном итоге политический проект либерализма XIX в. для стран сердцевины капиталистического мира-экономики состоял в том, чтобы приручить опасные классы, предложив тройную программу рациональной реформы: всеобщее избирательное право, политика благосостояния и национальное самосознание [16, с. 196].

Посредством конструирования народа разрешается одно из базовых противоречий исторического капитализма – его одновременное стремление к теоретическому равенству и практическому неравенству – и разрешается оно через использование ментальных особенностей различных слоев трудящихся во всем мире. В плане осуществления этой задачи само непостоянство характеризующих нацию категорий предстает как нечто чрезвычайно важное. Ведь капитализм как историческая система, с одной стороны, нуждается в постоянстве неравенства, но, с другой, он одновременно нуждается в постоянном реструктурировании экономических процессов. Так что нечто, востребованное для обеспечения особого набора иерархических социальных отношений сегодня, завтра может оказаться непригодным вовсе. Поведенческие установки производителей должны меняться без того, чтобы подрывать легитимность самой системы. Периодические возникновения, реструктурирования и исчезновения этнических групп, таким образом, оказываются бесценным инструментом для поддержания гибкости в функционировании механизма экономики. Нация – это основной институциональный конструкт исторического капитализма. Она – несущая колонна его здания, и эта её значимость лишь возрастала по мере все большего развития и интенсификации капиталистической системы [3, с. 100-101].

Таким образом, миф о происхождении нации и ее непрерывности, в рамках современной истории удобный для молодых наций, порожденных деколонизацией, – это эффективная идеологическая форма, по которой, проецируя настоящее на прошлое, день за днем выстраивает себя воображаемая уникальность наций [3, с. 104].

Без национализма буржуазия не смогла бы закрепиться ни в экономике, ни в государстве. Можно также сказать, что национальное и националистическое государство стало основным редуктором сложности в современной истории [3, с. 214]. Но эта критика не должна заслонять от нас эффектив-

ность мифов о происхождении нации, предупреждают исследователи, эффективность, которую сейчас нельзя не почувствовать [3, с. 103]. Со временем, однако, национальная общность отчасти становится реальностью – не только на уровне языка, но и на уровне эмоциональных переживаний, на уровне культурных стереотипов [36, с. 393].

В XIX–XX вв. нация была более или менее действенным решением в экономике и политике. Хотя национальный проект и сейчас звучит отголосками локальных войн по всему миру. С конца XX века ситуация в мире стала меняться. Для дальнейшего получения максимальной прибыли политические границы государств стали препятствием для глобального капитала, считает А. Панарин. Что такое рыночный порядок для стран первого мира? Это право на ничем не ограниченную мировую экспансию – вторжение в пространство более слабых и ничем не защищенных экономик мировой периферии. Принципы открытой экономики всякую протекционистскую защиту запрещают. А что же рынок для периферии? Это вытеснение всех анклавов социальной и культурной развитости и ликвидация программ развития под предлогом их рыночной нерентабельности [59, с. 28–29]. В условиях глобального рынка политические элиты становятся товаром, покупаемым богатым мировым заказчиком [59, с. 72]. Компрадорские элиты присягают Западу, но массы готовы их в этом понять. Когда произошла капитуляция в области культуры, политическая капитуляция – лишь вопрос времени [58, с. 58]. Главным критерием в обществе становится эффективность и возможность принести прибыль. Глобальный рынок означает свободное перераспределение всех ресурсов, в том числе и закрепленных за государствами территорий, в пользу тех, кто продемонстрировал наивысшую экономическую эффективность.

В результате падения границ и других барьеров в глобальном открытом обществе земля и ресурсы переходят из рук менее умелых и приспособленных в руки более достойных, с точки зрения капитала [58, с. 13]. Неумелые и недостойные остаются лишь в исторических документах, произведениях искусства и памяти в головах уцелевших единиц.

Однако описанную тенденцию не стоит преувеличивать и возводить в абсолют. Примером подобной абсолютизации, на наш взгляд, может стать «Империя» М. Хардта и А. Негри [78], завоевавшая большой успех на Западе и породившая горячие дискуссии.

Авторы убеждены, что сегодня формируется новый вид глобального суверенитета взамен национального государства, это – Империя [78, с. 10]. Суверенитет национальных государств рушится, а это значит, что формируется Империя. Но эта новая глобальная форма суверенитета не имеет территориального центра власти и не опирается на жестко заданные границы или преграды. Это – лишенный центра, и вообще какой бы то ни было привязки к территории аппарат управления, который постепенно включает все глобальное пространство в свои открытые и расширяющиеся границы [78, с. 12].

Владычество империи не знает границ, она властвует над всем миром. Империя это не способ правления, а порядок, который исключает ход истории и навсегда закрепляет существующее положение вещей. Владычество империи распространяется на все уровни социального порядка, достигая самых глубин социального мира. Империя не только управляет территориями и населением, она сама создает тот мир, в котором живет. Империя представляет собой совершенную форму биовласти [78, с. 14]. Однако, несмотря на всеобъемлющий характер Империи, массы, что придают ей жизненную энергию, способны создать контр-Империю – альтернативную политическую организацию глобальных потоков и обменов [78, с. 15]. Пока же Империя эффективно регулирует глобальные обмены и является суверенной властью, которая правит миром [78, с. 10]. Такова, в нескольких словах, идея авторов.

Как видим, понятие «Империя» не до конца ясное. Но это и понятно, ведь Империя, по словам авторов, это власть, хоть и вездесущая, но неуловимая и крайне противоречивая. То есть она везде и нигде, а потому ее так сложно описать и вообще разглядеть, остается только удивиться, как же авторам удалось самим увидеть этот новый глобальный порядок. Невольно приходят на ум ассоциации с концепциями заговоров и мировой закулисы. Но в теориях заговора власть тайная, власть же Империи явная и открытая. Просто у авторов нет слов, чтоб ее описать, и примеров, на которые можно сослаться. Невозможность что-либо конкретно сформулировать как раз и является, по мнению Б. Кагарлицкого, главной новаторской мыслью этой книги. Все дело в противоречивости самого явления, объясняют нам. Империя еще до конца не сложилась, но она уже переживает глубокий упадок: «Противоречия имперского общества являются неуловимыми, множющимися и нелокализуемыми: противоречия везде» [78, с. 191].

Приняв за абсолютную истину неолиберальную теорию глобализации, М. Хардт и А. Негри, однако, не хотят примириться с властью капитала. На этой основе они формулируют собственные выводы и даже свою программу борьбы, которая отвечает новой реальности и новым правилам. Империя есть лишь политическое воплощение новой реальности. Если нет больше национального государства, если рынок и капитализм глобален, а национальные и региональные рынки остаются не более чем пережитками прошлого, должна же власть капитала иметь какую-то «политическую надстройку»? Если мы ее не видим, значит, она просто невидима.

На самом деле все происходит противоположным образом, утверждает Б. Кагарлицкий. Государство укрепляется, другое дело, что оно отказывается от своих социальных функций, становясь все более агрессивно-репрессивным и насквозь реакционным. Именно постоянное и возрастающее государственное принуждение (своего рода силовое регулирование общества в интересах рынка) позволяет глобализации продолжаться, несмотря на не-

прерывную череду экономических провалов и упорное сопротивление большинства людей практически во всех точках планеты. Транснациональные корпорации, в которых М. Хардт и А. Негри видят основную силу, организующую новый социально-экономический порядок, на самом деле остро нуждаются в государстве, причем именно государстве национальном. Ведь «глобальность» ТНК возможна лишь в условиях, пока остается неоднородным мировой рынок труда. Если бы все национальные рынки действительно слились в единый глобальный рынок, деятельность ТНК потеряла бы всякий смысл. Зачем было бы, например, производить кроссовки во Вьетнаме или Мексике для английского рынка, если бы затраты производства были бы примерно такими же, как в Англии? Подобный глобальный рынок в силу своей однородности неминуемо распался бы на множество однотипных, но локальных рынков, где производство для местного потребителя и из местного сырья было бы несравненно выгоднее, чем перевозка товаров из дальних стран. Корпорации заинтересованы как раз в том, чтобы продолжали существовать локальные рынки с принципиально разными условиями и правилами игры. А они, благодаря своей мобильности, могли бы из этих различий извлекать выгоду. Потому-то глобализация и остается принципиально незавершенной – довести дело до конца не в интересах прежде всего тех, кто возглавляет процесс. Другой вопрос, что вечная незавершенность глобализации на пропагандистском уровне будет постоянно использоваться для оправдания ее провалов. Легко понять, что в сложившихся условиях национальное государство не только не является пережитком прошлого, оно как раз и оказывается идеальным инструментом, с помощью которого транснациональные элиты решают свои вопросы. Сетевая Империя как политическая структура корпорациям не нужна, поскольку за последние 15-20 лет национальное государство полностью перенастроено: вместо того чтобы обслуживать своих граждан, оно решает проблемы «конкурентоспособности», создавая комфортные условия для транснационального капитала. Империи М. Хардта и А. Негри не видно не потому, что она неуловима, а просто потому, что ее нет [37].

Термин «Империя» авторы используют в каком-то особом смысле, не совпадающем с общепринятым. Конечно, кто-то может возразить, что авторы создали свою концепцию современного мироустройства и, может быть, это уже ценно. Но тогда необходимо парировать, что прежде чем предлагать новый научный аппарат, необходимо показать несостоятельность старого, а этого авторы, на наш взгляд, не сделали. Стремясь к оригинальности, М. Хардт и А. Негри забыли, что оригинальность ради нее самой противопоказана истинному творчеству.

Парадокс современной мировой ситуации заключается в том, что капитализм создал все необходимые предпосылки для единства мира. Но сам же является тормозом на пути к этому единству.

Классы же на деле являются совершенно отличными от наций образованиями, что прекрасно осознавали как К. Маркс, так и М. Вебер. Классы – это объективные, т.е. аналитические, категории; утверждения, касающиеся противоречий внутри той или иной исторической системы, а не описания социальных сообществ [3, с. 100-101].

Понятие социального класса не было изобретено Карлом Марксом. Оно было известно грекам, затем оно вновь появляется в европейской социальной мысли XVIII века и, в частности, в работах, вдохновленных Великой французской революцией. Вклад Маркса в эту традицию сводится к трем положениям. Первое, Маркс утверждает, что история есть на самом деле история борьбы классов. Второе, он указывает на тот факт, что класс «в себе» не обязательно является классом «для себя». Третье, он настаивает на том, что основной конфликт, определяющий капиталистический способ производства, – это конфликт между буржуа и пролетарием: между теми, кто владеют средствами производства, и теми, кто ими не владеют [3, с. 135].

Уже Макс Вебер ставил под сомнение то, что классовый конфликт представляет собой фундаментальную форму конфликта между социальными группами, утверждая, что класс – наряду с общественным положением и идеологией – есть только одно из трех более или менее равнозначных изменений, в которых формируются группы. Многие из учеников М. Вебера пошли еще дальше и заявляли, что первичным или изначальным, по отношению к классовому, является конфликт между статусными группами. С точки зрения К. Маркса, классы существуют независимо от того, осознают ли они свое существование в качестве класса в данный момент времени. Критики К. Маркса отвергают тезис об объективности классовых различий, утверждая, что единственно осмысленными конструкциями являются так называемые «субъективные» построения, т.е. что индивиды лишь тогда являются членами тех или иных классов, когда они признают себя принадлежащими им [3, с. 135-136].

О классовом сознании следует привести слова самого К. Маркса: «Речь идет не о том, что представляет себе в качестве цели тот или иной пролетарий или даже весь пролетариат. Речь идет о том, что он есть, и что он соответственно этому бытию исторически вынужден делать» [42, с. 145]. Еще Г. Лукач убедительно показал, что если индивид не осознает своих классовых интересов, это не значит, что их нет вовсе [42, с. 145-176].

Многие исследователи (П. Сорокин, Р. Арон и др.) в качестве главного классовобразующего признака выделяют не отношение к средствам производства, а доходы. Утверждается, что по мере развития капитализма увеличиваются доходы населения, люди удовлетворяют свои потребности, рабочий класс растворяется среди других слоев общества, появляется «средний класс», который включает в себя большинство людей данного общества [23, с. 56].

Сторонники таких утверждений видят только явление и не хотят анализировать сущность тех изменений и процессов, которые происходят в совре-

менном мире. Слов нет, в западных странах, население которых составляет около миллиарда человек, уровень жизни весьма высок, особенно у тех, кто имеет постоянную работу и обеспечен жильем. Может быть, верно и то, что большинству жителей Запада доступны машина, телевизор, жилье, отдых за границей и т.д. Бесспорно, что у многих есть определенные доходы, акции и т.д., но следует ли отсюда, что на Западе нет теперь рабочих, а есть только средний класс? Нет, конечно. Рабочий не потому является рабочим, что он получает мало или много, а потому что он лишен средств производства и вынужден продавать свою рабочую силу. Он может получать высокую зарплату, но, тем не менее подвергается эксплуатации, со стороны работодателей, поскольку они присваивают часть его труда. Такая эксплуатация – имманентная черта капитализма: без этого он развиваться не может. Раз есть капиталистическая экономика, значит, есть и рабочие, которые могут иметь определенные акции предприятия, но в то же время остаются рабочими. Понятие среднего класса – это бессодержательное понятие, скрывающее, а не раскрывающее реалии современного буржуазного общества.

Некоторые современные исследователи вообще утверждают, что классы в современном обществе исчезли потому, что исчезла частная собственность как классообразующий признак. Поэтому классы якобы существуют только на бумаге, а в реальной действительности нет. Так П. Бурдые прямо заявляет: «Классы, которые можно вычленишь в социальном пространстве, не существуют как реальные группы, несмотря на то, что они объясняют вероятность своей организации в практические группы, семьи, ассоциации и даже профсоюзные или политические движения» [13, с. 60].

Прежде всего, следует подчеркнуть, что, частная собственность может существовать не только в форме индивидуальной, но и групповой, в том числе и акционерной. Акционерная собственность не есть ни государственная собственность, ни общественная. Это разновидность частной собственности. В акционерных обществах решающую роль играют владельцы большинства акций. Поэтому рядовые акционеры, имеющие небольшое количество акций, лишены возможности каким-то образом влиять на деятельность акционерных обществ. К тому же человек, живущий на небольшую зарплату, не может купить акции дорогих компаний. Вместе с тем, не следует забывать, что «на базе капиталистического производства в акционерных предприятиях возникают новые мошенничества с платой за управление, рядом с действительным управляющим и над ним появляется множество членов правлений и наблюдательных советов, для которых управление и контроль фактически служат лишь предлогом к ограблению акционеров и к собственной выгоде» [47, с. 428].

Не исчезло имущественное неравенство. «Всего лишь 358 миллиардеров владеют таким же богатством, как и 2,5 миллиарда человек, вместе взятые, почти половина населения Земли» [50, с. 46]. Отрицать существование классов в реальной жизни – значит отрицать очевидный факт.

Этьен Балибар, правда, считает, что социалистическая идеология классов и классовой борьбы, формировавшаяся в постоянном противостоянии национализму, в конце концов, скатилась до копирования последнего – случай своеобразной исторической мимикрии. Следовательно, необходимо, чтобы идеология классов или классовой борьбы, каким бы именем она ни называлась, восстановила свою автономию, освободившись от какой бы то ни было подражательности [3, с. 215].

1.4. Отчуждение и культура в капиталистическом обществе

Как способ производства влияет на человека, его сознание и повседневную жизнь? Что означает для человека господство капитализма? Что означает отдельный человек? Отчуждение – сообщает нам Маркс в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» [48, с. 86-99]. Рабочий относится к продукту своего труда как к чуждому предмету. Ибо ясно: чем больше рабочий выматывает себя на работе, тем могущественнее становится чужой для него предметный мир, создаваемый им самим против самого себя, тем беднее становится он сам, его внутренний мир, тем меньшее имущество ему принадлежит. Рабочий вкладывает в предмет свою жизнь, но отыгнута эта жизнь принадлежит уже не ему, а предмету. Что отошло в продукт его труда, того уже нет у него самого. Поэтому чем больше этот продукт, тем меньше он сам. «Отчуждение рабочего в его продукте имеет не только то значение, что его труд становится предметом, приобретает внешнее существование, но еще и то значение, что его труд существует вне его, независимо от него, как нечто чужое для него, и что этот труд становится противостоящей ему самостоятельной силой; что жизнь, сообщенная им предмету, выступает против него как враждебная и чуждая» [48, с. 88]. Но отчуждение проявляется не только в конечном результате, но и в самом акте производства, в самой производственной деятельности. Мог бы рабочий противостоять продукту своей деятельности как чему-то чуждому, если бы он не отчуждался от себя в самом акте производства? Ведь продукт есть лишь итог деятельности, производства. Следовательно, если продукт труда – результат отчуждения, то и само производство должно быть деятельным отчуждением, отчуждением деятельности, деятельностью отчуждения. В отчуждении предмета труда только подытоживается отчуждение в процессе самого труда.

В чем же заключается отчуждение труда? «Во-первых, в том, что труд является для рабочего чем-то внешним, не принадлежащим к его сущности; в том, что он в своем труде не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным, не развивает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет свою физическую природу и разрушает свои духовные силы. Поэтому рабочий только вне труда чувствует себя самим

собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя. У себя он тогда, когда он не работает; а когда он работает, он уже не у себя. В силу этого труд его не добровольный, а вынужденный; это – принудительный труд. Это не удовлетворение потребности в труде, а только средство для удовлетворения всяких других потребностей, но не потребности в труде. Отчужденность труда ясно сказывается в том, что, как только прекращается физическое или иное принуждение к труду, от труда бегут, как от чумы. Внешний труд, труд, в процессе которого человек себя отчуждает, есть принесение себя в жертву, самоистязание. И, наконец, внешний характер труда проявляется для рабочего в том, что этот труд принадлежит не ему, а другому, и сам он в процессе труда принадлежит не себе, а другому. Подобно тому как в религии самодеятельность человеческой фантазии, человеческого мозга и человеческого сердца воздействует на индивидуума независимо от него самого, т.е. в качестве какой-то чужой деятельности, божественной или дьявольской, так и деятельность рабочего не есть его самодеятельность. Она принадлежит другому, она есть утрата рабочим самого себя» [48, с. 91].

В результате получается такое положение, что человек чувствует себя свободно действующим только при выполнении своих животных функций – при еде, питье, в половом акте, в лучшем случае еще располагаясь у себя в жилище, украшая себя и т.д., – а в своих человеческих функциях он чувствует себя только лишь животным [49, с. 356]. То, что присуще животному, становится уделом человека, а человеческое превращается в то, что присуще животному. Это объясняется тем, что рабочие не владеют средствами производства и вынуждены продавать свою рабочую силу или способность к труду в обмен на заработную плату, то есть средства на приобретение товаров, которые, возможно, они же и произвели.

Маркс выделил четыре основных закономерности отчуждения:

1. отчуждение рабочего от производственной деятельности;
2. отчуждение рабочего от продукта этой деятельности;
3. отчуждение рабочего от других людей;
4. отчуждение рабочего от способности развивать заложенные в нем внутренние качества, присущие ему как члену человеческого рода [57, с. 98-99].

Отчуждение выступает как воплощение зол капиталистической мир-системы, и именно в его ликвидации величайшее достижение будущего коммунистического общества. Отчуждение – это тот недуг, который в своем главном воплощении – собственности, разрушает целостность человеческой личности. Борьба против отчуждения – значит бороться за то, чтобы восстановить людям их достоинство. Трудно было бы спорить с И. Валлерстайном, что глубинной причиной всех значительных социальных возмущений нашего времени является не что иное, как отчуждение [17, с. 214].

Отчуждение носит универсальный характер, оно распространяется на все классы общества, то есть отчуждение – не форма социального угнетения

ния, а социальная патология, которая просто по-разному проявляет себя в разных социальных слоях, и буржуазия подвержена ей не меньше, чем рабочие [36, с. 79]. Даже удовольствие и радость перестают быть условиями, при которых человек развивает свою универсальную природу, и превращаются в эгоистические чувства обладания и приобретения [49, с. 356].

Отчуждение сводит на нет все предшествующее развитие человечества в плане его просвещения, познания мира и самого себя, в плане развития и совершенствования человеческого разума.

Ситуация с интеллектуальным состоянием человечества особенно трудна потому, что всем кажется, будто тут вообще нет никаких проблем, будто проблемы успешно решаются по мере возникновения, а числа решенных уже не счесть. Ими занимаются миллионы квалифицированных специалистов. Тратятся огромные средства. Течет непрерывный поток информации, открытий, изобретений. Однако проблем у человечества меньше не становится. Дело в том, что именно изобилие такого интеллекта, рост его практического могущества, чрезмерное захламление им жизненного пространства человека, его безудержное извращение и распространение стало мощной социальной основой колоссального занижения суммарного уровня человеческого интеллекта, тотального оглушения огромных масс людей [34, с. 508]. Лихорадка новизны принимается за дух прогресса. Об этом же нам повествует Д. Бурстин применительно к США [14, с. 662].

Однако не только в современной Америке все стало стимулом к изобретению, но и во всем капиталистическом мире. Скрывая истинное, гуманитарное, универсальное знание, масс-медиа ежедневно доносят до потребителя сведения о технических новшествах, способных, якобы, облегчить существование человека. «Умственная деятельность всякого американца большей частью определяется индивидуальными усилиями его разума... Люди, живущие в подобном обществе, не могут черпать свои убеждения из общего источника знаний того класса, к которому они принадлежат, ибо, можно сказать, здесь нет больше классов» [71, с. 319]. Эти слова де Токвиля показывают нам, что индивид больше не верит в универсальную истину, а живет собственными рассуждениями. Однако, это лишь следствие, причины кроются в другом. Идеология на службе глобального капитала тщательно скрывает наличие в современном обществе и классов, и отчуждения. Попутно человека убеждают в том, что универсальная истина недостижима, и только он сам знает, что ему нужно и как ему жить, в то же время механизм новшеств подсовывает потребителю все новые и новые товары, приобретая их, индивид тем самым транслирует прогресс в технологиях на собственную жизнь. То есть чем современнее и технологичнее предметы, окружающие индивида, тем больше он счастлив. При этом потребители во всеуслышание объявляются суверенными, как будто они определяют, что и как производить, покупая товары в супермаркете [57, с. 104].

Отсюда простой вывод: счастье потребителя определяют за него производители. Товаром в обществе становится и собственно человек. Чувствам при капитализме места нет. Ставя вопрос о том, благоприятствует ли развитию любви социальная структура западной цивилизации и соответствующий этой структуре уровень духовности, Эрих Фромм отвечает однозначно: нет [75, с. 102].

Современный человек воспринимает свои жизненные силы как инвестицию, которая должна приносить ему прибыль, максимально возможную. Человеческие отношения являются взаимодействием отчужденных автоматов, каждый из которых основывает свою безопасность на том, чтобы держаться в стаде теснее и не отличаться от других в мысли, чувстве или действии. Мир теперь – один большой предмет нашего потребления. Люди в обществе изобилия и потребления окружены не столько другими людьми, сколько объектами потребления [9, с. 5]. Счастье теперь состоит в том, чтобы развлекаться, а все предметы, как духовные, так и материальные, становятся объектом обмена и потребления. Основная задача университетов теперь – не образование, а выдача дипломов, констатирует Джейн Джекобс [29, с. 69]. И даже «в области любви ситуация соответствует социальному облику современного человека. Автоматы не могут любить; они могут обменивать свои «личные пакеты», рассчитывая на удачную сделку» [29, с. 106-107].

Капитализм без преувеличения можно назвать финишем бегства человека от свободы, от самого себя. Современный человек максимально разрывает связи с другими людьми и все неизбежнее становится индивидом [74, с. 37]. Либеральная идеология, если и соглашается с наличием в обществе отчуждения, то указывает на то, что отчуждение есть неизбежное зло (своего рода первородный грех), и можно разве что ослабить его наиболее губительное выражение [17, с. 214]. Однако, даже если признать правоту в данном пункте либералов, вряд ли можно усомниться в том, что только при капитализме отчуждение достигает невиданных ранее масштабов. Этот факт нашел отражение в кино [70, с. 292-293] и литературе середины XX века: «Машина оказалась двуликой. Она – орудие освобождения и в то же время орудие угнетения. Она сберегает человеческую энергию, но и направляет ее в ложное русло. Она создала широкую систему порядка, и она же вызывает путаницу и хаос. Она верно служит благородным целям человечества, но она же извращает и сводит на нет эти самые цели» [44, с. 239-240], «дело рук своих ненавидят и презирают настолько, что если, скажем, в вашей новой машине дурно пахнет, то скорее всего ей в нутро запихали кожуру от банана и наглухо ее там закупорили; и если механик не может понять, почему тарахтит новая машина, предложите ему вскрыть картер заднего моста и выгрести гайки и болты, брошенные туда рабочими, ненавидящими собственное создание!» [66, с. 234-236].

Капиталистическая мир-система подавляет личность, отчуждает ее, разрушает в человеке все универсальное, что заложено в нем от природы. В со-

временном обществе отчуждение становится почти всеобъемлющим. Оно пронизывает отношение человека к его труду, к предметам, которыми он пользуется, распространяется на государство, на окружающих людей, на него самого [76, с. 230-233]. В конце тридцатых годов двадцатого века П. Сорокин писал: «Все важнейшие аспекты жизни, уклада и культуры западного общества переживают серьезный кризис, ... больны плоть и дух западного общества...» [69, с. 427]. Ясперс К. говорил о том же: «В нашу эпоху массового порядка, техники, экономики, духу вместе с человеческим бытием грозит, если эта неизбежность абсолютизируется, разрушение в своей основе...» [88, с. 105].

Как видим, тенденции, замеченные еще в начале прошлого века, сегодня все сильнее набирают обороты. Налицо глобальный кризис в духовной сфере. Хотя на первый взгляд это утверждение может показаться парадоксальным. Действительно, человечество на современном этапе своего развития достигло огромных успехов. По сравнению с предыдущими эпохами возрос уровень грамотности. Миллиарды людей стали грамотными. Они успешно используют достижения современной научно-технической революции как в общественной, так и в частной жизни. Радио, телевидение, видеотехника, компьютеры и т.д. дают возможность человеку обогащать свой субъективный мир, осваивать все новые и новые пласты культуры. Ежедневно выходит множество газет и журналов, публикуются статьи, книги и брошюры. Казалось бы, интеллектуальный уровень людей должен быть очень высоким. Однако в начале третьего тысячелетия сложилась трагическая ситуация. Можно даже говорить о массовой деинтеллектуализации общества. Художники этой картины – капитализм и неолиберальная глобализация.

Всепроникающая западная массовая культура часто стоит неизмеримо ниже, чем местная аборигенная культура народов периферии. Большинство населения периферийных стран встречает ее в штывы. В результате в их глазах сопротивление Западу предстает, прежде всего, как борьба за сохранение своих традиционных культурных ценностей. Как следствие, значительным числом западных политологов эта борьба была понята как столкновение цивилизации Запада с традиционными цивилизациями [67, с. 27].

Труд, сделавший некогда обезьяну человеком, опускает теперь человека гораздо ниже животного состояния. Общество, в котором каждый отчужденный индивид одинок и растерян, не может именоваться полноценным человеческим обществом. Глобальный кризис современного общества не обошел стороной и культуру.

1.5. Трансформация семьи и углубление гендерного неравенства в эпоху глобализации

Одно из принципиальных изменений в обществе, которое влечет за собой глобализация, – трансформация брака и семьи. Такой видный совре-

менный социолог, как Э. Гидденс, вообще считает перемены, затрагивающие нашу личную жизнь, – секс, любовные отношения, брак и семью, *важнейшими* из всех перемен, происходящих в мире [19, с. 67].

В оценке этих перемен в целом преобладают алармистские настроения. Так, Дж. Джекобс прямо заявляет, что современная семья находится в беде.

Более половины супружеских пар распадается. Срок жизни большинства новых семей в Канаде недостаточен для того, чтобы поставить детей на ноги. Все чаще от брака отказываются вовсе или отодвигают его в зону среднего возраста. Появилось новое поколение молодых семей без собственного жилья [29, с. 45]. Констатируя симптомы кризиса семьи, Дж. Джекобс не рискнула поставить вопрос о его причинах, остановившись на описании массы фактов.

С оценкой современного состояния института семьи как кризисного согласны и многие отечественные исследователи. Так, А.И. Антонов считает, что в мире протекает процесс исторического отмирания многодетной семьи. Более того, наблюдается тенденция к полному отказу от брака, семейности и даже деторождения, что ведет к сокращению рождаемости, а в перспективе – к полной бездетности. Автор указывает, что улучшение условий жизни, рост образования, профессиональной занятости женщин, благосостояния индивида и семьи, приводит к усилению кризисных явлений в семейной сфере. Проведенные под руководством А.И. Антонова исследования показали, что с повышением социального статуса, дохода и образования, распространением профессиональной занятости женщин резко увеличивается уровень их притязаний на индивидуальные достижения и успех в карьере, что влечет за собой снижение субъективной ценности семьи и детей. Значение материнства в глазах женщин снижается, зеркальным отражением этого процесса является обесценение значения отцовства в глазах мужчины. Эти процессы, по мнению А.И. Антонова, являются причиной отмирания общественной потребности в детях [1].

Кризис института семьи констатирует также Т.А. Гурко. Автор связывает его не только с ломкой устоев традиционного общества, но и с распространением ценностей гедонизма и индивидуализма, бездумным насаждением худших образцов западной массовой культуры, алкоголизацией населения и межнациональными конфликтами. Преодолеть кризис семьи Т.А. Гурко надеется за счет возрождения коллективистских ценностей и продуманной социальной политики [25, с. 99]. К сожалению, Т.А. Гурко избегает конкретики, когда ведет речь о существовании происходящей в России ломки прежнего типа мироустройства. Поэтому ее суждениям недостает глубины. Кризис семьи оказывается у нее каким-то изолированным процессом, никоим образом не связанным с общей логикой капиталистической глобализации.

Порой приходится сталкиваться с трактовкой кризиса семьи в России как результата внешнего влияния. Такова, например, позиция И.Ф. Дементь-

евоy. Она считает, что в настоящее время необходима инициатива органов власти для определения места традиционных ценностей в новой ценностной структуре общества с целью сохранения национальной индивидуальности России [27, с. 159-160]. У нас существуют веские основания полагать, что предложенный И.Ф. Дементьевой путь решения проблемы не приведет к успеху. В сущности, она предлагает воздействовать на сознание людей, не затрагивая их бытия. Но изменить сознание, не воздействуя на общественное бытие, невозможно.

Наряду с алармистскими трактовками проблемы состояния семьи существуют и иные, оптимистические. Так, С.И. Голод отмечает, что алармисты ссылаются на одни и те же лежащие на поверхности факты: увеличивающееся число одиночек, рост количества разводов, снижение уровня рождаемости, увеличение числа неполных семей, возрастание количества повторных браков, интенсификация сексуальных отношений вне брака. По мнению этого автора, названные факты свидетельствуют о том, что в обществе происходят глубокие социальные сдвиги, которые вовсе не обязательно трактовать как кризис. Ссылки на падение нравов, всеобщее растрение, развал семьи автор считает неубедительными. Предлагая смотреть на семью с позиции будущего, С.И. Голод считает, что ослабление зависимости детей от родителей, а также зависимости жены от мужа содействует формированию нового – постсовременного – типа семьи. В такой семье возникает своеобразная кооперация, открывающая уникальные возможности для отхода от зависимых отношений, и формируются многослойные отношения между полами и поколениями. В результате открывается широкое пространство для самореализации каждого из членов семьи. Европейским, американским или российским стратегам, по мнению С.И. Голода, надлежит не ностальгировать по старым временам, а с наибольшей пользой для себя действовать в тех условиях, которые предлагает реальная жизнь [24]. Близкую позицию занимает и Т.Ю. Шманкевич. Современная модель семьи, по мнению исследователя, в отличие от традиционной, не снабжает молодого человека готовыми жизненными сценариями, а лишь предоставляет возможность поисков себя, которые будут продолжаться на протяжении всей жизни [82, с. 169]. Аналогичных взглядов придерживается Ю.В. Федотова, которая полагает, что во всех сферах жизни предстоит огромная моральная работа, но, возможно, в сфере семейной она наиболее важна [73, с. 140].

Не все противники алармизма, однако, расценивают состояние семьи столь восторженно-оптимистически. Так, Б.Б. Хубиев признает кризис семьи, однако не считает его поводом для тревоги. С его точки зрения, этот кризис – исторически конкретное выражение глобально-системного кризиса, вызванного не какими-то случайными факторами, а сущностными, атрибутивными чертами индустриально-рыночной цивилизации, что стали характерными и для российского общества. Кризис семьи в российском обществе

связывается им также с трудностями периода модернизации [81, с. 88-89]. Таким образом, Б.Б. Хубиев, насколько можно судить, придерживается той точки зрения, что в настоящее время происходит формирование нового типа семьи, соответствующего новым историческим условиям. Здесь в его позиции имеется определенная неясность: сама индустриально-рыночная цивилизация несет в себе трансформацию семьи или только трудности переходного этапа вследствие «слома советского цивилизационного типа»?

Сходные взгляды высказывает известный исследователь современности З. Бауман. Автор напрямую связывает трансформации института семьи с наступлением эры легкого, свободно плавающего капитализма, отмеченного свободой и ослаблением связей между капиталом и рабочей силой, формирующего «расплавленную», «текучую», рассредоточенную, разбросанную и лишённую государственного регулирования современность. Наиболее ужасные последствия теперь бьют наугад, считает З. Бауман, выбирая свои жертвы в соответствии с самой причудливой логикой или безо всякой видимой логики вообще, направляя удары по собственной прихоти, так что невозможно предвидеть, кто обречен, а кто спасется. Таким образом, З. Бауман связывает кризис семьи с капиталистической глобализацией, резко повышающей степень стихийности общественных процессов [5, с. 161].

Чтобы достоверно судить о том, в каком состоянии находится в настоящее время семья, мы должны помнить, что всякий социальный институт не пребывает в застывшем состоянии, а находится в постоянном развитии, изменении.

Только с возникновением капитализма перед женщинами открылась возможность включиться в систему социально-экономических отношений за пределами семьи. Капиталистическое производство нуждалось не только в мужском, но и в женском труде, за который женщинам можно было платить меньше, чем мужчинам. Жена, занятая в общественном производстве, не только не является иждивенкой мужа, но, наоборот, выступает наряду с ним в роли иждивителя детей. Самостоятельный заработок сделал женщину равной в экономическом отношении с мужчиной, что неизбежно начало подрывать его господство. Включение женщин в систему капиталистических социально-экономических отношений предполагало изменение их правового положения. К концу XX века женщины во всех развитых капиталистических странах добились равных с мужчинами гражданских прав. Естественно, что изменение положения женщин в обществе не могло не сказаться на их положении в семье, тем самым на характере семьи вообще. Началось крушение господства мужчины в семье, и соответственно патриархического брака и патриархической семьи [68].

Отметим, что К.Маркс признает капитализм прогрессивной эпохой экономической общественной формации [45, с. 8]. Капитализм не только ведет к ускоренному сближению и слиянию наций, к исчезновению этнических

различий, характерных для доиндустриальной эпохи [46, с. 588], но и подготавливает новые формы семьи, новые условия в положении женщины и воспитании детей.

Сегодня, по мере уменьшения семьи, объективно возрастает роль матери в воспитании детей. Показательно, что российские подростки перечисление членов семьи начинают с матери [41, с. 65]. Переосмыслению подверглась в настоящее время и роль отца. Все чаще слышны голоса отцов об ущемлении их родительских прав, протест против того, что женщине отдается предпочтение, поскольку именно она выносила и родила ребенка. Показательно здесь, что участились, особенно в США, случаи, когда отцы похищают детей, отнятых у них после развода [6, с. 171].

Изменение отношения к материнству и отцовству означает и изменение отношения к детям вообще. В принципе уже завершилось отделение секса от деторождения. По логике феминисток, полная свобода женщин немислима без свободы распорядиться судьбой нерожденного ребенка. Однако, как они отмечают, в обществе по-прежнему прерывание беременности воспринимается с осуждением. Хотя, например, во Франции закон о разрешении контрацепции был принят в 1967 году, а закон о легализации абортов в 1975 году, женщины до сих пор наталкиваются на преграды. Настораживает борцов за права женщины усиление реакционных сил, в частности церквей. Показателен случай Польши, где разрешенные в 1956 г. аборты в 1993 г. были снова запрещены вследствие усиления влияния католической церкви [83, с. 105-106].

Все же распространение противозачаточных средств, практики абортов и достигнутые политические решения сделали свое дело. Рождаемость на Западе падает, но значимость ребенка растет. Больше одного уже, как правило, не бывает. Рождение ребенка повышает общественный статус отца, но существенно снижает шансы матери на карьеру. К тому же в случае развода она оказывается в невыгодном положении на рынке труда. Дети отрицательным образом сказываются на благосостоянии матери. Во Франции 41,7 % неполных семей, в основном женщины с детьми, имеют доходы ниже уровня бедности [83, с. 105-106]. В то же время в современном обществе одинокая мать не всегда означает «брошенную женщину». Как отмечает У. Бек, сегодня это возможность, которую женщины осознанно выбирают и, ввиду конфликтов с отцом, порой считают единственным способом завести желанного ребенка [6, с. 177]. Хотя вступление в брак в случае беременности является вполне обычным сценарием формирования семьи [61, с. 132].

Если в традиционном обществе детей воспринимали, в первую очередь, как потенциальных наследников, то в настоящее время главная функция детей – быть объектом любви и заботы. В наши дни ребенок становится последним средством против одиночества. В итоге наблюдается нетипичная в прежние времена для практики взаимоотношений в семье ситуация, когда

родители обращаются к несовершеннолетним детям за консультацией по жизненным вопросам. Неизбежным следствием демократизации отношений в семье являются трудности воспитательного процесса. В условиях меняющегося общества нет устойчивых ориентиров будущего развития, не определена перспективная стратегия социальных приоритетов [27, с. 159]. Проблемы в воспитании детей чаще встречаются в больших городах, чем в семьях средних и малых городов, и особенно в сельских семьях. Чем больше город, тем более разобщены родители и дети, тем шире круг общения детей и подростков, больше соблазнов. В сельских семьях, наоборот, родственные узы крепче, а родители больше информированы о своих детях со стороны соседей, учителей и других жителей поселения [52, с. 112]. Однако в целом для современной семьи характерно нарастание отчуждения детей от родителей, конфликт ценностных ориентиров. Возросшая социальная мобильность и связанная с ней более частая смена социального окружения индивида, нередко значительно отличающаяся от окружения его родителей, усиливает это отчуждение.

Никогда в прошлом брак как социальный институт не основывался на духовной и душевной близости. Взаимная симпатия считалась желательной, но вовсе не обязательной в браке. Страстная любовь нигде не признавалась необходимым или достаточным условием для брака и в большинстве культур считалась противостоящей ему [18, с. 63]. Счастье в браке рассматривалось как вторичное по отношению к приоритетной потребности – деторождению. Относительно любви ожидалось, что она придаст рутинной повседневности определенную теплоту. Реально же отношения между мужем и женой, как правило, не выливались в страсть, скорее, в заботу, ставшую традицией или имитирующей нежность [24]. В докапиталистической Европе большинство браков заключалось по контракту на экономической основе. Среди крестьян брак был средством организации аграрного труда. Еще в XVII веке среди женатых крестьянских пар в Европе поцелуй и ласки были редким явлением. Примерно с конца XVIII века в Европе начинает ощущаться присутствие в браке романтической любви, которая впитала в себя элементы страстной любви и идеалы моральных ценностей христианства [18, с. 64]. Сегодня для большинства молодого европейского населения и тех регионов мира, где влияние глобализации ощутимо, порядок приоритетов окончательно изменился. Личная привязанность воспринимается в наши дни как главное условие семейного благополучия. Прежде всего, каждый из супругов ждет от брака эротики, счастья и личностной самореализации, а рождение ребенка рассматривается как важная, но не первоочередная потребность и часто откладывается на более поздний срок [24].

Сегодня именно пара, состоящая или не состоящая в официально зарегистрированном браке, является ядром семьи. Пара заняла центральное место в семейной жизни по мере снижения экономической роли семьи и пре-

вращения любви в основу брачных уз [19, с. 74]. Образование пар и отношения между их участниками становятся важнее, чем заключение официально оформленного брака. В настоящее время люди все чаще живут вместе, не состоя в браке. Замужество как жизненная цель имеет существенное значение сегодня лишь для минимального числа европейцев [24]. Брак означает лишь, что у пары стабильные отношения, и она намерена укреплять эту стабильность, раз публично заявляет о своих обязательствах друг перед другом [19, с. 75]. Основными ценностями брака признаются адаптация, интимность и автономия. Первый принцип означает приспособление индивидуальных планов, образов и практик супругов к потребностям друг друга. Интимность подразумевает не только откровенность, диалог как основное условие близости и любви, но и эротизм, насыщенные сексуальные отношения. Автономия выражается в разнообразии интересов каждого супруга, выходящих за пределы брака, т.е. определенной независимости друг от друга [24].

В большей независимости супругов есть и другая сторона. В одной стране за другой законодатель вводит категорию «супружеское изнасилование». Секс теперь не только не связан с браком, но сексуальная связь более не считается супружеским правом и обязанностью. Принуждение супруга или супруги к сексу теперь может классифицироваться как преступление. Более того, как сексуальное домогательство может быть классифицирована и родительская любовь, и забота о ребенке. После обнаружения фактов сексуального насилия над детьми в семьях и за их пределами родительская нежность потеряла свою невинность. Над семейным укладом навис призрак секса. Чтобы не быть уличенным в преступном посягательстве, нужно держать детей на расстоянии и воздерживаться от близости, от публичных и осязаемых проявлений родительской любви [4, с. 297].

Впрочем, в идеализации современной любви также обнаруживается влияние разъединяющей, индивидуализирующей, лишаящей ориентиров, противоречивой в самой своей основе капиталистической современности. Такая идеализация – оборотная сторона утрат, приносимых глобализацией. Если не Бог, не класс, не сосед, так хотя бы возлюбленный или возлюбленная есть рядом [6, с. 172].

Тем не менее, количество разводов, как и повторных браков, растет. Это свидетельствует о кризисном состоянии семейных уз. В Китае на государственном уровне предпринимаются меры, затрудняющие развод. Хотя в целом в Азии количество разводов меньше, чем на Западе, но оно стремительно увеличивается. Эта тенденция характерна для городов. Для сельской местности, где 60 % браков все еще заключается по уговору между родителями, рост числа разводов не характерен. Потому многие из тех, кто поженились в сельской местности, сегодня разводятся уже в городах [19, с. 68-69]. Еще Ф. Энгельс писал, что нерасторжимость брака – это следствие экономических условий, при которых возникла моногамия, и если нравственным явля-

ется только брак, основанный на любви, то он и остается таковым, пока существует любовь. А поскольку любовь имеет свойство проходить, то развод становится благодеянием для обеих сторон и общества [85, с. 89].

Трансформации современной семьи являются частью более общего процесса изменения гендерных отношений вообще. Логика эволюции взаимоотношения полов в обществе – неуклонное освобождение женщины из-под власти мужчины и нарастание ее свободы. Однако это происходит не само собой, а в результате борьбы женщин за свои права, еще далекой от завершения.

Как пишет М. Шолле, общество позволяет женщинам пользоваться своими правами, но скрепя сердце и даже ставя всевозможные препоны [83, с. 107]. Разница в оплате труда во Франции, объясняемая исключительно полом работника, не зависящая от возраста и образования, колеблется в пределах от 5 до 15 %. А из 455 профессий там же на два десятка профессий приходится 45 % работающих женщин. Женщины составляют 80 % тех, кто работает на полставки [83, с. 110]. Аналогичная картина в США. Там работающие женщины в возрасте от 16 до 24 лет получают 90 % от средних заработков мужчин, женщины средних лет – 75 %, а женщины 50 лет и старше – только 65 %. Средняя зарплата американки составляет 74 % заработка мужчин, у афроамериканок этот показатель равен 65 %, у латиноамериканок – 57 %. У российских женщин этот показатель еще ниже – всего лишь 45 %. Не обладают женщины равными правами с мужчинами и в том, что касается доступа к профессиям. В Европе 79 % занятых женщин работают в сфере обслуживания, которая становится все более «женским» сегментом. Немцы сегодня получают подготовку по 376 профессиям. Вместе с тем 80 % женщин проходит обучение по 25 специальностям, большинство из которых относится к сфере обслуживания. В странах-членах Организации экономического сотрудничества и развития более половины женщин сконцентрированы в торговле, образовании, в сфере ухода за детьми, больными и престарелыми, на должностях секретарей [43, с. 129].

Очень неохотно общество пускает женщин в политику. Как показала Т.Б. Рябова, в современной российской политике гендерные стереотипы весьма живучи. Мнение, что «политика – не женское дело», «политика – дело настоящих мужчин», имеет в России прочные позиции [62, с. 5].

К этому стоит добавить, что по-прежнему домашние дела считаются женской работой. Причем труд по ведению домашнего хозяйства не оплачивается. И сегодня 80 % мужчин в Германии считают, что мужчина должен работать, а жена оставаться дома. С их точки зрения, это не ущемление прав женщин, а неизбежная закономерность. На словах соглашаясь с равноправием, на деле мужчины по-прежнему отстаивают свою свободу от работы по дому [6, с. 155].

Более того, часто борьба женщин за свои права подвергается решительной критике со стороны исследователей – мужчин. Делокаров К.Х. отмеча-

ет, что стремление женщин-феминисток к радикальному пересмотру роли женщин в структуре современной цивилизации не находит поддержки не только у абсолютного большинства мужчин, но и у значительной части женщин. Названный автор считает, что, будучи зеркальным отражением ассиметричной мужской цивилизации, женские движения в конечном итоге бо- рются не столько за женщин, сколько против мужчин [26, с. 69].

С К.Х. Делокаровым согласен С.И. Голод. По его мнению, феминизм всегда складывался из двух компонентов – с одной стороны, освободительного, антиавторитарного и, с другой, – сектантского, замешанного на озлоблении и женском шовинизме. Нельзя не заметить того факта, что некоторые активистки эмансипаторского движения требуют не столько равноправия, сколько «льготных условий» [24]. Зеркальным отражением крайностей феминизма являются труды, в которых ставится вопрос об утрате мужчинами их «естественного» места в обществе. Такова, например, работа А.А. Крушанова «Мужская доля». Великое гендерное противостояние, по словам автора, завершилось полным поражением мужской половины. Основанием для столь радикального вывода стало высказывание патриарха Кирилла, который считает, что теперь сильная половина населения – женщины [39, с. 119]. Отношение слов патриарха и реального положения в данной сфере А.А. Крушановым под сомнение не ставится. Автор сожалеет, что произошедший разгром мужской половины населения России еще толком не замечается, и, что особенно печально, не волнует государство [39, с. 121]. Женщины сегодня, продолжает А.А. Крушанов, не защищаются, а нападают. В качестве доказательства даются ссылки на различные издания, которые учат манипулировать мужчинами и быть стервой [39, с. 125]. В целом статья А.А. Крушанова – яркий образец ненаучного подхода к проблеме взаимоотношения полов, пример необъективности и предвзятости.

Что нового вносит глобализация во взаимоотношения полов, в распределение гендерных ролей в обществе? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо четко представлять себе сущность глобализации. Если отвлечься от частных и деталей, глобализация – высший этап развития мировой капиталистической системы, для которого характерна резкая поляризация центра и периферии. Это означает, что предметом анализа должна быть не отдельно взятая страна, а мир в целом. Понятно, что глубокое различие условий в центре и на периферии приводит к тому, что в разных частях системы процессы протекают различным образом.

В ходе глобализации реальное производство необратимо перетекает из метрополии на периферию. Это ведет к ухудшению положения трудящихся в центре мировой капиталистической системы, что бьет в первую очередь по женщинам. Целые отрасли и промышленные производства, где женщины работали полный рабочий день, были переведены в другие страны, в которых труд стоит намного дешевле. Уходит в прошлое такое социальное за-

воевание, как отпуск по уходу за ребенком, сокращаются или вовсе отменяются пособия по уходу за детьми. На практике отринут принцип равной оплаты за равный труд. Женщины вынуждены перейти на частичную занятость, случайную или надомную работу. Результатом стало ухудшение условий труда и снижение заработной платы [43, с. 123].

Но и роль мужчины как основного кормильца семьи оказалась подорванной; сокращение зарплаты, урезание обязательств работодателя по коллективным соглашениям, рост безработицы разрушили социальную стабильность, достигнутую прежде посредством постоянной занятости. Работодатель все чаще выставляет за ворота предприятия мужчин, чтобы оставить женщин, которые согласны делать ту же работу за меньшую зарплату. В итоге происходит феминизация занятости, предполагающая, по мнению М. Малышевой, два принципиальных изменения [43, с. 127]:

- существенное расширение занятости женщин в оплачиваемом секторе экономики;
- возникновение качественно новых видов занятости, которые считаются сугубо женскими.

Сегодня в Европе в целом женщины составляют 81,5 % частично занятых работников. Третья часть мелкого бизнеса в Германии основана женщинами, преимущественно в сфере обслуживания. Более чем на половине этих предприятий работает только сама женщина-предприниматель. По крайней мере, $\frac{2}{3}$ женщин испытывают трудности с материальным обеспечением семьи. В Великобритании женщины занимают 90 % вновь созданных рабочих мест с гибкими режимами труда. В Европе 79 % занятых женщин, работают в сфере обслуживания, которая становится все более «женским» сегментом. Вследствие разрастающейся на Западе сферы услуг женщины интегрируются и маргинализируются одновременно, а дешевая и мобильная женская рабочая сила рассматривается как естественный и почти неограниченный ресурс [43, с. 129].

Женщинам периферийных стран, в том числе России, глобализация принесла еще больше трудностей. Открытость национальных рынков и отказ органов государственной власти от регулирования экономики привели к драматическому обнищанию населения, в первую очередь женщин. Беззащитными оказались крестьяне. Открытие границ повлекло за собой наводнение местных рынков очень дешевыми предметами потребления и продуктами. Упадок мелкотоварного производства вынуждает мужчин отправляться на поиски работы в города, а женщины берут на себя все обязанности в семье и домашнем хозяйстве, работая за незначительную плату [22, с. 206-207].

Девочки первые бросают школу, чтобы удовлетворить спрос на дешевую рабочую силу в международной экономике. Недоступность школ для девушек еще более откладывает и усложняет эмансипацию женщин от патриархальных структур и их борьбу против организаций, поддерживающих

эти структуры. В настоящее время в мире 1,3 миллиарда бедных, женщины составляют среди них 70 %. В развивающихся странах неграмотных женщин до сих пор на 60 % больше, чем мужчин. Посещаемость девочками школ, в том числе начальных, на 13 % меньше, чем мальчиками [22, с. 208]. Женщины из развивающихся стран мира рассматриваются как ресурс дешевой рабочей силы и источник удовольствий для пресыщенных мещан. Именно их потребности обслуживает секс-индустрия. Мигрантки занимаются также сбором мусора, уборкой помещений, неквалифицированным сервисом. Здесь существует и специфическая гендерная иерархия: мужчины чистят дороги, фасады домов, окна и получают больше, чем женщины, которые работают в закрытых помещениях. Мигрантки с образованием и квалификацией, состоящие в браке и даже имеющие детей, могут стать домашней прислугой. Так, 36 % филиппинок, которые по всему миру убирают чужие дома, имеют диплом об окончании колледжа [43, с. 131].

Поскольку статистика рассматривает домохозяйства как единое целое, трудно точно оценить зависимость между отношениями полов и бедностью. Возможно, реальные цифры еще более ужасающи.

Можно утверждать, что семья – это поле боя между традициями и современностью, метафорический образ того и другого [19, с. 69]. Однако за многое из того, что нынче приносит страдания и мужчинам, и женщинам, ни те, ни другие личной ответственности не несут, ведь причины происходящего лежат вне их взаимоотношений [6, с. 160, 187]. Глобализация, с одной стороны, нивелирует различия между странами, культурами, народами и, соответственно, полами. С другой стороны, она же способствует образованию и углублению нового неравенства. В интересующем нас аспекте это означает, что глобализация усиливает неравноправие полов. Пока существует капитализм, оно неустранимо. Заглядывая за исторический горизонт капитализма, мы не можем, как верно отметил Ф. Энгельс [85, с. 89], сказать какими будут отношения между полами в будущем, но благодаря истории мы уже сегодня знаем, чего в них не будет.

Какую глобальную проблему современности бы мы ни рассматривали, везде мы приходим к выводу, что рассматриваем проблемы капитализма, вызванные его противоречиями. Логика мир-системы подталкивает человечество к краю пропасти. Глобальные проблемы человечества – это не сумма отдельных и лишь косвенным образом связанных между собой проблем, а структурный кризис существующей во всемирном масштабе социально-исторической системы, называемой капитализмом. Решение актуальных проблем можно будет найти только за историческим горизонтом современной мир-системы. Поистине глобальный масштаб современных проблем, риск и угрозы намного превышает имеющийся у развитых национальных государств возможности с ними справиться лично или создавать междуна-

родные институты, которые были бы дееспособными. Этот факт бросает вызов легитимности капитализма и национальных государств. Глобальные проблемы требуют глобального решения и международные действия по их решению должны уступить место всемирным действиям. В процессе истории постоянно расширялась сфера полномочия властей – от семейного клана до племени, от деревни и города до государства. Теперь человек обязан сделать следующий шаг к глобальному уровню, к единому миру. В рамках современной мир-системы это невозможно, а решение проблем глобальных угроз остается на уровне деклараций и заявлений.

Библиографический список к главе 1

1. Антонов А.И. Падение рождаемости, кризис семьи и неизбежность депопуляции в Европе в первой половине XXI века (социологический подход) [Электронный ресурс] // Демографические исследования. – № 6. – Режим доступа: www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=24&idArt=783.
2. Афиногенов Д.В. Свобода, наука, природа (Об истоках экологического кризиса) // Общественные науки и современность. – 2001. – № 4. – С. 149-159.
3. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. – М.: Логос-Альтера, Ессе Номо, 2003.
4. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2005.
5. Бауман З. Текучая современность. – СПб.: Питер, 2008.
6. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
7. Бестужев-Лада И.В. Альтернативная цивилизация. – М.: Алгоритм, 2003. – 448 с.
8. Бестужев-Лада И. В. Глобальный технологический прогноз на XXI век // Социологические исследования. – 2007. – № 4. – С. 22-33.
9. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. – М., 2006.
10. Браун Л.Р., Вольф Э.К. В направлении устойчивого развития // Мир восьмидесятых годов: Сборник обзорных статей из ежегодников «A world watch institute», руководимого Л. Брауном / Пер. с англ. А.Ю. Грушевского, Н.В. Лебедева; ред. и послесл. [с. 471-489] Г.В. Сдасюк. – М.: Прогресс, 1989. – С. 400-418.
11. Браун Л.Р., Флейвин Х., Поустел С. Мир под угрозой // Мир восьмидесятых годов: Сборник обзорных статей из ежегодников «A world watch institute», руководимого Л. Брауном / Пер. с англ. А.Ю. Грушевского, Н.В. Лебедева; Ред. и послесл. [с. 471-489] Г.В. Сдасюк. – М.: Прогресс, 1989. – С. 382-389.
12. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. – Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2007. – 512 с.

13. Бурдые П. Социология политики. – М., 1993.
14. Бурстин Д. Американцы: Демократический опыт. – М.; «Прогресс» – «Литера», 1993.
15. Бязрова Дж.Б. Глобализация и проблема национальных ценностей // *Философия и Общество*. – 2004. – №4.
16. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – СПб.: Издательство «Университетская книга», 2001.
17. Валлерстайн И. После либерализма. – М.: Едиториал УРСС, 2003.
18. Гидденс Э. Трансформация интимности. – СПб.: Питер, 2004.
19. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Весь Мир, 2004. – 120 с.
20. Гирусов Э.В. Экологическая культура как высшая форма гуманизма // *Философия и Общество*. – 2009. – № 4. – С. 74-92.
21. Глобализация, рост и бедность. Построение всеобщей мировой экономики. – М.: Весь мир, 2004. – 206 с.
22. Глобализация сопротивления: борьба в мире / Отв. ред. С. Амин и Ф. Утар; пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.В. Бузгалина. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 304 с.
23. Гобзов И.А. Социальная философия: учебник для вузов. – М., Академический Проект, 2007.
24. Голод С.И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи [Электронный ресурс] // *Социологические исследования*. – 2008. – Т. 7, № 1. – Режим доступа: www.ecsocman.edu.ru/data/888/626/1219/golod.pdf.
25. Гурко Т.А. Трансформация института современной семьи // *Социологические исследования*. – 1995. – № 10.
26. Делокаров К.Х. Женщина и ценности западноевропейской цивилизации // *Общественные науки и современность*. – 2000. – № 4.
27. Дементьева И.Ф. Трансформация ценностных ориентаций в современной российской семье // *Вестник РУДН, серия Социология*. – 2004. – № 6-7.
28. Дергачёва Е.А. Социоприродная проблематика в современной глобалистике // *Философия и Общество*. – 2008. – № 3. – С. 109-122.
29. Джекобс Д. Закат Америки. Впереди Средневековье. – М.: Европа, 2007.
30. Дэвис М. Планета трупоб // *Логос*. – 2008. – № 3.
31. Евтеев С.А. О глобальности проблем окружающей среды // *Марксистско-ленинская концепция глобальных проблем современности* / Отв. ред. В.В. Загладин, И.Т. Фролов. – М.: Наука, 1985. – С. 276-278.
32. Ефременко Д. Вашингтонский консенсус против консенсуса Рио // *Свободная мысль*. – 2007. – № 2. – С. 80-92.
33. Загладин В.В. Глобальные проблемы и социальный прогресс человечества // *Марксистско-ленинская концепция глобальных проблем современности* / Отв. ред. В.В. Загладин, И.Т. Фролов. – М.: Наука. 1985.

34. Зиновьев А.А. Фактор понимания. – М.: Алгоритм; Эксмо, 2006.
35. Зубаков В.А. Куда идем: к экокатастрофе или экореволюции? // *Философия и Общество*. – 2001. – № 4. – С. 127-155.
36. Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. – М., Алгоритм; Эксмо, 2005.
37. Кагарлицкий Б.Ю. Майкл Хардт, Антонио Негри. Империя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_189.html.
38. Каллиникос А. Антикапиталистический манифест. – М.: Праксис, 2005. – 192 с.
39. Крушанов А.А. Мужская доля // *Вестник Российского философского общества*. – 2009. – № 2.
40. Кувалдин В. Глобализация и становление метаобщества // *Труды Фонда Горбачева*. Т. 7. Проблемы глобализации. – М., 2001.
41. Курильски-Ожвэн Ш. Семья, равенство, свобода: модели права и индивидуальные представления подростков Франции и России // *Общественные науки и современность*. – 1996. – № 2.
42. Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. – М.: «Логос-Альтера», 2003.
43. Малышева М. Глобализация, гендерное неравенство и репродуктивный труд женщин // *Гендер и Экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики*. – М.: «Русская панорама», 2002.
44. Мамфорд Л. Механический ритм жизни // *Иностранная литература*. – 1966. – № 1.
45. Маркс К. К критике политической экономии. – М.: Госполитиздат, 1949.
46. Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. О диалектическом и историческом материализме. – М.: Политиздат, 1984.
47. Маркс К. Капитал. Т. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, Ч. I. – С. 428.
48. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42.
49. Маркузе Г. Разум и революция. Гегель и становление социальной теории. – СПб.: Владимир Даль, 2000.
50. Мартин Г.-П., Шуман Х. Западная глобализации. Атака на процветание и демократию. – М., 2001.
51. Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. – М.: Аграф, 1998. – 480 с.
52. Мустаева Ф.А. Социальные проблемы современной семьи // *Социологические исследования*. – 2009. – № 7.
53. Олейников Ю.В. Природный фактор исторического бытия России // *Философия и Общество*. – 2001. – № 3. – С. 123-140.
54. Олейников Ю.В. Природный фактор социально-исторического процесса (к методологии исследования) // *Философия и Общество*. – 2003. – № 3. – С. 89-104.

55. Олейников Ю.В. Экологическая детерминация мировоззренческих трансформаций // *Философия и Общество*. – 2000. – № 1. – С. 141-158.
56. Олейников Ю.В. Экологические ограничения бытия общества // *Философия и Общество*. – 2008. – № 3. – С. 90-108.
57. Оллман Б. Что такое марксизм? Взгляд с высоты птичьего полета // *Альтернативы*. – 2007. – № 1.
58. Панарин А.С. Народ без элиты. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006.
59. Панарин А.С. Правда железного занавеса. – М.: Алгоритм, 2006.
60. Пегов С.А., Пузаченко Ю.Г. Природа и общество на пороге XXI века // *Общественные науки и современность*. – 1994. – № 5. – С. 146-151.
61. Резникова Т.П. Контрацептивное поведение молодежи // *Социологические исследования*. – 2003. – № 1.
62. Рябова Т.Б. Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008.
63. Салин Ю.С. Религия как феномен культуры: Авторский курс лекций. – Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД РФ, 2005. – 348 с.
64. Салин Ю.С. Россия и русские. – Хабаровск: Изд-во Института комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения Российской Академии наук, 2002. – 186 с.
65. Салин Ю.С. Эволюционный тупик. Конструктивизм европейской теории познания и глобальный системный кризис. – Хабаровск, Издательство Тихоокеанского государственного университета, 2006. – 398 с.
66. Сводос Г. Миф о счастливом рабочем // *Иностранная литература*. – 1966. – № 1.
67. Семенов Ю.И. История человечества от возникновения до наших дней в предельно сжатом виде с еще более кратким прогнозом на будущее. // *Философия и общество*. – 2009. – № 3.
68. Семенов Ю.И. Социальная организация между полами: Возникновение и развитие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://scepsis.ru/library/id_84.html
69. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992.
70. Тарасов А.Н. Страна Икс. – М.: АСТ: Адаптек, 2006.
71. Токвиль А. де. Демократия в Америке. – М.: «Прогресс»; «Литера», 1994.
72. «Третий мир» и судьбы человечества / Отв. ред. М.Я. Волков, В.Г. Хорос. – М.: Мысль, 1990. – 206 с.
73. Федотова Ю.В. проблема понимания кризиса семьи // *Социологические исследования*. – 2003. – № 11.
74. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. – М.: АСТ МОСКВА, 2006.
75. Фромм Э. Искусство любить: Исследование природы любви. – М.: Педагогика, 1990.

76. Фромм Э. Человек одинок // Иностранная литература. – 1966. – № 1.
77. Харви Д. Право на город // Логос. – 2008. – № 3.
78. Хардт М., Негри А. Империя. – М.: Практикс, 2004.
79. Харт-Ландсберг М. Неолиберализм: Мифы и реальность // Прогнозис. – 2007. – № 3.
80. Хелд Д. и др. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / Пер. с англ. В.В. Сапова и др. – М.: Практикс, 2004. – 576 с.
81. Хубиев Б.Б. Современная семья: к вопросу об институциональном кризисе // Социальная политика и Социология. – 2008. – № 2.
82. Шманкевич Т.Ю. «Затмение семьи»: дискуссия во французской социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2005. – Т. VIII, № 3.
83. Шолле М. Насколько необратимы завоевания феминизма? // Свободная мысль. – 2007. – № 4.
84. Энгельс Ф. Диалектика природы. – М.: Политиздат, 1982. – 360 с.
85. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. – М.: Политиздат, 1974.
86. Яницкий О. Н. К проблеме социальной интерпретации экологического знания // Марксистско-ленинская концепция глобальных проблем современности / Отв. ред. В.В. Загладин, И.Т. Фролов. – М.: Наука, 1985. – С. 283-288.
87. Яницкий О.Н. Российская экосоциология за 50 лет. Итоги и перспективы // Социологические исследования. – 2008. – № 6. – С. 139-145.
88. Ясперс К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы. – М., Алгоритм, 2007.
89. Яхиел Н. Человек как объект и субъект глобальных проблем // Марксистско-ленинская концепция глобальных проблем современности / Отв. ред. В.В. Загладин, И.Т. Фролов. – М.: Наука, 1985.

**ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ
КОМПЕТЕНТНОСТИ КАК АКТУАЛЬНАЯ
ПРОБЛЕМА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

В связи с развитием процессов глобализации, вопросы межкультурного взаимодействия и взаимопонимания народов приобретают геополитический характер. Проблема обостряется в силу миграционных процессов, характерных для развитых стран как внутри объединенной Европы, так и внутри Российской Федерации. В условиях межкультурного обмена народов Азии, Европы, Америки возникают проблемы национального и конфессионального напряжения. Возникает потребность своевременного и верного реагирования на данные проблемы.

Растущий интерес к феноменам этнического порядка в настоящее время все более активно проявляет психология, исследуя методологические проблемы этнопсихологии (В.Г. Крысько, Ю.П. Платонов, Л.Г. Почебут, Э.А. Сарукаев, Г.У. Солдатов и др.), механизмы межэтнического взаимодействия (В.С. Агеев, Н.М. Лебедева, Б.Ф. Поршнев, Т.Г. Стефаненко и др.), этнопсихологический статус личности (А.Г. Асмолов, С.Н. Ениколопов, Е.И. Шлягина, и др.), структуру этнической идентичности (А.О. Бороноев, А.А. Бойченко, Е.М. Галкина, Л.П. Оконишникова, В.Ю. Хотинец и др.).

Современная Россия является полиэтническим государством, в связи с этим особенно актуальными становятся проблемы этнокультурного характера, такие как предотвращение межнациональных конфликтов, учет специфики региона в процессе воспитания, проблема толерантности и др. Положительный эффект в решение данной проблемы оказывает формирование этнокультурной компетентности личности и развитие этнического самосознания.

Этнокультурную компетентность Н.М. Лебедева определяет как «совокупность знаний, представлений о других культурах, реализующиеся через навыки, установки, модели поведения, которые обеспечивают эффективное взаимодействие с представителями этих культур» [16, с. 12].

Коновалова Л.В. уже с позиции педагогики рассматривает этнокультурную компетентность как «интегративное профессионально-личностное качество профессионала и гражданина, выражающееся в наличии совокупности знаний об этнокультурной реальности; толерантных установок на общение с людьми разных национальностей; способности тактично и участливо откликаться на интересы и поступки людей иных этнических культур; готовности эффективно и творчески осуществлять профессиональную деятельность в условиях полиэтничного социума на основе межкультурного

диалога; способности к адекватному выбору решений в конкретных ситуациях межэтнического взаимодействия» [12, с. 27].

Поштарева Т.В. считает, что «этнокультурная компетентность – это свойство личности, выражающееся в наличии совокупности объективных представлений и знаний о той или иной этнической культуре, реализующееся через умения, навыки и модели поведения, способствующие эффективному межэтническому взаимопониманию и взаимодействию» [27, с. 25]. При этом знания рассматриваются как деятельностные основания, реализуемые для достижения межэтнического взаимопонимания и взаимодействия.

Афанасьева А.Б. определяет этнокультурную компетентность «как интегральное свойство личности, которое выражается в совокупности представлений, знаний о родной, а также о неродной этнокультурах, их месте в отечественной и мировой культуре, опыте овладения этнокультурными ценностями, способности к диалогу культур, их сопоставлению, что проявляется в знаниях, умениях, навыках, моделях поведения в полиэтнической среде» [4, с. 190].

Существенное отличие данного определения в заострении внимания на компетентности в области родной этнокультуры, на деятельностном опыте овладения этнокультурными ценностями и умении их сопоставлять в культурах разных народов, осознании места этнокультур в общекультурном процессе, на основе чего формируется цивилизованное этнокультурное сознание, лишенное этноцентризма и шовинизма, но обладающее здоровым чувством самоуважения и патриотизма в гармонии с чувством этнотолерантности, способности к межэтническому диалогу.

Этнокультурная компетентность, по мнению В.Г. Крысько – «это степень проявления человеком знаний, навыков и умений, позволяющих ему правильно оценивать специфику и условия взаимодействия, взаимоотношений с представителями других этнических общностей, находить адекватные формы сотрудничества с ними с целью поддержания атмосферы согласия и взаимного доверия. Этнокультурная компетентность реализуется, прежде всего, в высокой степени понимания, правильного учета своеобразия функционирования национально-психологических особенностей представителей тех или иных наций, выражающейся в тщательной фиксации и учете:

- а) потребностей, мотивов и ценностных ориентации представителей конкретных национальных регионов, этническая специфика проявления которых существенно влияет на общение с ними;
- б) фактов, свидетельствующих о наличии несоответствия между потребностями и мотивами представителей конкретных национальных общностей и функционирующими в общественном сознании населения традиционными нормами делового, политического и межнационального взаимодействия между людьми;
- в) своеобразия проявления национального самосознания представителей конкретных национальностей;

г) специфики форм защиты политического самосознания представителей конкретных этнических общностей от элементов национализма, шовинизма в ходе межнациональных отношений» [15, с. 18].

Как отмечает профессор В.А. Шаповалов, этнокультурная компетентность «предполагает готовность к преодолению трудностей в коммуникативных и иных формах взаимодействия с представителями различных этнических общностей, а именно:

- непредвзятость позиции при оценке других людей, их национально-психологических особенностей;
- преодоление этноцентрических предубеждений;
- способность эмоционально, участливо и тактично откликаться на запросы, интересы и поступки людей других культур» [39, с. 154].

По мнению А.Б. Афанасьевой, этнокультурная компетентность может быть моноэтнической и полиэтнической по степени открытости (ее противоположность – замкнутость). По структурной сложности можно выделить три вида этнокультурной компетентности: частная (конкретная, связанная со знаниями и опытом овладения одной из областей этнокультуры), комплексная (направленная на несколько областей) и целостная (охватывающая все или почти все области этнокультуры, размыкающая рамки одной культуры, свободно сопоставляющая разные этнокультуры). Личность может владеть видами компетентности на разном уровне (низком, среднем, высоком). Целью этнокультурного образования является формирование целостной этнокультурной компетентности, сочетающей моноэтническую глубину и полиэтническую широту постижения этнокультур [4].

Структурными компонентами этнокультурной компетентности Г.М. Королева выделила:

- личностно-гуманитарная направленность этнокультурной деятельности;
- системное восприятие этнокультурной реальности и системная этнокультурная деятельность в ней, что обеспечивает возможность целостного, структурированного видения логики этнокультурных моментов педагогического процесса, понимания тенденций и закономерностей развития системы стратегического проектирования этнокультурного развития регионов;
- умение интегрировать чужой опыт (способность соотносить собственную этнокультурную деятельность с тем, что разработано на уровне отечественной и мировой этнокультуры; формировать инновационный опыт, обобщать и передавать другим);
- креативность как способ бытия в этнокультуре (желание и умение создавать новую этнокультурную реальность на уровне целей, содержания, технологий и др.);
- способность к рефлексии (сознание, мысли, раздумья над собственными поступками и др.) [13].

Методологический анализ этнокультурной компетентности в процессе общения, происходящего между носителями разных культур, различия между которыми могут приводить к определённым трудностям, позволяет рассматривать данное понятие и в рамках межкультурной коммуникации и межкультурной компетентности, и в рамках уровневого и этнофункционального подходов, подчёркивая именно этнокультурную составляющую. Это позволяет учесть сложности в коммуникации и связанные с ними проблемы, возникающие у представителей разных культур и представителей разных этнических общностей на различных уровнях взаимодействия и развития отношений.

Мириманова М.С. отмечает несколько видов (стратегий) межличностного общения и взаимодействия в поликультурном пространстве:

- стратегия равного статуса межэтнического взаимодействия состоит в установлении эффективного взаимодействия между представителями этнических групп при сохранении своих основных этнических черт, индивидуальности, особенностей культуры;
- стратегия адаптации предполагает интериоризацию личностью ценностей культуры другого этноса в качестве установок деятельности при сохранении собственной этнической идентичности;
- стратегия дискриминации проявляется в негативном поведении по отношению к представителям иных этнических групп, ограничении их прав и свобод;
- стратегия этноизоляции проявляется в ограничении контактов с представителями других этнических групп, стремлении к образованию однонациональной среды обитания;
- стратегия маргинализации характерна для людей, испытывающих сомнения по поводу своей национальной принадлежности, в результате они не овладевают в должной мере нормами, ценностями и культурой какого бы то ни было народа [20].

При организации образования, направленного на формирование и развитие этнокультурной компетентности, необходимо учитывать региональные, индивидуально-психологические и этнопсихологические особенности людей. В связи с этим Л.В. Коноваловой были выделены такие принципы, как:

- социокультуросообразности, позволяющей более полно учитывать ту ситуацию, которая складывается в современном российском обществе и регионе; это значит, что культурное ядро содержания образования и воспитания должны составлять универсальные общечеловеческие, общенациональные и этнорегиональные ценности. Образование и воспитание личности формирует ее ценностное отношение к культуре своего народа и других народов;
- принцип гуманизма, выражающий ценностное отношение к человеку любой национальности, поддержку процессов саморазвития и самореализации личности в новой культурно-национальной ситуации;

- принцип индивидуально-личностного подхода, исходящий из того, что каждая личность уникальна и главной задачей педагогической работы является формирование ее индивидуальности, создание условий для развития ее творческого потенциала. Индивидуальность интегрирует все социально ценные свойства личности, придает ей целостность, и ее становление предполагает творческий поиск вариантов развития и воспитания, адекватных ее возможностям и особенностям;
- принцип ценностно-смысловой направленности образования, выражающий сущность личностно ориентированного образования культурологического типа. Роль образования при этом состоит в том, чтобы открыть учащимся мир ценностей, из которого они могут выбрать смысл для решения жизненных проблем, при этом образование должно быть наполнено жизненными проблемами, а не только постулатами научного знания [12, с. 39].

Формирование этнокультурной компетентности понимается И.А. Морозовым как «процесс приобретения индивидом объективных представлений, знаний об этнических группах и их культурах (в том числе и своей), умений и практического опыта в области межэтнического взаимодействия, способствующих взаимопониманию и консолидации различных народов» [21, с. 50].

Одним из ключевых, на его взгляд, принципов, способствующих формированию этнокультурной компетентности, является принцип позитивного отношения к этнокультурному разнообразию. Согласно этому принципу на первое место должна выходить работа педагога не столько над расширением знаний учащихся о других этнокультурах, сколько над отношением ребенка к другим культурам вообще. И тут целью является не изучение как можно большего количества этнических культур, а обнаружение их реального множества. Культурные различия, определяющие принадлежность человека к той или иной группе, являются наиболее очевидным проявлением разнообразия ценностей и точек зрения. Эти различия отражены во вкусах людей, их предпочтениях и отношениях, стиле жизни и взглядах на мир и являются продуктом эволюции каждого народа и его приспособления к своей среде обитания и обстоятельствам жизни с целью удовлетворить потребности, общие для всех групп, для всех народов. Вначале у детей должна быть сформирована готовность признавать этнокультурные различия как что-то неизбежное и позитивное, которая затем должна развиваться в способность к межэтническому пониманию и диалогу.

В целом, при ознакомлении учащихся с этнокультурным многообразием необходимо, во-первых, показать различия внешнего облика людей, между вербальным и невербальным общением представителей разных этнических групп, ценностями и нормами этнических культур, во-вторых, выявить сходство различных культур и их проявлений и, в-третьих, определить общече-

ловеческие ценности. Ребенок должен видеть, что ни в коем случае не отрицается уникальность, как самих личностей, так и культур к которым они принадлежат. К данной уникальности необходимо относиться с пониманием и желанием узнать о ней больше и лучше понять ее. Отличие должно приниматься как сила, как преимущество, а не как проблема или препятствие. Тем самым этнокультурные различия рассматриваются в качестве стимула к тому, чтобы научить других принимать культурный плюрализм, жить по демократическим правилам. Учащиеся подводятся к тому, что, расценивая этнокультурное разнообразие как позитивное явление можно интеллектуально обогатиться, расширить свой кругозор и приобрести новый жизненный опыт. Различия, которые бесследно не исчезают в стремящемся к однородности единстве, а сохраняют себя в нем в своей внутренней идентичности, можно обозначить, используя термин французского постмодерниста Ж. Деррида, как «différance» (по-русски можно перевести как «различность» в отличие от «различия»). «Различности» не растворяются в общей идентичности, а сохраняют свою самобытность и плюральность.

Следующий принцип, имеющий своим основанием гуманистический и аксиологический подходы и выступающий исходным методологическим положением формирования этнокультурной компетентности, является принцип культуросообразности. Он обусловлен объективной связью человека с культурой как системой ценностей. Принцип культуросообразности, развитый немецким педагогом Ф.А.В. Дистервегом, предполагает учет в процессе образования условий, в которых находится человек, а также культуры данного общества.

Культуросообразность образования означает, что оно соответствует многообразной и разнообразной палитре культуры (точнее – культур), общества, его сообществ; способствует культурному (и субкультурному) самоопределению и культурной идентификации ребенка; строит образовательную среду как мультикультурную и изначально разнородную без каких-либо культурных доминант; обеспечивает систему культурных функций (а не одну только функцию трансляции культурного опыта); способствует раскрытию личностной культуры каждого субъекта (ребенка и взрослого) и ее росту. Следует заметить, что принцип культуросообразности в преломлении к полиэтническому образованию, целью которого является формирование этнокультурной компетентности, рассматривает образовательную среду с позиций наличия в ней фактора национального своеобразия и насыщения ее этнокультурным содержанием. Культуросообразность в образовании предполагает учет конкретной социокультурной среды, в которой родился и рос ребенок и в которой продолжается его социализация, национально-психологических особенностей субъектов образования. То есть принцип культуросообразности предполагает максимальное использование в образовании культуры той среды, нации, общества, страны, региона, в которой социализи-

зируется подрастающее поколение. В тоже время этот принцип не исключает необходимости приобщения детей к общечеловеческой культуре. Принцип культуросообразности полагает престиж общечеловеческих ценностей культуры, учет в воспитании ценностей и норм общечеловеческих и национальных культур.

Важнейшим также является принцип преемственности и последовательности изучения культур. Важно понять, что учащиеся не могут полно познать все множество этнических культур России и мира. Прежде всего, дети должны очень хорошо знать культуру своего народа. Вслед за тем подробное изучение касается культур русского народа (как государствообразующего) и народов, живущих вместе в одной местности, регионе. Далее необходимо «снабдить» молодое поколение знаниями и представлениями (но уже немного меньшими по объему и глубине) особенностей культур народов, проживающих в России. Причем необходимо изучение не каждой этнической общности в отдельности (их более ста), а группы народов, объединенных на основе какого-либо признака. Например, основанием для объединения может быть региональное проживание народов (средняя полоса России, Северный Кавказ, Сибирь, Север и др.) или изучение титульных и многочисленных народов. Затем (на основе все тех же признаков) формируются представления о культурах народов СНГ в частности и в целом Европы, Азии, Африки, Америки (Южной и Северной) и Австралии. На всех ступенях обучения преемственность в изучении культур предусматривается на уровне технологии, содержания и методики. В этнических культурах важно выделять не только общее и различное, но и особенное, единичное. Сведения должны подбираться наиболее яркие, значимые, доступные для понимания учащимися. Дети должны освоить необходимый минимум знаний и умений этнокультурной направленности, позволяющий им ориентироваться в многообразии окружающего мира и успешно адаптироваться в полиэтнической среде.

Таким образом, траектория формирования этнокультурной компетентности представляет собой введение ребенка изначально в родную этническую культуру, где происходит этническая самоидентификация личности, затем в культуру российскую, ведущей к гражданской самоидентификации и, наконец, в мировую, способствующей планетарной самоидентификации личности. Кроме того, на основе данного принципа происходит трехслойное формирование мировоззрения подрастающего поколения:

- этнокультурный слой – родная среда как основа освоения окружающего мира;
- российская культура – ближайшая родственная область и проводник в новые среды;
- мировая культура – пространство общечеловеческих достижений [21].

В качестве механизмов формирования этнокультурной компетентности у школьников выступают обучение, воспитание, деятельность и общение. Этот процесс происходит в форме индивидуально-парного взаимодействия (воспитанника и взрослого, воспитанников между собой) и коллективных взаимоотношений.

Взаимодействия и отношения могут быть:

- специально организованными (знания и опыт, приобретаемые школьником в процессе учебы, на семинарах, дискуссиях, конференциях, различных объединениях, совместных мероприятиях и т.д.);
- стихийными или частично организованными (знания и опыт, приобретаемый ребенком в семье, во взаимоотношениях со сверстниками и взрослыми, в игровой и трудовой деятельности, а также из средств массовой информации и др.).

Первая форма более действенна при индивидуально-личностном взаимопонимании и согласии. Вторая требует вхождения ребенка в общество, в систему взаимодействия с другими людьми, представителями различных этнических общностей [24].

Этнокультурная компетентность как объективно-субъективное явление имеет своим содержанием следующую совокупность:

- готовность и способность ученика придерживаться этнокультурных традиций, владеть этноспецифическими умениями своего народа;
- готовность ученика изучать различные этнокультуры с целью налаживания комфортного существования в полиэтнической среде, преодоления узости кругозора, постижения взаимовлияния культур;
- готовность и способность ученика искать информацию, добывать знания об этнокультурах, используя различные базы данных (учебно-воспитательных процесс, внешкольные и внеклассные мероприятия, самообразование, непосредственное общение с иноэтническим окружением, средства массовой информации и др.), дифференцировать их с точки зрения значимости и достоверности, применять их для решения проблем в сфере межэтнического взаимопонимания и взаимодействия;
- готовность и способность ученика осмысливать социальные и связанные с ними этнокультурные процессы, путем анализа и систематизации знаний об этнических культурах, нахождения и признания в них общего и различного (специфичного) [2].

В основании осмысливания должны лежать следующие положения:

- изначально позитивное восприятие всех этносов, а именно признание и принятие культурного различия; критическое отношение к инцидентам и конфликтам, возникшим в процессе межэтнического контакта;

- занятие неподвинутой позиции в оценке членов многонационального коллектива и их поведения; преодоление своих этноцентристских тенденций и предубеждений;
- коррекция собственного поведения; выработка своего собственного мнения и линии поведения в коммуникативных и иных формах взаимодействия с представителями другого народа, не унижая их и уважая их точку зрения и др.;
- готовность и способность ученика включаться в межэтническое взаимодействие в виде активного и координированного сотрудничества [20].

Позитивность взаимодействия возможна, если воспитанник будет:

- идти на контакт с этнофорами;
- участвовать в социально-значимых делах и мероприятиях; вносить свой вклад в распространение идей дружбы народов и международного согласия;
- нести ответственность за последствия своих поступков и возможное напряжение в общении между членами многонационального коллектива;
- стремиться урегулировать конфликты и разногласия, выбирая при этом стратегию сотрудничества;
- проявлять национальную (этническую), расовую и религиозную терпимость и др. [26].

Обратимся к практике формирования этнокультурной компетентности на современном этапе.

Ковылева М.В. формирует этнокультурную компетентность детей старшего дошкольного возраста в процессе изобразительной деятельности, которая строится на принципах методической интерпретации потенциала народной педагогики, интеграции всех видов деятельности детей; культуросообразности, расширения связей ребенка с окружающим миром, диалога культур, опоры на эмоционально-чувственную сферу ребенка и включает в себя три компонента (когнитивный, эмоционально-ценностный, деятельностно-практический).

Эффективность протекания процесса формирования этнокультурной компетентности детей старшего дошкольного возраста в изобразительной деятельности обеспечивают следующие педагогические условия: (направленность педагогического процесса ДООУ на комплексное познание концептов этнокультуры: фольклора, народной философии, декоративно-прикладного искусства, игр, традиций; создание развивающей предметно-пространственной среды, в котором возможна активизация самовыражения детей в изобразительной деятельности; использование активных форм и методов обучения (игровых, эвристических, диалогово-игровых, проектных, интегрированных методов и др.); взаимодействие ДООУ и семьи по повышению этнокультурной компетентности родителей [10].

Мавлютова З.А. предлагает формировать этнокультурную компетентность подростков в условиях взаимодействия школы и учреждений дополнительного образования. Специфика подобного взаимодействия заключается в особом потенциале учреждений дополнительного образования, характеризующемся добровольностью и свободой выбора деятельности, которая полностью захватывает человека, активизирует его духовные силы и способности, одновременно воздействуя на его сознание и эмоциональную сферу. Программа по формированию этнокультурной компетентности подростков, направленная на воспитание понимания и глубокого уважения к культурному наследию своего народа и инокультурным ценностям; на формирование умения адаптироваться в меняющихся жизненных и культурных ситуациях, требующих владения культурной толерантностью, лежащей в основе решения разнообразных проблем человека и позволяющей ему занимать достойное место в мире; на формирование умения работать сообща в различных областях, в различных ситуациях, быть коммуникабельными, контактными в различных социальных группах, предотвращать конфликтные ситуации; на обучение умению самостоятельно работать над развитием собственной нравственной и интеллектуальной культуры, повышение общей культуры личности [18].

Голошумова Г.С. формирует этнокультурную компетентность сельских школьников на основе уровневого подхода. Овладение учащимися этнокультурной компетенцией в сельских школах она предлагает осуществлять поэтапно:

- на монокультурном уровне ребенок находится во власти собственной культуры и свойственных ей методов мышления. То есть обучающийся может осознавать различие в образе мыслей и поведении людей другой культуры, но судит о них с точки зрения своей собственной, а его взгляды на другую культуру стереотипны и клишированы;
- на интеркультурном уровне (межкультурном) ребенок находится на рубеже культур. Ученик в состоянии понять обе стороны, он может объяснить различие между своей и чужой культурами с исторической, социологической и экономической и т.д. точек зрения. Ребенок признает, что и чужая культура неоднородна, она требует осмысления и дифференциации. Интересно, что на начальном этапе этого уровня овладения чужой культурой, обучающийся склонен оценивать ее скорее положительно, чем объективно;
- на транскультурном уровне ребенок приобретает способность увидеть обе культуры как бы «сверху». Он уже ушел из-под власти своей культуры (А), преодолел первую «влюбленность» в чужую культуру (Б), он не пытается найти компромисс между культурами, он находит свою позицию в диалоге культур (В).

Структуру этнокультурной компетенции можно представить из следующих элементов:

- знание компетенция – это знание собственных ценностей и представлений; понимание того, что такие ценности как справедливость или солидарность могут быть относительными; понятие о том, что в мире существует глобальная взаимозависимость и взаимообусловленность;
- социальная компетенция – это умение правильно реагировать на стресс; адекватно (культуросообразно) реагировать на возникающие в ситуациях межкультурного общения конфликты и противоречия; способность проявлять эмпатию по отношению к индивидууму – представителю чужой культуры;
- самокомпетенция (самооценки) – это умение понять, какое влияние на мое «я» оказывают культурные ценности и представления, какие явления моей культуры или субкультуры формируют мою личность;
- деятельностная компетенция (компетенции поступка) – это способность анализировать свою и чужую культуру; умение сознательно моделировать межкультурное общение.

Развитие этнокультурной компетенции с учетом вышеназванных промежуточных компетенций можно представить в виде шести ступеней (этапов):

1. Культурная сенсбилизация.
2. Методы культурного анализа.
3. Анализ собственной деятельности.
4. Анализ целевой культуры.
5. Конструирование культурных правил целевой культуры.
6. Проверка сконструированных правил целевой культуры.

При контрастно-сопоставительном изучении (например, на уроках истории, географии, литературы или иностранного языка) различных стилей жизни и культурных символов, а также поэтапной социализации учащихся в этнокультурной среде, дополняя друг друга, решают задачу воспитания этнокультурной личности, способной к взаимному признанию национально-культурной идентичности, сохраняющей свою национальную культуру и индивидуальность, но понимающей многомерность мира и признающей и организующей партнерство представителей различных культур [40, с. 63].

Поштарева Т.В. рассматривает формирование этнической компетентности через полиэтническую образовательную среду. Практическая ценность исследования состоит в том, что содержащиеся в нем теоретические положения и выводы создают предпосылки для реализации полиэтнического образования. Значительную практическую ценность имеют методика измерения этнокультурной компетентности обучаемых, комплекс этноориентированных технологий, направленных на повышение уровня этнокультурной осведомленности и толерантности, формирование умений и навыков во взаимодействии с этнофорами, способствующих развитию конструктивного межэтнического диалога.

Следствие полиэтничности – культурные изменения, ведущие к утверждению ценностей культурного плюрализма. Новые требования к этнокультурной компетентности будущих педагогов рождают необходимость тесного взаимопроникновения и обогащения мировой и национальной культур, что должно найти отражение как в содержании среднего профессионального и вузовского образования.

Требования к этнокультурной компетентности проявляются в понимании самого феномена культуры, её роли в человеческой жизни, в представлениях о способах приобретения, хранения и передачи социального опыта, базисных ценностей культуры, в знании форм и типов культур, умении оценивать достижения культуры на основе знания исторического контекста их создания, в способности к межкультурному диалогу; в знании национальных особенностей народа, народных традиций и умении их использовать в социальной работе.

Требования, предъявляемые обществом сегодня к стандартам качества профессиональной подготовки и деятельности будущего педагога, противостоят показателям профессиональной готовности специалистов. Современный педагог должен быть мобилен и адаптивен в широком смысле этих слов. Он должен учитывать этнопсихологические особенности представителей различных этносов, владеть важнейшими технологиями коррекционной, адаптационной и реабилитационной работы.

Всё это требует переосмысления целей и реконструкции содержания и методики профессионального образования в этой области.

В утвержденных образовательных стандартах нового поколения для среднего профессионального и высшего образования обязательная компетенция ОК-6, предусматривающая работу в коллективе, команде, эффективное общение с коллегами. Профессиональная деятельность выпускника сузу и вуза осуществляется в многонациональных коллективах. Для реализации требований стандарта необходимо формирование этнокультурной компетентности, обеспечивающие получение образования каждой этнической общностью путем системного изменения среды так, чтобы она была адекватна ее интересам и не входила в противоречие с законом.

Наиболее успешное формирование этнокультурной компетентности учащихся реализуются посредством внедрения в практику работы образовательного учреждения модели формирования этнокультурной компетентности учащихся в полиэтничной образовательной среде, включающей в себя целевой, организационный, кадровый и содержательно-технологический компоненты.

Эффективное формирование этнокультурной компетентности учащихся в полиэтничной образовательной среде обеспечивается при реализации совокупности следующих условий: постановка цели, задающая требования организации деятельности образовательного учреждения, его управлению,

отбору содержания, форм и методов формирования этнокультурной компетентности учащихся и объединяющих их в целостное единство; наличие научно-методического совета и проектных групп в структуре управления образовательного учреждения, деятельность которых направлена на реализацию целей в области формирования этнокультурной компетентности учащихся; активность деятельности служб поддержки и сопровождения учащихся, способствующих их самореализации, формированию мультикультурной идентичности (социальной, этнической, надэтнической), повышению уровня этнокультурной компетентности, что позволит успешно адаптироваться в полиэтнической среде; наличие компетентных педагогов в области межкультурного взаимодействия и организации полиэтнического образования; наиболее полная реализация возможностей национально-регионального компонента и введение этнокультурного компонента в содержание образования, направленных на приобщение детей к родной, российской и мировой культуре; использование этноориентированных форм учебной и внеучебной деятельности, а также интерактивных методов, направленных на повышение уровня этнокультурной осведомленности и толерантности учащихся, формирование у них необходимых умений и навыков эффективного межэтнического взаимодействия; широкие социальные связи образовательного учреждения с семьями учащихся, учреждениями культуры и искусства, общественными организациями с целью использования их образовательного и социального потенциала в процессе формирования этнокультурной компетентности детей [26].

Основные педагогические технологии, формирующие этнокультурную компетентность, таковы:

Семинар – диспут предполагает коллективное обсуждение какой-либо проблемы с целью установления путей её достоверного решения. Семинар-диспут проводится в форме диалогического общения его участников. Он предполагает высокую умственную активность, прививает умение вести полемику, обсуждать проблему, защищать свои взгляды и убеждения, лаконично и ясно излагать мысли.

Учебная дискуссия как один из методов проблемного обучения. Она используется при анализе проблемных ситуаций, когда необходимо дать простой и однозначный ответ на вопрос, при этом предполагаются альтернативные ответы. С целью включения в дискуссию всех присутствующих целесообразно использовать методику кооперативного обучения. Данная методика основывается на взаимном обучении при совместной работе учащихся в малых группах. Основная идея учебного сотрудничества проста: учащиеся объединяют свои интеллектуальные усилия и энергию для того, чтобы выполнять общее задание или достичь общей цели.

Проектное обучение способствует созданию педагогических условий для инициации креативных способностей и качеств личности учащегося,

которые нужны ему для творческой деятельности, независимо от будущей конкретной профессии.

Метод «создания воспитывающих ситуаций» – создание условий для свободного выбора поведения.

Королева Г.М., разрабатывая проблему этнокультурной компетентности педагогов, отмечает, что массовыми формами повышения этнокультурной компетентности педагогов являются конференции, выставки, школы, тренинги [13].

Как отмечает С.Н. Горшенина в статье «Организационно-педагогические условия этнокультурной подготовки будущих педагогов»: «качество процесса этнокультурной подготовки будущих педагогов зависит от совокупности организационно-педагогических условий, которые позволяют обеспечить взаимосвязь элементов модели этнокультурной подготовки будущего педагога, учитывать их индивидуальные особенности и профессиональные потребности, стимулировать мотивацию к саморазвитию, осуществить диагностику и коррекцию уровня этнокультурной компетентности как конечного результата этнокультурной подготовки. Представим обоснование выявленных организационно-педагогических условий».

Коновалова Л.В. при формировании и развитии этнокультурной компетентности педагогов в процессе непрерывного образования делает ставку на соблюдение следующих условий:

- методологическом осмыслении педагогами значимости этнокультурной компетентности как социокультурной доминанты профессиональной деятельности в полиэтничном регионе и осознании необходимости ее постоянного совершенствования на разных этапах профессиональной деятельности;
- включенности в процесс формирования этнокультурной компетентности: мотивационно-ценностного, интеллектуально-познавательного, действенно-практического, рефлексивно-оценочного компонентов, обеспечивающих самоуправляемость деятельности педагогов;
- ориентации непрерывного образования на формирование и развитие этнокультурной компетентности педагогов на основе учета их социально-профессиональной и гражданской позиции, а также профессионально-личностного опыта обучения учащихся в полиэтничной среде;
- взаимосвязи и преемственности вузовского и последипломного этапов непрерывного образования в аспектах этнокультурной компетентности на основе сочетания формального, неформального и информального образования.

Этнокультурная компетентность педагогов как интегративное профессионально-личностное качество проявляется в:

- гуманистической мировоззренческой позиции (отношение к этническим проблемам в стране и мире; отношение к этнокультурному образованию);
- обобщенных умениях (осуществлять анализ практических ситуаций в этнокультурной среде на уровне методологической рефлексии; проектировать этнокультурные подходы в учебно-воспитательном процессе, нацеленные на развитие у учащихся толерантности и миролюбия);
- готовности к конкретным способам реализации гуманистических ценностей (создавать условия для эффективного межнационального общения учащихся; проводить мероприятия, способствующие развитию интереса к историко-культурному наследию других народов), и включает функционально связанные между собой компоненты: мотивационно-ценностный, интеллектуально-познавательный, действенно-практический и рефлексивно-оценочный.

На основе разработанных критериев и показателей определены уровни владения педагогами этнокультурной компетентностью:

- системный – включает владение научными основами этнологических знаний; личностную позицию, проявляющуюся в доброжелательном отношении к представителям других национальностей и желании сотрудничать с ними; неизменный интерес к этнической проблематике; владение механизмами этнокультурного взаимодействия;
- ситуативный – отличается поверхностным владением этнологическими знаниями; склонностью решать этнокультурные проблемы лишь при возникновении явных конфликтных ситуаций;
- стихийный – характеризуется подменой этнологических знаний стереотипами, продиктованными житейским и профессиональным опытом и определяющими отношение к этническим различиям учащихся [12].

Федорова С.Н., разрабатывая тему формирования этнокультурной компетенции будущих педагогов, отмечает, что в структуру этнокультурной компетентности субъекта образовательного процесса входят этнопедагогическая, этнопсихологическая и поликультурная субкомпетентности.

Этнопедагогическая субкомпетентность выражается в системе этнопедагогических знаний, умений и личностных качеств, позволяющих педагогу оптимизировать решение профессиональных задач посредством целенаправленной этнопедагогизации целостного учебно-воспитательного процесса.

Этнопсихологическая субкомпетентность тесно связана с этнопедагогической и включает совместный поиск путей эффективного учебно-воспитательного воздействия на детей с учетом их национально-психологических особенностей и ценностных ориентаций, как представителей определенных этнических коллективов.

Поликультурная субкомпетентность предусматривает наличие системы знаний о правилах и нормах межнационального взаимодействия, уважительное отношение к культурной самобытности различных групп населения, способность к активной личностной и профессиональной самореализации в межэтническом пространстве [32].

Технология формирования этнокультурной компетентности будущих педагогов определяет:

- стиль и стратегию обучения (информационные, объяснительно-иллюстративные, задачные проблемные, диалогические, технологии-тренинги);
- субъективную технологическую ориентацию (фронтальные, групповые, индивидуально-личностные);
- функции профессиональной деятельности (технологии педагогического общения, социального проектирования, мониторинга);
- формы организации учебной работы (технологии предметного обучения с различными целями и уровнем образования);
- технологии лабораторных, семинарских, практических занятий;
- педагогические мастерские и интерактивные процедуры, способствующие усвоению новых понятий и форм профессионального поведения в этнокультурном пространстве) [29].

Хаштыров Я.М. рассматривает формирование этнокультурной компетентности будущих менеджеров в условиях среднего профессионального образования через создание следующих условий:

- профессиональная подготовка будущих менеджеров осуществляется с учетом возрастных особенностей студентов среднего профессионального учреждения и соответствующих образовательных технологий;
- организация, содержание и технология учебного процесса направлены на формирование каждого компонента этнокультурной компетентности: функционально-коммуникативного, когнитивно-аксиологического и личностно-психологического;
- создаются педагогические ситуации, направленные на позитивное использование знаний по современным проблемам межнациональных отношений;
- в обучении и воспитании студентов среднего профессионального образовательного учреждения в духе межэтнической толерантности используются культуросообразные методы (обучающие, активизирующие, стимулирующие) [36].

Таким образом, в условиях современности обособленное существование народов и культур становится невозможным, так как рост миграционных процессов, увеличение числа этнически смешанных семей, образование многонациональных коллективов в социальных институтах значительно расши-

ряют рамки межэтнического взаимодействия. Всё это способствует преобразованию социальной среды, характерная особенность которой – полиэтничность. Люди сталкиваются с культурным разнообразием, с иными системами ценностей, что зачастую обостряет проблему адаптации в этой среде, а также может привести к трансформации этнической идентичности человека.

В современной полиэтничной России актуальными становятся проблемы этнокультурного характера (предотвращение межнациональных конфликтов; учет специфики региона в процессе воспитания; проблема толерантности и др.). В связи с этим перед российской социальной этнопсихологией, стоит на сегодняшний день множество актуальных задач по решению проблем взаимопонимания и диалогического взаимодействия между представителями различных культур и народов. Одной из важнейших является задача развития этнокультурной компетентности граждан России.

Библиографический список к главе 2

1. Абдулкаримов Г.Г. Об опыте по формированию у детей этнической толерантности / Г.Г. Абдулкаримов // *Дополнительное образование*. – 2002. – № 2. – С. 35.
2. Алексеев М.Ю. Особенности национального поведения / М.Ю. Алексеев, К.А. Крылов. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 2001. – 318 с.
3. Астафьева О.Н. Этнокультурная идентичность в глобализирующемся мире: материалы научно-практической конференции «Проблемы этнокультурного развития русского народа» / О.Н. Астафьева. – Оренбург: ИПК ОГАУ, 2004. – С. 26-32.
4. Афанасьева А.Б. Этнокультурное образование: сущность, структура содержания, проблемы совершенствования / А.Б. Афанасьева // *Знание. Понимание. Умение*. – 2009. – № 3 – С. 189-195.
5. Волчкова А.А. Этносоциальная культура молодежи в условиях большого города / А.А. Волчкова. – Самара, 2005. – 145 с.
6. Гайсина Л.Ф. Формирование готовности студентов ВУЗа к общению в мультикультурной среде: автореф. дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Л.Ф. Гайсина. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2003. – 22 с.
7. Гаюрова Ю.А. Толерантность: психологический и философский анализ феномена / Ю.А. Гаюрова // *Вестник Уральского межрегионального института общественных наук*. – 2003. – № 2. – С. 91.
8. Гаюрова Ю.А. Толерантность: психологический и философский анализ феномена // *Вестник Уральского межрегионального института общественных наук* / под ред. М.Б. Хомякова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-вер., 2003. – № 2. – С. 91-94.

9. Кислый А.Е. Исторические предпосылки этнической конфликтности и этнической толерантности [Электронный ресурс] / А.Е. Кислый. – Режим доступа: <http://www.auditorium.ru>.

10. Ковылева М.В. Методика активного обучения и воспитания: современный подход к гражданскому образованию и воспитанию / М.В. Ковылева. – Ростов н/Д: Феникс, 2005. – 320 с.

11. Конжиев Н.М. Патриотическое и планетарное воспитание: вопросы теории: пособие. – Петрозаводск: изд-во КГПУ, 2000. – 56 с.

12. Коновалова Л.В. Формирование и развитие этнокультурной компетентности педагогов в процессе непрерывного образования: автореф. дисс. ... д-ра пед. наук: 13.00.08 / Л.В. Коновалова. – Великий Новгород, 2011. – 39 с.

13. Королева Г.М. Развитие этнокультурной компетентности педагогов в современной социокультурной среде // *Фундаментальные исследования*. – 2011. – № 8. – С. 280-283.

14. Крысько В.Г. Этнопсихологический словарь. – М., 1999. – 343 с.

15. Крысько В.Г. Этнопсихология и межнациональные отношения: курс лекций / В.Г. Крысько. – М.: Экзамен, 2002. – 267 с.

16. Лебедева Н.М. Межкультурный диалог: тренинг этнокультурной компетентности / Н.М. Лебедева, О.В. Лунева, Т.Г. Стефаненко. – М.: РУДН, 2003. – 278 с.

17. Лебедева Н.М. Тренинг этнической толерантности для школьников: учебное пособие для студентов психологических специальностей / Н.М. Лебедева, О.В. Лунева, Т.Г. Стефаненко. – М.: «Привет», 2004. – 358 с.

18. Мавлютова З.А. Формирование этнокультурной компетентности подростков в условиях взаимодействия школы и учреждений дополнительного образования: автореф. дисс. ... к.пед. н. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – 22 с.

19. Магомедов А.А. Межнациональные отношения, интернациональное и патриотическое воспитание: этнопсихологический аспект: учеб.-метод. пособие / А.А. Магомедов. – М.: МПСИ, 2004. – 533 с.

20. Мириманова М.С. Воспитание толерантности через социокультурное взаимодействие [Электронный ресурс] / М.С. Мириманова. – Режим доступа: <http://www.eduhrnao.ru>.

21. Морозов И.А. Этнокультурная компетентность и стандарты общего образования второго поколения [Текст] / И.А. Морозов // *Актуальные вопросы современной педагогики: материалы междунар. науч. конф.* (г. Уфа, июнь 2011 г.). – Уфа: Лето, 2011. – С. 49-52.

22. Паина Л.И. Воспитание этнической толерантности у старшеклассника в условиях социокультурной региональной среде: автореф. дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Л.И. Паина. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2004. – 22 с.

23. Педагогика межнационального общения: учеб. пособие / под ред. Д.И. Латышиной. – М.: Гардарики, 2004. – 320 с.

24. Поштарева Т.В. Этнокультурная компетентность как социально-педагогическое явление // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии: материалы Междун. научн. конф.: в 2-х т. / Отв. ред. В.В. Гриценко. – Смоленск: Универсум, 2008. – Т. 2. – С. 95-104.

25. Поштарева Т.В. Этнокультурная компетентность как социально-педагогическое явление // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии: материалы Междун. научн. конф. В 2-х т. / Отв. ред. В.В. Гриценко. – Смоленск: Универсум, 2008. – Т. 2. – С. 95-104.

26. Поштарева Т.В. Концепция формирования этнокультурной компетентности учащихся в полиэтнической образовательной среде // Циклы природы и общества: материалы XV Междун. научно-практ. конф. – Ставрополь: Ставропольский инст. им. В.Д. Чурсина, 2007. – С. 195-198.

27. Поштарева Т.В. Принципы формирования этнокультурной компетентности // Информационно-методические материалы по проблемам модернизации кадровой политики в системе образования города Ставрополя. – Ставрополь: Управление образования администрации г. Ставрополя, 2005. – С. 25-28.

28. Поштарева Т.В. Этнокультурная компетентность: сущность, содержание и виды // Этносоциальное образовательное пространство в современном мире: материалы Междунар. научно-практ. конф. / Отв. ред. П.П. Козлова. – Стерлитамак: СГПА, 2005. – С. 76-78.

29. Поштарева Т.В. Формирование этнокультурной компетентности учащихся в полиэтнической образовательной среде образования: автореф. дисс. ... доктора пед. наук: 13.00.01 / Т.В. Поштарева. – Владикавказ, 2009. – 40 с.

30. Развитие национальной, этнолингвистической и религиозной идентичности у детей и подростков / Под ред. М. Барретт, Т. Рязанова, М. Воловикова. – М.: Изд-во института психологии РАН, 2001. – 196 с.

31. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности: монография / Г.У. Солдатова. – М.: Смысл, 1998. – 389 с. – ISBN: 5-89357-029-4.

32. Федорова С.Н. Этнокультурная компетентность педагога: монография. – Й-Ола: МарГПИ им. Н.К. Крупской, 2002. – 108 с.

33. Формирование толерантной личности в полиэтнической образовательной среде: учебное пособие / В.Н. Гуров, Б.З. Вульффов. – М.: Педагогическое общество, 2004. – 240 с.

34. Формирование установок толерантного сознания и профилактики экстремизма в российском обществе: федеральная программа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.government.ru.

35. Хотинец В.Ю. Этническое самосознание: науч. издание / В.Ю. Хотинец. – СПб.: Алетейя, 2000. – 235 с.

36. Хаштыров Я.М. Формирование этнокультурной компетентности будущих менеджеров в условиях среднего профессионального образования автореф. дисс. ... кандидата пед. наук: 13.00.08 / Я.М. Хаштырова. – Ставрополь, 2006. – 40 с.

37. Шиунов В.И. Этническая толерантность как феномен культуры / В.И. Шпунов // Культурология, этнокультурология, культурная антропология. – 2004. – № 7. – С. 56-68.

38. Шлягина Е.И. Этническая толерантность личности: опыт эмпирического исследования / Е.И. Шлягина // Век толерантности. – 2001. – № 3-4. – С. 132.

39. Этнические проблемы современности: материалы научной конференции / Под отв. ред. В.А. Шаповалова. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2000. – 265 с.

40. Этнокультурное образование в технологической подготовке студентов и школьников: сб. статей. Вып. 2 / под ред. В.Ф. Тропина. – Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2005. – 72 с.

41. Юдина О.И. Межэтническое взаимодействие и толерантность: учебное пособие для магистратуры педагогических специальностей. – Оренбург: ГОУ ОГУ, 2006 – 106 с.

ГЛАВА 3

ГЕНЕЗИС ИДЕИ ГЛОБАЛЬНО-КОСМИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ФИЛОСОФИИ РУССКОГО КОСМИЗМА

Обращение к философии русского космизма, в том числе и к идее глобально-космической ответственности, продиктовано остротой ситуации, которая сложилась на планете к началу XXI века и, безусловно, нуждается в скорейшем и кардинальном разрешении многих глобальных проблем.

3.1. Из истории вопроса

Напомним, космизм базируется на представлении о мире как едином, целостном, развивающемся организме, который стремится к гармонии. Космос – понятие, введенное Пифагором для обозначения упорядоченного единства мира в противоположность Хаосу. В идеях античных натурфилософов (Анаксимандр, Гераклит, Парменид, Пифагор, Фалес и др.) утверждалась неразрывная связь человека с Космосом. К космистам относят философов и ученых, доказывающих единство, взаимосвязь и взаимозависимость человека, человечества, природы, Космоса, а также представляющих эволюцию как процесс, который корректируется человеком.

Отметим, русский космизм, сформировавшийся в русле европейской культуры и являясь неотъемлемой частью мирового космизма, обладает своими специфическими чертами. В нем самобытные ценности отечественной истории и культуры гармонично соединились с научными концепциями о мире. Философия русского космизма вобрала в себя все ключевые естественнонаучные, метафизические и религиозные основы мира и человека. Восстановление естественной связи человека с природой и историей, возрождение духовно-нравственного образа жизни, расширение миропонимания человека до планетарного и космического уровней – такие позиции объединили материалистов и идеалистов, естествоиспытателей и богословов, ученых и художников.

Крупнейшими представителями русского космизма были такие философы и ученые, как: Д.Л. Андреев, Н.А. Бердяев, И.В. Бугаев, С.Н. Булгаков, В.И. Вернадский, Л.Н. Гумилев, В.В. Докучаев, И.А. Ильин, И.В. Киреевский, В.Ф. Купревич, Н.О. Лосский, А.К. Манеев, Е.И. и Н.К. Рерихи, В.С. Соловьев, А.В. Сухово-Кобылин, Е.Н. Трубецкой, Н.А. Умов, Н.Ф. Федоров,

П.А. Флоренский, Н.Г. Холодный, К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский, В.А. Шмаков, поэты В.Ф. Одоевский, Ф.И. Тютчев и другие. Подчеркнем, это философское направление не только выделило и предложило обществу новые духовные ценности, но и определило цель развития человечества и новый смысл его бытия. Русские космисты поставили целый ряд глобальных вопросов: о месте и роли человека в Космосе, об ответственности разума за сотворенное Богом и преобразуемое человеком, о смысле человеческого бытия, о его целях и путях их достижения.

Также, одной из отличительных черт является идея активной эволюции, т.е. утверждение необходимости наступления сознательного, управляемого человечеством этапа развития мира. Эту идею русских космистов можно обозначить как принципиально новое качество мироотношения, которое является определяющей его генетической чертой. Речь здесь идет о сознательно-творческом преобразовании, гармонизации мира, о его одухотворении самим человечеством. Столь грандиозная программа, выдвинутая мыслителями-космистами, включает в себя как заботу о биосфере, Земле и Космосе, так и заботу об обществе и конкретном человеке. Мы солидарны с мнением С.Д. Дерябо, В.А. Явина и др., что центральная идея этого течения, которое, кстати, стали называть русским космизмом только в 80-е годы XX века, – «представление о том, что Человек – составная часть Природы, Универсума Вселенной. Противоречие между Разумом и Природой неизбежно, но разум ответственен за его разрешение» [1, с. 180]. Действительно, еще Н.Ф. Фёдоров как основоположник русского космизма полагал, что человек должен вносить в природу нравственное начало, поскольку за всё, включаемое в сферу влияния людей, они становятся нравственно ответственными, и эту идею Н.Ф. Фёдорова творчески восприняло большинство последующих отечественных философов.

Заметим, что первые черты специфичности русского мировоззрения вообще проступают в связи с его становлением на фактическую базу науки, где национальный гений получил достойный простор для самовыражения. И эти первые черты выражаются в космичности взгляда на мир у Михаила Васильевича Ломоносова, деятельная позиция которого – практическое достижение максимальных целей, поставленных христианством, и основывается на принципе единства познания единого мира. В философии М.В. Ломоносова находят примирение тенденции западной мысли, связанные с противопоставлением Бога и природы (что в последовательном развитии предполагает принцип активной эволюции), духовного и телесного начал. Именно по этой линии в дальнейшем развивалось творчество В.Ф. Одоевского, Н.Ф. Фёдорова, В.С. Соловьёва, К.Э. Циолковского и др. [2].

Так, например, в творчестве Владимира Федоровича Одоевского утверждается необходимость синтеза наук, «цельного знания», основанного на взаимном признании равноправия разными отраслями науки, науки и рели-

гии; впервые предваряется идея ответственной регуляции природы. Согласно В.Ф. Одоевскому, «... судьба человека в руках его» [3, с. 321]. И поскольку «всякий момент жизни формирует его личность и его будущее», он должен «ответственно относиться к выбору своего человеческого, культурного и ландшафтного окружения» [3, с. 295]. Одоевский В.Ф., если прибегнуть к современной лексике, предельно чётко заявляет о необходимости экологии человеческих душ. Многообразии мира не скрыто от взгляда В.Ф. Одоевского предубеждённостью в главенствовании тех или иных равно необходимых сторон бытия. Космичность мировоззрения, по его мнению, предполагает, что максимально широкий взгляд на истину вне какой бы то ни было предубеждённости – лучшее дружественное проявление, а «что бы то ни было, закрывающее глаза на истину, даже если и исходит из искреннего убеждения в правоте такого поведения, есть, в лучшем случае, медвежья услуга своей стране, своему народу, своей религии» [3, с. 296].

В философско-теоретических размышлениях Александра Васильевича Сухова-Кобылина присутствует идея развития общества и движения его к будущему, от земного к звездному состоянию человечества. Кстати, А.В. Сухово-Кобылин стал первым отечественным мыслителем XIX века, очертившим весьма отдаленные горизонты будущего. Человечество, по его мнению, находится в самом начале своей истории. Оно переживает теллурический (земной) период, выход за пределы атмосферы – дело ближайшего будущего, за которым последует солярный (освоение Солнечной системы) и сидерический (освоение Вселенной) периоды. Человек компенсирует природное несовершенство интеллектом, наукой и техникой, за что А.В. Сухово-Кобылин называет его «даровитым полубогом» [4, с. 14]. Вера в единство человеческих миров Вселенной позволила А.В. Сухово-Кобылину уповать в равной мере на технику и совершенствование телесности человека, которая в настоящий момент не обладает нужными качествами. Только усовершенствовав себя, человек может вырваться к звездам и стать воплощенным Разумом. Выделим особо, в учении А.В. Сухово-Кобылина о Всемире нет еще большой тревоги по поводу надвигающегося глобального кризиса. Более того, будущее человечества видится ему как вполне положительная и успешная деятельность всемирного государства, которое возглавит ответственная раса. Ответственная раса, по мнению мыслителя, – это гуманная, умная, сильная раса, способная обеспечить всеобщий мир, братство и выход к солярному, а затем и к сидерическому этапу развития человеческой цивилизации [4, с. 16].

Тем не менее, основоположником философии русского космизма по праву считают Николая Федоровича Федорова, т.к. наиболее разработанными идеи космизма были представлены в его трудах, объединённые под названием «Философия общего дела», где он синтезировал два методологических подхода к человеку – антропологизм и космизм, объединив судьбу человека и судьбу вселенского бытия. Именно поэтому его идеям уделим более при-

стальное внимание. Человек в космическом проекте Николая Федоровича получил невиданно широкое поле для своей самореализации, стал гарантом сохранения и увековечивания жизни. При этом нравственный критерий человеческих деяний распространялся не только на отношение человека к человеку, но и на всю область отношений человека к природе и Космосу, приобретая онтологический статус. «Философия общего дела» ориентирована не только на победу человеческого духа на Земле, но и в русле античной традиции – на повсеместное превращение Хаоса в Космос. Конечно, эту идею Н.Ф. Федоров обосновал с позиций религиозного мировоззрения. Однако подчеркнем, мыслитель не шел в русле какой-то узко-конфессиональной традиции. Он отвергал догматизированную религию, проповедующую бездеятельность человека, покорность судьбе, смирение (кстати, за что и был отлучен от церкви в конце жизни и объявлен еретиком). Дело в том, что у Н.Ф. Федорова довольно сильно были выражены деистическая и пантеистическая тенденции, Бог понимался им не как потусторонняя всемирная сила, творящая все из ничего, а как внутренне присущий бытию верховный Разум, всеобщая Мирообъединяющая Любовь. Несводимый к Природе, но и не отделимый от нее, Бог действует через волю и разум людей. Боговоплощение понималось как очеловечивание, т.е. внесение в природу человеческих начал и чувств. «Слово Божие», по Федорову, – есть сам мир, сама взаимосвязь всего в этом мире [5, с. 71].

Вместе с тем, Н.Ф. Федоров еще в конце XIX века выдвинул идею о необходимости выхода человека за пределы Земли в открытый Космос. И это обоснование вытекает у него из предвидения тех глобальных проблем, с которыми столкнулось человечество в конце XX века. Связь между проектом воскрешения (напомним, ключевую роль в учении Федорова играла идея преодоления смерти) и проектом выхода в Космос вытекает у философа из того, что в результате воскрешения возрастет перенаселенность Земли, воскрешенным поколениям негде будет жить, и нечем будет питаться. С другой стороны, по мысли Н.Ф. Федорова, эти поколения призваны быть неисчерпаемым источником заселения Космоса. Воскрешение трактуется им как одно из важных условий гармонизации Вселенной. «Порождённый крошечную Землю зритель безразмерного пространства, зритель миров этого пространства должен сделаться их обитателем и правителем», – утверждал Фёдоров. Прост и естествен, по Федорову, переход от поиска новых «землиц», влекший русских людей к Тихому Океану и за его пределы – к Америке, к стремлению достичь новых миров – уже космических. И здесь первое слово, считал мыслитель, будет принадлежать России. «На русской земле прозвучит приглашение всех умов к новому подвигу, к открытию пути в небесное пространство...» – писал Н.Ф. Федоров. Как видим, его учение – это философия действия. Именно действенность и вера в торжество сил и способностей человеческих позволили придать научную достовер-

ность стремлению не только проникнуть в космические дали, но и покорить – «радикально изменить», как выражался сам Федоров, – космическое пространство за пределами Земли и Солнечной системы. Так же Н.Ф. Федоров считал возможным на какой-то ступени развития человеческой цивилизации добиться схода Земли с ее постоянной орбиты и уход в космические просторы по сознательно прокладываемому курсу. В результате развития регуляции вся природа, по мнению Федорова, станет сферой человеческого обитания, объектом разума и труда, «единой космохозяйственной системой». Человек, проникнув в звездные пределы, объединит все миры Вселенной, а Земля из «Земнохода» станет «Планетоходом» [6, с. 278].

В контексте нашего исследования подчеркнем особо, Николай Федорович предчувствовал многие проблемы XX и XXI веков. Уверенный в том, что современная цивилизация приведет человечество к полной моральной деградации, Н.Ф. Федоров разработал проект построения общества братства и родства, дружбы и любви. Логика его рассуждений была такова: всякие цели и идеи (классовые, национальные, политические, экономические и т.д.) ведут к разобщению, розни и недоверию, а потому не могут быть общими. Начинать построение цивилизации братства и родства следует с объединения людей в едином общем деле борьбы со смертью. Жизнь – это добро, смерть – зло. Смерть одного человека – зло, смерть миллионов людей – страшное зло. Но может быть неотвратимая и тотальная смерть – это смерть, которая из бытия стерла бы полностью жизнь на планете. Это угроза космическая, ибо, как считал Федоров, планета Земля, возможно, является единственным питомником жизни в нашей Галактике или даже Вселенной, и именно поэтому ответственность человека за ее судьбу есть не только глобальная, но и космическая ответственность [7, с. 106].

Образование необходимо человеку, считал Н.Ф.Фёдоров, для того, чтобы научиться: «регулировать природу» и внутри себя, «воссоздавать себя из самых первоначальных веществ, атомов, молекул», «жить во всех средах, принимая всякие формы» [6, с. 501]. Федоров Н.Ф., как педагог-космист, утверждал, что главная задача обучения – формирование планетарного и космического чувства сопричастности ко всем явлениям Мироздания с целью подготовки к «космической жизни» [6, с. 502]. Школа, по Н.Ф. Фёдорову, должна воспитывать детей в духе единства со всем человечеством и окружающим миром, развивать космическое сознание, чувство нравственного долга и ответственности за свои дела и поступки. Федоров Н.Ф. был уверен в том, что личность в результате воспитания и саморазвития тем и отличается от индивида, что способна принимать решения в ситуациях морального выбора, нести ответственность за эти решения перед собой, окружающими людьми, своей страной и всем человечеством.

Основой нравственного прогресса, поведения человека и его воспитания является, по мнению Владимира Сергеевича Соловьева, нерасторжимая

связь поколений, поддерживающих друг друга в прогрессивном исполнении одного общего дела – приготовления к явному Царству божию и к воскресению всех. Эта идея – воскресения всех – делает для Соловьева реальной взаимную ответственность и нравственную солидарность всех перед всеми, живых перед мертвыми и мертвых перед живыми. И если у людей, живущих сегодня, не будет обязанности и ответственности перед предками, то откуда, по мнению философа, возьмется такая обязанность и ответственность по отношению к ним у их потомков. Как видим, определенно под влиянием идей Н.Ф. Федорова В.С. Соловьев утверждает нерасторжимую связь поколений как опору нравственности.

В своих сочинениях, а также в работах «Идея сверхчеловека» и «Оправдание добра» он писал о мире, находящемся в глубочайшем кризисе. Причины этого кризиса, на его взгляд, кроются в извечном метафизическом противоречии между духом и плотью самого человека, в неоправданном господстве, широко распространении материализма и эмпиризма в естествознании. Трактовка человека как центра мира со всеми вытекающими из этого постулата выводами приводит к разлому, который фиксируется В.С. Соловьем как катастрофа, конец мира. У философа не только отчетлив диагноз сложившейся кризисной ситуации, но и многогранна программа действий, реализация которой могла бы содействовать положительным сдвигам во всех элементах триады «природа – человек – общество»: возделывание и устроение природы; активизация процесса перехода от природного к духовному человеку и духовное совершенствование человека; преумножение добра; обновление религии на пути прогрессирующего синтеза Бога и человека; развитие соборности и любви как космической функции человека. Кстати, в освоении Космоса В.С. Соловьёв всегда подчёркивал первостепенное, основополагающее значение внутреннего, нравственного совершенствования человека.

Анализируя постепенное историческое отхождение человека от природы, создание человеком целого мира машин, помещаемого между ним и природой, разрушение техникой, как природы, так и самого человека привели Николая Александровича Бердяева к мысли о том, что если и дальше будет продолжаться поглощение человека вещной средой, будут господствовать ценности обладания, то общечеловеческая катастрофа неминуема. Позитивный выход, по Н.А. Бердяеву, состоит в возвращении к религии, поднимающей человека до духовности, в воссоздании человеком себя творчеством и свободой, которая должна всегда сопровождаться ответственностью человека [8, с. 239].

Бердяев Н.А., определивший человека как микрокосм и вместивший в себя все стихии Природы – макрокосма, писал в работе «Таинственное, чем мир» о том, что судьба микрокосма и макрокосма нераздельна, вместе они падают и поднимаются. Состояние одного отпечатывается на другом, взаимно они проникают друг в друга. Человек не может просто уйти от Космо-

са, он может лишь изменить и преобразить его. Космос разделяет судьбу человека, и поэтому человек разделяет судьбу Космоса. В труде «О назначении человека» философ настаивал на том, что человек, как составная часть Космоса, а также носитель разума и души, несет огромную ответственность за судьбу не только планеты, но и всей Вселенной.

Идея единства человека и Космоса нашла у Константина Эдуардовича Циолковского выражение в форме двух дополнительных по своему содержанию принципов космизма: 1) принцип, который сам Циолковский сформулировал так: «Судьба существа зависит от судьбы Вселенной» (во-первых, «причина» и «воля» Космоса почти фаталистически детерминируют деятельность и поведение человека; во-вторых, метафизика человеческой судьбы получает оригинальную интерпретацию: смерти нет); в ритмах космической эволюции смерть сливается с «новым совершенным рождением», этим для каждого существа обеспечивается субъективное ощущение «никогда не кончающегося счастья»; 2) принцип, который можно сформулировать следующим образом: судьба Вселенной зависит от космического разума, т.е. человечества и других космических цивилизаций, их преобразовательной деятельности.

В самой объемной работе К.Э. Циолковского под названием «Этика или естественные основы нравственности», над которой он к тому же трудился дольше всего, ученый поставил перед собой уникальную задачу: попытаться вывести нормы этики из фундаментальных законов природы и убедить тем самым людей в бессмысленности нарушения этих норм. Обращаясь к анализу человеческой деятельности, мыслитель выдвинул во главу угла проблемы этики и развил мысль о том, что от того, какие идеалы и ценностные ориентиры будут сформированы в человеке, зависит не только судьба каждого, но и всего человечества, планеты, судьба всей Вселенной, так как будущее человека самым тесным образом связано с освоением космического пространства и совсем не безразлично, какие нравственные ценности он понесёт с собой в Космос, чем будет руководствоваться в процессе своей преобразовательной космической деятельности. Продолжая традицию А.В. Сухова-Кобылина и Н.Ф. Федорова, К.Э. Циолковский писал в этой книге о целенаправленном строительстве нового Человека, новых формах организации общества, причем во вселенских масштабах. Но этим грандиозным задачам должна обязательно соответствовать новая этика (супраморализм), в основе которой стоит нравственная ответственность всех перед всеми.

Выделим еще раз, согласно воззрениям Константина Эдуардовича, человек не только испытывает на себе влияние Космоса и природных процессов, поскольку он их порождение и составная часть, но, будучи носителем разума, человек способен оказывать воздействие на Космос, на ход развития окружающего Мира, при этом он несёт нравственную ответственность за свою деятельность по отношению к окружающей природе, планете и Космосу.

Подчеркнем, всё происходящее на Земле, в том числе и воспитание человека, рассматривалось им в тесном единстве с космическими процессами. С этой точки зрения Земля не только представляет собой космическое тело, подчиняющееся в своём движении в мировом пространстве законам Космоса, но и служит своеобразной «лабораторией» по воспитанию совершенных людей.

Именно выход в Космос, по его убеждению, объединит людей во имя достижения этой высокой цели, поможет человечеству стать более разумным, ответственным и нравственным. «Объединение должно быть», – считал учёный в книге «Очерки о Вселенной», – «ибо этого требуют выгоды существ». «Человечество сольётся в одно целое и будет управляться единым избранным разумом... Когда объединится человечество..., то оно будет идти к могуществу гигантскими шагами» [9, с. 329-330].

Русский учёный отрицал всякого рода национализм и шовинизм. Много писал о воспитании человека в духе любви и братства с другими народами. Рассматривая Россию как неотъемлемую часть всего земного человечества, как средоточие мировых духовных и нравственных ценностей, К.Э. Циолковский выражал уверенность в том, что дальнейшее развитие России по пути исторического и культурного прогресса, по которому она идёт «усиленно и напряжённо» исключит национальную замкнутость. «На нашей планете», – оптимистически утверждал он в работе «Будущее земли и человечества, «исчезнут войны, национальная рознь и конфликты, воцарятся дружба, сотрудничество, взаимопонимание, братство народов». Что и составляет, считал Константин Эдуардович, как национальные, так и общечеловеческие ценности. Их утверждение и явится, по его мнению, утверждением национальной индивидуальности, в которой каждая личность получит полное развитие. Осуждая национальную рознь и войны как «величайшее бедствие и варварство», он писал: «Каждый человек должен быть проникнут высшими идеями, ведущими всех людей к счастью и совершенству. Таковы мысли о единстве и братстве всех народов...», «... Земля должна быть объявлена общим достоянием» [10, с. 17].

По воспоминаниям дочери учёного, Любви Константиновны, «отец был глубоким интернационалистом, но ведь это не исключает и любви к Родине. И он для неё больше всего работал. С целью распространения просвещения в массах он стремился писать популярно, избегая по возможности иностранных слов. С этой целью он даже математические формулы стремился изображать русскими буквами. Свои сочинения и изобретения он отдал Родине...». Эти слова как нельзя лучше говорят о патриотизме Циолковского, о единстве его национальных и общечеловеческих позиций. «Основные черты его характера – боль за Россию, за человечество, поиски путей для всемирного счастья», – писала в газете «Знамя» (от 17 сентября 1986 г.) Л.К. Циолковская [11].

Общечеловеческие начала проявляются и в идее К.Э. Циолковского о создании единого для всех народов языка общения, способствующего по-

ниманию друг друга. Сама мысль о необходимости создания такого языка, сближающего народы, была высказана Константином Эдуардовичем ещё в повести «Вне Земли». Она вытекала из его основной философской идеи – идеи о едином планетарном человечестве, а в дальнейшем – едином космическом человечестве. Мыслитель писал в этой работе о том, что каким может быть братство всех народов, если вследствие различия языков люди друг друга не понимают.

Педагог К.Э. Циолковский не мог не задумываться над тем, как воспитать в человеке бережное отношение к родной природе, развить у него чувство гражданской и нравственной ответственности за её состояние, за судьбу своего Отечества. Подчеркнем еще раз, национальные заботы сочетались у Циолковского с тревогами общечеловеческого плана – его волновала судьба нашей планеты, во многом зависящая в первую очередь от отношения всех людей друг к другу и природе.

Учёный К.Э. Циолковский постоянно думал о том, как спасти и уберечь человечество от разного рода природных катаклизмов (как земных, так и космических). Он предупреждал, что в результате своей неразумной деятельности по отношению к природе, люди наносят себе огромный вред, истощая природные богатства Земли, её ресурсы, что может привести к страшным последствиям. Ещё в 1902 году К.Э. Циолковский составил план спасения человечества, включив в него такие разделы как: «Спасение от катастроф земных, от перенаселения, ... спасение в случае понижения солнечной температуры» и т.п. Он очень надеялся решить глобальные общечеловеческие проблемы с помощью образования и научно-технического прогресса, когда учёные всего мира, объединившись, создадут мощные корабли-ракеты для космических рейсов в поисках пригодного для людей жилища где-то там, в необъятных просторах Космоса. Поэтому, говоря о важности воспитания гражданина своей Родины через формирование у него любви к родной природе, учёный и педагог расширил это понятие до общечеловеческого и планетарного уровня. Циолковский К.Э. был убежден, что в мироощущении новых поколений все большую роль будут играть категории Мира, Жизни, Человека, жизнотворчества и ответственности.

Заметим, что сам Александр Леонидович Чижевский не претендовал на философское осмысление открытых и исследованных им явлений, но объективно его творчество было отнесено к величайшим вершинам русского космизма, т.к. он, по сути, первым создал оригинальную парадигму философского знания – космобиологический взгляд на всю совокупность земных, то есть природных, человеческих и общественных процессов и явлений. В работе «Колыбель и пульсы Вселенной» ученый рассматривал Вселенную как самый сложный организм, все части которого взаимосвязаны. Ученый признавал огромное влияние на эволюцию биосферы не только земных, но и космических факторов. Жизнь поэтому в значительно большей степени есть яв-

ление космическое, чем земное. Важной вехой в развитии космического естествознания явилась эта работа А.Л.Чижевского, ибо он расширил диапазон исследований до уровня «биосфера – социосфера – Космос». Также главная заслуга ученого – это открытие тотального влияния солнечной активности на динамику жизнедеятельности в биосфере, в том числе, на стихийные массовые явления в человеческом сообществе. История человечества связана с историей Солнца. Подчеркнем, что открытие влияния солнечной активности на биосферу и социосферу по сути не только завершило историческую ломку геоцентризма, но и привело к формированию и развитию таких направлений в науке как космизм и глобалистика. Впервые именно среди космистов понятие «среда» трактуется не просто как непосредственные географические условия, а как планетарные условия в единстве с Космосом. Окружающая среда, по его мнению, начинается от кожи человека и простирается до границ Вселенной, если таковые существуют. Но А.Л. Чижевский не только дал нам расширительное понимание среды, но это и первый ученый, который распространил экологические представления и требования за пределы планеты в Космос.

В рассказах, публицистических статьях, крупных произведениях, таких как: «В краю непуганых птиц» (1907 г.), «Календарь природы» (1926 г.), «Мирская чаша» (1926 г.), «Журавлиная родина» (1929 г.), «Осударева дорога» (1933-1952 г.) русский писатель Михаил Пришвин позволил выявить оценку реально существующих социоприродных отношений, воспринимаемых им как отчужденность человека от природы. В романе «Кашеева цепь» (1927 г.), очерковом цикле «Берендеева чаша» (1935 г.), повестях «Женьшень» (1931 г.), «Весна света» (1938 г.), «Кладовая солнца» (1945 г.), «Корабельная чаша» (1953 г.), а также дневниковых записях отражены представления Пришвина о гармоничном взаимодействии человека и природы. В повестях «Жень-Шень» и «Корабельная чаша», очерках «Глаза земли», «Лесная капель» (1943 г.) и «Северный лес» (1953 г.) М.М. Пришвин осмысляет значение человеческой деятельности в природе, требующей ответственности людей за свои действия в ней, и, в частности, проблемы охраны окружающей среды и наиболее экологичных способов воздействия на нее [12, с. 11].

Владимир Иванович Вернадский всегда подчеркивал, что формирование его мировоззрения происходило под влиянием философии русского космизма. Так, идея всеединства (основополагающая идея русского космизма), в которой мир и его основные закономерности рассматриваются как единое целое, получила научно-разработанные положения в учении о ноосфере. Согласно утверждениям мыслителя, развитие биосферы в будущем приведет к созданию ноосферы как результата духовного творчества человека. Мощь человечества он связывал не с материей, а с разумом. Считал, что эволюция живого вещества на планете приведет к целостности человечества и к космическому единству. Выделим особо, разносторонний подход к

изучению любого природного и общественного явления определили своеобразие идей Владимира Ивановича Вернадского в отношении человеческой личности. Подчеркивая приоритетное значение каждой личности, способной научно мыслить и действовать, ученый видел в человеке и обществе активную силу геологического характера, изменяющую и несущую ответственность за преобразование биосферы Земли. Так, например, еще в начале XX века Вернадский в работе «Живое вещество» отмечал, что воздействие человека на окружающую природу растет столь быстро, что не за горами то время, когда он превратится в основную геологообразующую силу. И, как следствие, он необходимо должен будет принять на себя ответственность за будущее развитие природы.

Также в трудах по истории науки В.И. Вернадский писал, что основанием всех его концепций и теорий явилась идея единства природы и человека, «всеединство мирового целого». Общность живого и неживого, единство земных и космических процессов ученый рассматривал через естественно-историческое развитие, акцентируя внимание на: взаимосвязь макро- и микрокосма, движение энергии, эволюцию живого вещества, становление человека как разумной формы живого вещества и его преобразующей и ответственной роли в природных процессах.

Рассматривая взаимоотношения человека с природой, В.И. Вернадский уделял большое внимание и отношениям между личностью и обществом. В понимании ученого, человечество есть объединение всех народов Земли в единое целое, культурное сообщество. Преобразование общества, на его взгляд, связано с выработкой нравственно-этического идеала, отвечающего запросам всей человеческой цивилизации.

Перед человечеством, как считал Владимир Иванович еще в середине XX века, стоит проблема нравственной и глобальной ответственности за преобразование природы на планете. Он подчеркивал, что человек как одно из звеньев геокосмической жизни должен своей деятельностью способствовать сознательному и нравственному управлению силами природы. В своей работе под названием «Начало и вечность жизни» ученый обращал внимание на то, что человек несет ответственность перед будущими поколениями за достижение возможно быстрого результата, не смотря ни на что. Для В.И. Вернадского человек, как и все живое, не является самодовлеющим, независимым от окружающей среды природным объектом. В отличие от других животных, человек наделен разумом и способностью научно мыслить. Следовательно, изучив природные процессы, он может сознательно и с наименьшими вредными последствиями изменять природу, делать биосферу пригодной к жизни для всех последующих поколений [13].

Также ученый считал, что нравственное преображение общества произойдет на основе любви каждого человека ко всему человечеству. Но эта любовь не является простым созерцанием, она тесно связана с сознательной

деятельностью. В будущем, думал он, человек не вопреки, а благодаря любви к отдельным лицам, будет способен полюбить все человечество как единое целое. Через такую любовь, соединяющую потребности личности и общества, человек получит возможность использовать все свои силы для осуществления идеала, в котором индивидуальное органически сочетается с общезначимым. Такой идеал, по мнению Вернадского, должен быть близок как всему человечеству, так и каждой отдельной личности. Поэтому главная роль в его создании должна принадлежать науке и образованию.

Поиск научной истины, а также целостное изучение человека и мира являются для В.И. Вернадского средством преобразования самого человека. Он считал, что нравственный долг каждого ученого состоит в развитии наук для блага всего человечества и активной деятельности по совершенствованию человеческого общества. Ученым особо подчеркивалось, что величайшие завоевания науки и техники должны быть направлены на пользу человечеству, а не использоваться для совершенствования средств уничтожения людей.

По Вернадскому, нравственная жизнь самого ученого является сильнейшим источником преобразования общества. Ученые не должны закрывать глаза на возможные последствия их научной работы, они должны чувствовать ответственность за последствия своих открытий. Нравственная ответственность ученого, как свободной в обществе личности, за результаты научной работы способствует, по его мнению, созданию устойчиво развивающегося общества. В работе «Научная мысль как планетное явление» В.И. Вернадский писал о том, что раз возникшее в ученой среде и неудовлетворенное чувство моральной ответственности за происходящее, и убежденность ученых в своих реальных для действия возможностях не могут исчезнуть на исторической арене без попыток своего осуществления.

В целом, у В.И. Вернадского как мыслителя, ученого и преподавателя университета нравственные проблемы выступают главным компонентом взаимоотношений и взаимодействия в системе «Человек – Человечество – Природа – Космос». Подчеркивая, что научная мысль есть закономерное природное геологическое явление, В.И. Вернадский, кстати, дал оптимистический прогноз в устойчивой коэволюции человечества и природы. Он был убежден в том, что деятельность, основанная на геологическом явлении, не может быть направлена против процесса создания ноосферы. И самое главное, человечество нравственно ответственно перед грядущими поколениями за состояние биосферы.

В этой связи представляют интерес взгляды отца Павла Флоренского. В своих письмах к В.И. Вернадскому он высказал мысль о «пневмосфере» – особой части вещества, вовлеченной в круговорот культуры или точнее, «круговорот духа», т.е., «духосфере». В центре ноосферного процесса находится культура, объединяющая все виды разнообразного исторического творчества народа: его образ жизни, философию, искусство, технику, политику,

науку. Поэтому характерной чертой ноосферного общества можно считать культурную зрелость человека, которая выражается в понимании взаимосвязи и взаимозависимости человека, человечества, природы, Космоса; в построении своей ответственной деятельности с учетом «компенсаторской функции биосферы». Ноосфера, по Флоренскому, – это область единства природы и человека, в пределах которой человеческий разум и его нравственные качества (такие, например, как ответственность человека) являются определяющими факторами развития цивилизации.

В работе «Мысли натуралиста о природе и человеке», написанной в 1944 году, известный русский мыслитель, атеист, ботаник и микробиолог Николай Григорьевич Холодный впервые вводит понятие «антропокосмизма», а также противопоставляет антропокосмизм антропоцентризму, который, по его мнению, сосредотачивает главные усилия и концентрирует почти все внимание на человеке как центральной фигуре мироздания, оставляя в тени то, что его окружает, тогда как антропокосмизм стремится более или менее равномерно осветить светом сознания весь Космос. И сам человек при этом освещается отраженными лучами, поскольку его природа и судьба находят свое правильное объяснение только в свете знаний о Космосе в целом. Человек признается Н.Г.Холодным составной частью Космоса и мощным фактором дальнейшей эволюции природы в обитаемом им участке Мироздания. При этом фактором, действующим сознательно, что налагает на него громадную ответственность, т.к. делает его прямым участником процесса космического масштаба и значения.

Холодный Н.Г. подчеркивал в этом труде двусторонний характер связи человека и Космоса: человек, испытывая разнообразные и сложные воздействия со стороны окружающей природы, и сам в то же время может влиять на нее различными способами. Интересной, на наш взгляд, является и мысль ученого о космическом чувстве, под которым подразумевается живое и глубокое ощущение всей полноты, многообразия и красоты космической жизни и нашей связи с этой жизнью, объединяющее в себе элементы эстетического и интеллектуального восприятия Космоса. Выделим особо, с идеей антропокосмизма Н.Г. Холодный связывал надежду на совершенствование человека. В ней он видел определенную линию развития самого человека – его интеллекта, чувств, воли, которая, по его мнению, является самым прямым и кратчайшим путем к достижению высоких духовных, нравственных целей. Эта линия развития позволяет осознать каждому человеку свою связь с природой, с мирозданием, с Космосом. На этом пути, считал он, можно успешно решать воспитательную задачу – развивать чувства любви к природе и бережное отношение к ней. Это и будет космическое чувство ответственности, единения со всем человечеством как носителем космической жизни.

Интерес к творчеству Валериана Николаевича Муравьева обоснован и самим содержанием его идей и тем, что наследие его, как и Н.Г. Холодного,

надолго оставалось не востребованным, известным лишь крайне узкому кругу специалистов. Среди всех онтологических проблем ученый особое внимание уделял характеру времени, главное качество которого – проективность. Другим онтологическим основанием взглядов В.Н. Муравьева является его понимание сознания как содержащего не просто копии мира, а мысли и стратегии действий, между коими возможен раскол, расхождение, что и служит истоком кризиса мироотношения, культуры, в том числе характерного и для России. Культура возможна, пока разум выполняет организующую и ответственную роль. Идеалом культуры служит синтез науки и искусства. Муравьев согласен со своими предшественниками, разделяющими историю человечества на земную и космическую. Но будущее, по В.Н. Муравьеву, делается здесь, на Земле, а точнее в человеке, его мирозерцании. Поэтому, по его мнению, необходимо возвращение к единому народному мирозерцанию, где слиты мысль и действие. Только на этой почве возможна могучая и плодотворная культура, разумное и ответственное планетарное преобразование, а также космическое будущее человечества.

Оригинально доказывал рост эволюции человечества и творческого потенциала человека ученый Николай Алексеевич Умов. Он рассуждал так: чем создание элементарнее, тем прочнее оно связано со средой. По мере его усложнения природа все меньше и меньше удовлетворяет нуждам организма, и он в связи с этим вынужден все сильнее и активнее приспосабливать среду к себе. В человеке подобный процесс – уже определенная родовая черта. По мнению Н.А. Умова, в недрах человечества формируется новый эволюционный тип – Человек Исследующий, девиз которого – «Твори и создай!». Но для его гармоничного формирования нужны целенаправленные усилия – как педагогов, так и самого человека. Нужно такое воспитание и обучение, в которых творческая активность и ответственность человека занимала бы одно из центральных мест.

Напомним, что с точки зрения Николая Константиновича Рериха, мир «не случайно означает и Вселенную, и мирность». Мыслитель был твердо уверен в том, что «мир человека и мир Вселенной неотделимы в своем существовании» друг от друга. Защита и утверждение Культуры, Знания, Красоты – вот путь, по его мнению, к неразделимости, гармонии мира Вселенной и человека, дающий плоды созревания и творчества. «Мы устали от разрушений и взаимного непонимания. Лишь Культура, лишь всеобщие понятия Красоты и Знания могут вернуть нам общечеловеческий язык. Это не мечтание! Это наблюдение опыта сорокадвухлетней деятельности на поприще Культуры, Искусства, Науки», – так актуально и значимо звучат сегодня слова Н.К. Рериха [14, с. 69]. Заметим, что Н.К. Рерих рассматривал историю развития человечества и природы как процесс единой космической эволюции. Он писал в своих трудах о том, что эволюция самостоятельна и добровольна, и это основной закон Космоса, о том, что невозможно заставить людей духовно эволюционировать, нельзя принудить к благу спящее

сердце, можно только указать, можно ставить вехи, но сломать сознание – значить убить корень будущего древа. Высший смысл эволюции человека, по Рериху, – это сознательный рост духовности.

С ранних лет, считала Елена Ивановна Рерих, должно закладываться понимание назначения человека, его места и роли в Мире, его космическая зависимость. Мир – это единая, целостная и взаимосвязанная система: «Человек – Человечество – Природа – «Космос». При таком понимании, утверждала она, «личная ответственность получила бы должное значение» [15, с. 44].

В целом, в Учении Живой Этики Н.К. и Е.И. Рерих одним из базисных принципов является принцип совершенствования, которое начинается с внутреннего посыла и происходит непосредственно на основе человеческого самопознания, саморазвития. Здесь утверждается и принцип сотрудничества. Он предполагает сознательное, добровольное единение людей всего мира для совместного решения эволюционных задач и глобальных проблем. В их учении отчетливо прослеживается мысль о закономерности и необходимости активной эволюции как нового этапа в развитии мира.

Живая Этика Рерихов указывает много способов приобщения сознания человека к космической реальности: через красоту произведений искусства, через созерцание природы, через осмысление космических законов, через любование звездным небом... Необходимо, чтобы с самого раннего возраста у ребят была возможность восхищаться красотой светил и созвездий, познавать тайны Вселенной, получать ответы на многочисленные вопросы, касающиеся дальних миров и жизни на этих мирах. Это приобретает первостепенное значение в наше время, так как на экраны телевизоров вышло множество мультипликационных и художественных фильмов, из которых льется поток грязной информации, наполненной лживыми утверждениями об агрессивности Космоса, о захватнических инстинктах представителей внеземных цивилизаций. Или когда мы читаем всю «правду» об инопланетянах и опытах над землянами. Вот в таком искаженном информационном пространстве живет современный молодой человек! Именно поэтому необходимо вернуть в школу такие научные дисциплины как астрономия и космография. Рерихи считали, что они «заронят первые мысли о дальних мирах. Молодые сердца почуют себя не муравьями на земной коре, но носителями духа и ответственными за планету» («Община», 110) [16, с. 600-661].

Об этой особой ответственности в контексте идей Живой Этики предупреждающе сказал Н.А. Уранов в своем философском труде «Размышления над Беспредельностью»: «Нынешняя эпоха требует особого подхода к Силам Космоса, этот подход должен быть как сотрудничество творящего эволюцию человека с силами, которые могут, как возвести его в сияние Космоса, так же и низвергнуть в бездну полного уничтожения – в Хаос» [17, с. 226].

Человечество должно обладать развитым космическим сознанием (главная идея Живой Этики Рерихов). Космическое сознание – это осознание

человеком своей взаимосвязи с Космосом, потребность научного осмысления своего места и роли в общей эволюции Вселенной, целостный подход к пониманию Мира, экологический и этический подходы в изучении и освоении Космоса. Космическое сознание – это система мышления и образ жизни Человека, который вырабатывает привычку жить согласно космическим законам. В результате, уверены Елена Ивановна и Николай Константинович Рерихи, обязательно произойдет духовно-нравственное преображение Человека.

Конечно, процесс изменения сознания очень сложный, длительный и малозаметный. «Подобно траве сознание растет незаметно» [16, с. 132] Продвижение по этому пути расширения сознания до космических горизонтов невообразимо трудно, но необходимо. Необходимо для перехода человечества на новую эволюционную ступень своего развития, чтобы избежать самоуничтожения, а значит, и возможного уничтожения всей планеты.

Современные представители русского космизма (А.Е. Акимов, Г.Н. Дунев, В.П. Казначеев, Н.Н. Моисеев, А.И. Субетто, Г.И. Шипов и др.) придают большое значение задаче познания человеком себя, его духовного саморазвития и оздоровления, называя ее задачей задач. Решение имеет первостепенное значение и в плане дальнейшей эволюции человечества, его активного совершенствования. Без этого, считают они, любые концепции экологического императива останутся лишь «спасательными» программными требованиями, а не глубоко продуманной стратегией выживания. Познание себя – единственный путь, который позволит человеку, сохраняя свое психофизиологическое здоровье, поддерживать индивидуальным стилем, образом жизни, особенностями энергоинформационного обмена с окружающей средой. Напомним, вся жизнедеятельность человека с позиций биоэнергетики трактуется как информационно-энергетический обмен, происходящий в живой природе в рамках единого космического информационного суперполя. В наши дни, утверждают они, созданы объективные предпосылки для рассмотрения и исследования человека, процесса его формирования и всей жизнедеятельности не только в земных, но и космических параметрах, т.е. в целостной системе «Человек-Вселенная». Этому способствует, как говорят представители естественных наук, прежде всего качественный переход эволюции человека с биологического уровня на энергетический. Биоэнергетика, по признанию специалистов, составляет в настоящее время новую главу естествознания. Она исследует дистантные взаимодействия биосистем (включая человеческий мозг и организм в целом), их взаимодействие друг с другом на основе информационно-полевых, биоэнергетических потоков. Биоэнергетики исходят из того, что человек, как любой объект во Вселенной, существует активно. Быть и действовать – это равнозначно. В мире нет ни одной субстанции, которая не была бы деятельной. Вся Вселенная – тоже деятельность (простая и сложная), а Космос – великое целое, совокупность всех деятельностей, находящихся во взаимной зависимости, стремящихся к еди-

ной цели. Преобразующая функция деятельности как мотора эволюции называется в том, что в ее процессе изменяется само мировое существование. Всякое существо, состоящее из совокупности различных видов деятельности, оказывает влияние, как на себя, так и на окружающую среду, видоизменяя и то, и другое.

К сожалению, считают ученые-космисты биоэнергоинформационного направления (А.Е. Акимов, Г.Н. Дульнев, В.П. Казначеев, Г.И. Шипов и др.), ни одна система образования в мире до сих пор не учит человека жить и действовать в соответствии с универсальными законами природы и Космоса. А их общая суть состоит в том, что любая человеческая деятельность должна быть одухотворенной и возвышенной. Это будет придавать ей совершенно иную окраску, а жизни – высший смысл, тогда в обычную, рутинную повседневность будет вноситься радость, а действия человека направляться на сотворение жизни, а не ее прожигание. Любой деятельности человека предписывают тот или иной мотив, желание как выражение умственных, психических и нравственных сил. Поэтому жизнь Вселенной – непрерывная цепь причин и следствий, результатов действий человека, взаимосвязь которых надо научиться понимать уже со школьной скамьи. Мысли, слова, желания – это тоже деятельность человека, осуществляемая на трех уровнях – физическом, эмоциональном и ментальном (духовном). Они имеют материалистическую энергетическую основу и, будучи однажды рождены, откладывают свой след на общей эволюции человечества. Дурные мысли и желания являются разрушительной силой, они разрушают мировой порядок и равновесие, поэтому за их проявление необходимо нести моральную ответственность.

Отметим, идеи космизма присутствуют в творчестве Никиты Николаевича Моисеева, но уже в другой форме – это парадигма универсального эволюционизма и синергетическая концепция саморазвивающейся Вселенной. Эволюция систем на всех иерархических уровнях подчиняется одним и тем же фундаментальным принципам: открытости, нелинейности, стохастичности, когерентности. Как следствие отсюда становятся неизбежными бифуркационный механизм развития, альтернативность эволюционных сценариев, фундаментальная роль случайностей и влияние будущего на настоящее. И отсюда же новая концепция соотношения свободы и необходимости: свобода есть возможность выбора и одновременно осознание ответственности за этот выбор. Обращаясь к анализу человеческой деятельности, он ставил во главу угла проблемы этики. Моисеев Н.Н. специально подчеркивал примат нравственных критериев в оценке человеческой деятельности. Само возникновение вида *homo sapiens*, выделение его из животного царства, подчеркивал ученый, стало возможным именно благодаря новой бифуркации в его эволюции – появлению нравственности. Продолжая исследование этой проблемы, учитывая богатый исторический опыт, оставленный XX столетием, Н.Н. Моисеев анализировал возможные последствия «культы абсо-

лотному индивидуализму и чистогану, присущего западной цивилизации», и пришел к выводу, что в итоге ей может угрожать самое страшное – «отказ интеллектуальных датчиков» [18, с. 109].

Свою последнюю книгу «Универсум. Информация. Общество», (которая была издана в 2001 г. уже после его кончины), академик РАН Н.Н. Моисеев посвятил проблемам миропонимания. Указывая на быстрое нарастание глобального кризиса, он писал: «Современный человек должен видеть мир в его целостности. Только представление об общей логике развития того мира, в котором мы живем, поможет нам избежать катастрофических последствий кризиса, который неумолимо надвигается» [18, 11]. Ключ к предотвращению катастрофы, писал Н.Н. Моисеев, лежит в личностном начале. Только союз свободных личностей – гражданское общество – способен противостоять современным разрушительным тенденциям. Принципы универсального эволюционизма и ноосферогенеза, основанного на учении В.И. Вернадского, – вот тот теоретический базис, на основе которого, по мнению ученого, должен быть разработан эволюционный сценарий, позволяющий избежать глобальной (в частности) экономической катастрофы. Конкретизируя этот подход, Моисеев обосновал концепцию самосогласованной эволюции природы и общества, а также парадигму экологического социализма.

Упомянем в этой связи такие творческие достижения Н.Н. Моисеева как: разработка сценария ядерной зимы, концепция социализма как равновесия между свободой и равенством, критический анализ идеи sustainable development – устойчивого развития – и внутренних противоречий западной цивилизации с ее «дьявольским насосом» транснациональных корпораций (ТНК). Интересен «принцип кормчего» и действующий на его основе «Совет мудрых» – Коллективный Интеллект планеты, ищущий оптимальные пути в будущее. А практическим результатом для Моисеева стали смелые рассуждения о путях формирования единого планетарного экономического и политического организма. Подчеркнем, что способ изложения, которого придерживался в своих трудах Н.Н. Моисеев, напоминает стиль проповеди, временами полной страсти. И это неудивительно – он стремился говорить с широкими массами простых читателей, и вместе с тем ему хотелось достигать до лиц, принимающих решения. Он ощущал грозный шум приближающейся катастрофы. Моисеев ясно осознавал, что более всего человечеству угрожает ... само человечество. А потому в заглавии одной из своих последних книг прямо спрашивал, быть ему или не быть [19].

Деятельность человека вносит все более глубокие изменения в окружающий мир, он сам не успевает адаптироваться к быстро меняющимся условиям жизни, – считает Александр Иванович Субетто. Современный мыслитель фиксирует отставание в понимании человеком как самого себя, своей природы, своего интеллекта, так и законов становления ноосферы. В прямой связи с этим, по его мнению, растет запаздывание реакции со стороны

человека на происходящие катастрофические изменения в природе в целом и во внутренней природе человеческого организма, что в свою очередь позволяет говорить «об увеличивающемся космопланетарном инфантилизме, связанном с кризисом ответственности» [20, с. 32].

Таким образом, русские космисты, выступившие с идеей планетарной, а затем и космической интеграции человечества в его истории, современности и будущем (А.В. Сухово-Кобылин, Н.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский и др.), выявившие общемировой закон о космическом характере жизни природы и человека (В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский и др.); включившие один из главных и притягательных векторов и стратегий развития – планетарно-космическое преобразование человека (В.Н. Муравьев и др.), природы и общества (Н.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский и др.); ноосферную модель будущего (В.И. Вернадский, Н.Н. Моисеев, А.И. Субетто и др.); обосновавшие целостное мировоззрение и ведущую роль в нем принципа антропокосмизма (Н.А. Бердяев, Н.Г. Холодный и др.), расширительное понимание среды (А.Л. Чижевский и др.), распространение экологических требований и представлений за пределы планеты Земля в Космос (М.М. Пришвин, А.Л. Чижевский и др.), одни из первых в мире подошли к проблеме глобально-космической ответственности, необходимости воспитания в человеке чувства ответственности за судьбу человечества и планеты.

3.2. Взгляд на проблему с позиции XXI века

Современный анализ философии русского космизма позволил сделать вывод о том, что человек не только биопсихосоциокультурное существо (Л.П. Беляева), но и микрокосмос (Н.А. Бердяев, Н.К. и Е.И. Рерих), космо-планетарное (Н.Ф. Федоров, Н.Г. Холодный, А.Л. Чижевский), ноосферное (В.И. Вернадский), космическое (К.Э. Циолковский), космобиологическое (А.Л. Чижевский) существо. Духовная сущность Человека определялась философами-космистами как основная. Человек – созидатель, а не разрушитель! Образ Человека – главный ориентир в образовании. Человек есть цель, предвосхищаемый результат, к которому должна стремиться современная педагогика.

Человечество сегодня вступило во второе десятилетие XXI века. Исходя из документов ЮНЕСКО, главной целью образования XXI века является полноценное, качественное развитие Человека, одной из основных задач – формирование глобального миропонимания, ценностными основами которого должны стать духовность и гражданственность. Последнее предполагает осознание себя не только гражданином своей страны, но и мира, исповедующего высокие моральные качества и гуманистические идеалы, ценности и нормы. Только поняв свою гражданскую ответственность за судьбу человечества и планеты (другими словами – глобальную ответственность), че-

людей сможет разобраться в причинах существующих проблем и найти их оптимальное решение.

Неслучайно в конце XX-го века в мировом сообществе, особенно в научном, возник системно-целостный взгляд на человека и мир, науку и образование, включающий в себя гуманистическую составляющую и требующий от человека новой системы ориентаций, основанной на подлинных ценностях, а также предполагающий решение глобальных проблем. Это системно-целостное миропонимание получило название глобалистики [21, с. 108].

Необходимо признать, что эпоха глобализма наступила, хотим мы этого или нет. Но глобализм – это не только глобальная политика, глобальные коммуникации и глобальная торговля. Глобализм – это также и глобальная ответственность за все, что происходит в нашем мире. И если, XX век был веком НТР (научно-технической революции), то XXI век должен стать веком глобальной ответственности, важный императив которого – формирование у человека глобальной ответственности как принципиальной нормы нового гуманизма.

Напомним, латинское слово «globus» означает – глыба, гряда, шар, а французское «global» переводится как общий, взятый в целом. Кстати, термин «глобальный» широко используется уже с середины XIX века и понимается как всесторонний, всеобщий, универсальный, планетарный, мировой. Слово «мировой» означает: охватывающий весь земной шар, касающийся всех стран и всех народов, а также имеет синонимы – общемировой, всемирный, общечеловеческий, всечеловеческий, вселенский, всесветный и т.п. [22, с. 158].

Глобальными считаются проблемы, которые возникли в результате объективного развития человека и общества, создают угрозу всему человечеству, природе и планете и которые требуют для своего решения объединенных усилий всего мирового сообщества.

Подчеркнем, из всех проблем (экологических, энергетических, экономических, продовольственных, проблемы войны и мира, борьбы с терроризмом, наркоманией и др.) в качестве ведущей остается проблема самого Человека – и как «существа биологического в общей универсальной эволюции, и как носителя социального, и как творящего особый мир культуры, как главного действующего лица исторического прогресса» [23, с. 9]. «Что может человек? Как интенсифицировать его деятельность по преобразованию мира природы (в новом ее понимании и согласии с ней), по преобразованию общественных отношений, как усилить его гуманистическую направленность, человеческую ответственность?» [там же].

То есть, с одной стороны, именно человек является причиной, источником и корнем всех проблем на планете, с другой – только homo sapiens сможет их разрешить. Именно поэтому глобальные проблемы необходимо рассматривать как основу и причину для пересмотра методологии воспитания будущих поколений, т.к. без соответствующих человеческих качеств, без

глобальной ответственности каждого члена общества невозможно решение ни одной из них.

В контексте вышеизложенного логично рассмотреть классификацию ответственности по признаку масштабности, (а также уровню развития сознания человека). Различают личную, социальную, глобальную и космическую ответственности.

Личная или другими словами персональная ответственность подразумевает, в первую очередь, ответ перед самим собой за свои слова и поступки. Ответственность – это важнейшая форма саморегуляции человека и одно из значимых качеств личности, способной дать отчет своим действиям, а также принять на себя вину за их результат.

Социальная ответственность понимается как мера соответствия действий личностей и социальных групп взаимным требованиям, действующим правовым и общественным нормам, общим интересам. В социальную входит ответственность не только перед обществом, но и за социум.

Понятие глобальной ответственности еще шире. Сюда входит ответственность за природу (экологическая ответственность), сохранение биосферы и ноосферы, т.е. жизни на планете во всех ее проявлениях, за решение всех глобальных проблем, созданных человеческой цивилизацией. Глобальная ответственность является способом поддержания мира (целостности общества и общественного согласия, социальной справедливости и усовершенствования общественных отношений), сохранения Земли как общего Дома для всех жителей планеты, где люди – одна семья, и каждый человек должен активно участвовать в мироустройстве. Глобальная ответственность означает нравственную установку человека, основанную на глубоком понимании смысла последствий своей деятельности на планете.

Но планета Земля – космическое тело, поэтому и в космическую ответственность входит сохранение планеты, как части Космоса. Космическая ответственность – это ответственность и за деятельность человека в околоземном, космическом пространстве (например, за созданный уже космический мусор на орбите). В Космос нужно нести высокую духовность и нравственность, а не «звездные» войны, внедряющиеся в сознание современной молодежи с помощью ТВ и американских фильмов. По Космосу можно «шагать» только с чистыми ногами и только с чистым сердцем. По-другому просто не получится. Нести все земные проблемы на Луну, Марс (именно там будут строиться первые города) не стоит. Их надо решить здесь и сейчас.

Конечно, все начинается с воспитания личной ответственности. Научившись отвечать за свои слова и действия, молодой человек с творческим мышлением постепенно научится осознавать и чувствовать свою неразрывную связь, солидарность со всем человечеством и миром, увязывать настоящее с прошлым и будущим, осуществлять оценочный подход к последствиям человеческой деятельности на планете и в Космосе.

В целом, формирование глобально-космической ответственности – это философско-педагогическая концепция, позволяющая по-новому взглянуть на цели и задачи современной науки и образования. Сюда входит развитие планетарного мышления, целостного восприятия окружающего Мира и Человека как его неотъемлемой части и высшей ценности. Также данная концепция включает идеи: становление чувства личной ответственности за решение глобальных вопросов, касающихся каждого жителя Земли; экологическое воспитание, забота о жизни всех живых существ на Земле; воспитание такого важного нравственного качества как ответственность перед будущими поколениями.

Другими словами, воспитание глобально-космической ответственности – это целенаправленный процесс становления у молодого человека на базе целостной картины Мира ответственности за последствия преобразований, производимых на Земле и в Космосе.

Библиографический список к главе 3

1. Дерябо С.Д., Ясвин В.А. Слагаемые экологического сознания. К истории вопроса // Человек. – 1999. – № 3. – С. 178-185.
2. Лавджой А. Великая цепь бытия: История идеи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.MsuCity.htm.
3. Одоевский В.Ф. Русские ночи. – Л.: Наука, ЛО, 1975. – 420с.
4. Самохвалова В.И. Метафизика глобализации. От утопии к антиутопии: дисс. ... д-ра филос. наук – М.: 2004. – 350 с.
5. Фёдоров Н.Ф. Философия общего дела // В кн.: Русский космизм: Антология философской мысли. – М., 1992. – 380 с.
6. Фёдоров Н.Ф. Соч. – М., 1982. – 501 с.
7. Меденица Владимир Амо, *ergo sum*, или этические проблемы иммертологии // Русская философия сегодня (идеи и направления): материалы этико-философского семинара им. А. Платонова / под ред. В.П. Фетисова. – Воронеж: 2009. – 256 с.
8. Бердяев Н.А. Судьба России. – М., 1990. – 239 с.
9. Циолковский К.Э. Очерки о Вселенной – М.: Наука, 1992. – 540 с.
10. Циолковский К.Э. Будущее Земли и человечества. – Калуга: Изд-во автора, 1928. – 34 с.
11. Циолковская Л.К. Мыслитель, ученый, гражданин // Газета «Знамя». – Калуга, 1986. – 17 сент.
12. Апухтина Н.Г. Отечественные истоки глобально-экологического мышления: историко-философский анализ: автореф. дисс. ... д-ра филосо. наук. – М., 2004. – 35 с.
13. Вернадский В.И. Дневники, письма, фрагменты из научных трудов // Начало и вечность жизни. – М.: Наука, 1978. – 650 с.

14. Рерих Н.К. Знамя Мира. – М.: МЦР, 1995. – 230 с.
15. Мурашов В.И. Космическая педагогика Эпохи Огня. – М.: «Школа», 1997. – 72 с.
16. Грани Агни Йоги. – Новосибирск: ППК «Полиграфист», Алгим, 1994. – Т. 5. – 510 с.
17. Уранов Н.А. Размышления над Беспредельностью. Выпуск 2. – М.: МЦР, «Струна», 2000. – 178 с.
18. Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. – М.: 2001. – 170 с.
19. Моисеев Н.Н. Быть или не быть... человечеству? – М., 1999. – 110 с.
20. Субетто А.И. Противоречия экономического развития России и стратегия выхода из исторического тупика. – СПб., 2000. – 187 с.
21. Словарь-справочник современного общего образования: акмеологические, валеологические и экологические тайны / Сост. З.И. Тюмасева, Е.Н. Богданова, Н.П. Щербак. – СПб.: Питер, 2004. – 464 с.
22. Современный словарь иностранных слов: толкование, словоупотребление, словообразование, этимология / Л.М. Баш, А.В. Боброва и др. – М.: Цитадель-Трейд, 2006. – 960 с.
23. Фельдштейн Д.И. Актуальные направления психолого-педагогических исследований // Диссертационные исследования в системе психолого-педагогических знаний (состояние и проблемы). – М., 2002 – 86 с.

**ГЕНЕЗИС ПРИНЦИПА ПРИОРИТЕТА
СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ В ПРАВЕ
РОССИИ И УКРАИНЫ**

**4.1. Становление взглядов на приоритет
семейного воспитания до начала XX века**

Несмотря на то, что принцип приоритета семейного воспитания детей является новым как для российского, так и для украинского законодательства, он имеет глубокие исторические корни. Правовые основы для его закрепления формировались не одно тысячелетие. На протяжении веков в России и Украине постепенно складывались нравственные устои, развивались этические представления, эстетические пристрастия и многое другое, касающееся духовной жизни людей. С течением времени определялись основы воспитания детей, то есть процесса, обеспечивающего преемственность поколений и закрепления опыта, накопленного предыдущими поколениями.

Сведения о брачно-семейных отношениях славянских племен, населявших территории нынешней России и Украины, до принятия ими христианства, незначительны. Известно из летописей, что отношения по вопросам брака и семьи в те времена регулировались обычаями, связанными с культурами язычества [14, с. 31-35]. Отношения «дети – родители» в дохристианской культуре напоминают отношения «рабы – господин» или «крепостные – феодал». Как замечает А.М. Нечаева: «Власть родителей над детьми, и при этом власть обоих родителей, была признана у нас уже во времена язычества», вплоть до права родителей отдавать своих детей в рабство [28, с. 7]. В древние времена авторитет родителей «был весьма велик и проявлялся и охранялся весьма сильно. У славянских народов далекого прошлого дети освобождались «по смерти одного из родителей из-под власти другого» [28, с. 7]. Становились они свободными от власти другого родителя и тогда, когда тот вступал в повторный брак.

Полное подчинение ребенка воле родителей преследовало и другую цель: сохранение в загробной жизни условий жизни, существовавших на земле [15].

Уже в древнейший период славянской истории зарождаются формы помощи и поддержки, которые в дальнейшем станут основой для христианской модели помощи и поддержки нуждающимся детям. В качестве основных институтов, оказывавших поддержку детям, фактически сохранявших

им жизнь, можно назвать институт детского сиротства (сиротами в те времена называли и детей и стариков, относя их к одной социальной группе). Этот институт вырос из домашнего рабства, когда в голодные годы детей продавали, чтобы сохранить им и себе жизнь [23, с. 13].

В период существования общинного строя особая забота проявлялась о сохранении численности, прочности общины, которая была сильна своим количеством. А искусственное ее увеличение достигалось путем так называемой «адаптации», которая могла быть коллективной и индивидуальной. В первом случае имеется в виду массовая адаптация, например, женщин и детей родом победителей, во втором – индивидуальный акт [4, с. 63]. Когда-то он распространялся на чужих членов общества, если о потомстве не могло быть и речи, или когда тяжкая болезнь главы семьи, еще не имеющего наследников, грозила прекратить его жизнь, – он заботился о передаче всех прав своих над семьей постороннему, избранному им лицу. Имевший место акт служил своеобразной гарантией обеспечения частной воли человека после его смерти, направленной на укрепление рода, общины. Но постепенно стремление сохранить большую семью все больше и больше распространяется на чужих детей, если своих не было, чтобы со временем они заменяли уходящих из жизни [40, с. 161]. Поэтому, можно констатировать тот факт, что усыновление как искусственное «сыновство», как прием «стороннего» в состав семьи знали и времена, когда существовала древняя семья с патриархальным отцом семейства во главе, в которую одинаково входили «и дети, и рабы, и принятые в семью (примаки) из чужой семьи [39, с. 508]. Принятый в семью должен был почитать своих новых родителей, вести хозяйство и т.д.

Другой формой поддержки сироты была общинная, мирская помощь, когда ребенок переходил из дома в дом на кормление. Сироте могли назначать «общественных» родителей, которые брали его на свой прокорм. Но если сирота имел хозяйство, община противодействовала усыновлению. Такие сироты назывались «выхованцами», «годованцами». Обязательными «помочи» были в семье, где взрослые ее члены были больны. Их называли «наряды миром». Соседи приходили, чтобы натопить печь, накормить скот, ухаживать за детьми [8, с. 559]. О порядке усыновления и правах усыновленных для этого древнейшего времени в наших источниках нет указаний.

Термин «опека», заимствованный из литовского права, русское законодательство стало употреблять не сразу. Первоначально она называлось так: «приказать кому-либо несовершеннолетнего», «иметь его у себя на руках, в доме». Тому, кому «отдавали на руки» осиротевшего ребенка, называли печальником, ему поручалось «печаловаться» о детях [29, с. 282].

Об опеке в дохристианские времена известно немного. На Руси первое летописное упоминание об опеке относится к 879 году и выглядело следующим образом: «умершу Рюрикови, предасть княжение свое Олгови, от рода

ему суца, вдав ему сын свой на руце, Игоря, бысть бо детеск вельми» (Лавр. 879 г.). Здесь опека установлена отцом в распоряжении на случай смерти. Опекуном малолетнего назначен родственник. Этот же родственник получил княжение Рюрика, но не в качестве опекуна Игоря, а самостоятельно. Олег сам княжил, а не управлял за малолетнего Игоря. Договор с греками написан от имени Олега, великого князя русского, а не правителя.

Таким образом, после смерти родителей опекунами становятся те ближайшие родственники, которые занимали место умерших. Это были прирожденные и законные опекуны. Иной опеки тогда не было [29, с. 283]. Первоначально опека возникала не столько по соображениям нравственного порядка для того, чтобы позаботиться о сироте, сколько ради соблюдения интересов его родственников – претендентов на имущество в случае смерти малолетнего. За неимением ближайших родственников – мужчин опека поручалась матери. Опекуну предстояло заботиться о воспитании ребенка для охранения его от обид и несправедливости. Поскольку имущество принадлежало всему роду, никаких обязанностей опекун не имел, ему принадлежали только права на это имущество. Родичи ребенка-сироты осуществляли за опекуном строгий надзор, их мнение было очень влиятельным.

С образованием Киевской Руси и с принятием христианства семейные отношения регулируются нормами писаного права: церковными уставами князей Владимира Святославовича, Ярослава Владимировича и других, которые содержали нормы о браке, семье, нравственности. Отношения между родителями и детьми в Древней Руси строились на отцовской власти. Законность происхождения в рассматриваемое время еще не имела решающего значения.

С введением христианства на Руси стало вводиться и культивироваться византийское каноническое (церковное) право. Устанавливаются новые принципы семейного права: отказ от многоженства, единобрачие (моногамия), затруднительность развода, неравенство мужа и жены, бесправие внебрачных детей. На Руси начинает действовать Номоканон – собрание византийского семейного права, состоящее из канонических правил и светских постановлений византийских императоров [2, с. 47]. Но, в полной мере византийское семейное церковное право в России, особенно простым народом, не было воспринято. Впоследствии Номоканон был переведен на русский язык и дополнен постановлениями русских князей и более известен специалистам под названием Кормчая книга.

«Призрение» детей-сирот на Руси развивалось вместе с внедрением христианства и возлагалось на князей и церковь. Но в любом случае оно осуществлялось из религиозных, моральных побуждений, рассматривалось как богоугодная акция. Поговорка того времени гласит: «Не постись, не молись, а призри сироту» [28, с. 10].

Великий князь Владимир I поручил в 996 году общественное призрение, куда входила и помощь сиротам, попечению и надзору духовенства.

Заботился он о прокормлении сирот и сам, раздавая убогим, странникам, сиротам великую милостыню [28, с. 11]. Но первые упоминания о призрении детей-сирот в России относятся к XI веку: в 1072 г. Ярослав Мудрый учредил училище для сирот, в котором проживало и обучалось 300 юношей. Призрение бедных и страждущих, в том числе и детей, рассматривал как одну из главнейших обязанностей и Владимир Мономах. В своей «Духовной Детям» он завещал защищать сироту и призывал: «Всего же паче убогих не забывайте, но елико могуще по силе кормите, снабдите сироту» [3, с. 24].

После принятия христианства духовенство, при решении вопросов об усыновлении, руководствовалось постановлениями византийского права. Повод к нему состоял в желании иметь наследника, который поминал бы души бездетных супругов.

Первые упоминания о законодательном регулировании института опеки на Руси встречаем уже в Русской Правде [40, с. 163]. Они являлись выражением отчасти прежнего, родового порядка, отчасти были заимствованы из византийского права. Институту опеки посвящены статьи 99 и 101 Русской Правды. В статье 99 говорится: «Если после смерти отца в семье остались малые дети и мать выходила вторично замуж, то опекуном назначался один из ближайших родственников или им мог быть отчим». Другими словами, дети после смерти своего отца отдавались тому, кто им ближе. Но перед смертью отец мог назначить опекуном совершенно стороннее лицо. По правилам Русской Правды, опекуну в любом случае передавалось во временное пользование движимое и недвижимое имущество осиротевшего ребенка за вознаграждение из доходов с этого имущества. Причем, передача ценного имущества, служившего источником существования хозяина дома, осуществлялась при свидетелях. Опекун мог пользоваться имуществом в свою пользу, отдавать капитал в рост, торговлю. По достижении зрелого возраста подопечным, опекун обязан был возвратить ему все имущество в целости и уплатить все растраченное. Такая система опеки позволяет сделать вывод, что в Древней Руси в данный период, сложился институт семьи как основа поддержки и защиты кровных родственников.

В обозначенный период времени еще не сформировался институт детства, общественность не воспринимала детей как ценность. Князья, духовенство и лучшие люди земли русской, находясь под свежим и здоровым влиянием только что воспринятого христианского вероучения, охотно получались великим религиозным заповедям, главнейшие из которых повелевали любить Бога и ближнего, как самого себя. Но основная помощь все же детям-сиротам шла не столько от церкви, сколько от простых мирян, прихода. Поэтому принято выделять особый институт церковно-приходской помощи сиротам того времени – скудельницы. «Скудельница – это общая могила, в которой хоронили людей, умерших во время эпидемий, замерзших зимой и т.п. При скудельницах сооружались сторожки, куда привозились

брошенные дети. Занимались их призреванием и воспитанием скудельники – старцы и старухи, которые специально подбирались и выполняли роль сторожа и воспитателя» [41, с. 30]. Содержались сироты в скудельницах за счет подаваний населения окрестных сел и деревень. Люди приносили одежду, обувь, продукты питания, игрушки. В скудельницах покрывались народным милосердием и несчастная смерть, и несчастное рождение. При всей своей примитивности дома для убогих детей являлись выражением народной заботы о сиротах, проявлением человеческого долга перед детьми.

К началу XVI века, наряду с личным участием любого человека в благотворительной деятельности, в деле оказания помощи нуждающимся наметилась новая тенденция, связанная с благотворительной деятельностью государства. В частности на Стоглавом Соборе в 1551 году Иван Грозный высказал идею о том, что в каждом городе необходимо выявлять всех нуждающихся в помощи – убогих и нищих, строить специальные богадельни и больницы, где им был бы обеспечен приют и уход.

С начала XVII века открываются первые социальные учреждения. В указанный период особенно заботился о вдовах и сиротах без различия их подданства и вероисповедания Борис Годунов. Он «не щадил никаких средств и ежедневно раздавал в Москве огромные деньги бедным» [12, с. 271]. Предпринятые Борисом Годуновым меры экономического порядка включали в себя и бесплатную передачу бедным, вдовам, сиротам привезенного из отдаленных районов большого количества хлеба.

В середине XVII века при царе Алексее Михайловиче получила свое дальнейшее развитие идея постепенного сосредоточения призрения в руках власти гражданской. В это время были созданы приказы, специально занимавшиеся призреванием бедных и сирот. А патриарх Никон получил от царя право принимать от них прошения и делать царю по ним представления. По Указу царя Алексея Михайловича в 1650 году была перепечатана Кормчая книга, включавшая в себя все существовавшие до того времени правила православной церкви, относящиеся к сиротам.

В то же время, позднейшие памятники обходили вопрос об опеке полным молчанием, только в Соборном уложении 1649 г. встречается несколько отдельных замечаний, мало разъясняющих вопрос о положении опеки.

В 1682 году (в период царствования Федора Алексеевича) был подготовлен проект Указа, где из общего числа нищих выделялись нищие безродные дети. Здесь же впервые ставился вопрос об открытии для них специальных домов с целью обучения их грамоте и ремеслам, наукам, которые «зело и во всяких случаях нужны и потребны» [10, с. 7].

Что же касается попечения о детях-сиротах с помощью специальных детских учреждений, то это берет свое начало с 1706 года, когда Новгородский митрополит Иов построил по собственной инициативе и за собственные средства в Холмово-Успенском монастыре «сиропитательницу» для

«засорных» младенцев. Тем самым он положил начало истории подобного рода заведений, к помощи которых прибегали и много позже.

Законодательная база призрения сирот была заложена в период реформ Петра I. Именно в это время появились первые воспитательные учреждения для незаконнорожденных, «засорных» детей, которые рассматривались Петром I как «годная для государства рабочая сила». Петр I повелевал призрывать сирот «без призрения после родительства, оставшихся подкидышей или явленных таких, которых воспитывать мужского пола до 7 лет, а потом посылать в школы определенные, а женского пола обучать грамоте, також следующих мастерств...» [10, с. 8].

Именно Петр I придает опеке публичное значение. Постановления об опеке нашли себе место в Указе 1714 года «О единонаследии» и в «Инструкции магистратам» 1724 года. Учредив магистраты, Петр I обязал их, а не церковь, смотреть, «чтобы сироты не оставались без опекунов». В этот период различалось три вида назначения опекунов: по завещанию родителей, по распоряжению правительства и в соответствии с законными правилами. В 1715 году в России официально запрещен инфантицид (убийство ребенка), за который приговаривали к смертной казни.

Система социального призрения приобрела новое качество при Екатерине II, чему способствовала общественно-педагогическая деятельность И.И. Бецкого. Екатерина II, утвердив правила управления в губерниях, в 1775 г. в каждой из них «учредила особое ведомство для исполнения священных обязанностей благотворения несчастным всякого пола, возраста и состояния, имеющим нужду в помощи ближнего» [31, с. 232-239]. Данные учреждения впоследствии были названы приказами общественного призрения и существовали до середины XIX века. Общественное призрение детей дошкольного возраста организовывалось как через благотворительные заведения (воспитательные и сиротские дома), подведомственные Попечительскому совету, так и вне их (через выделение определенных сумм из попечительских капиталов на воспитание детей в учреждениях другого ведомства и т.д.). Цель создания Воспитательных домов сводилась к тому, чтобы истребить злодейства, воспитывать детей с выгодой и пользой, уменьшить нищенство.

С другой стороны, Екатерина II предписывает устраивать осиротевших детей в семье. В Указе «Учреждения для управления губерний» на этот счет говорилось: «если же устройство сиротских домов будет неудобно или потребует издержек, кои отнимут способы к оказанию Призрения большому числу сирот, то Приказ неимущих сирот отдает за умеренную плату надежным добродетельным и добронравным людям для содержания и воспитания с обязательством, чтобы предоставить их во всякое время Приказу». В ст. 301 этого Указа говорилось также, что ребенок передается воспитателям «дабы научился науке или промыслу или ремеслу, и доставлен был ему способ учиться добрым гражданином» [36, с. 240]. Раздача на воспитание в дере-

венские семьи осуществлялась за плату (2 рубля в месяц). Сначала в деревню отправляли ребенка, пока ему не исполнилось 9 месяцев, потом 5-7 лет. После этого по плану И.И. Бецкого детям предстояло вернуться в Воспитательный Дом. Позже, ради создания в его стенах необходимых условий существования воспитанников установили их численность (500 человек). Остальные дети продолжали оставаться в деревенских семьях, откуда мальчики по достижении 17 лет зачислялись в разряд казенных крестьян, им давали участок земли и необходимый инвентарь. А девочек обычно выдавали замуж. В целом можно констатировать тот факт, что данные нововведения являются первым опытом патронатного воспитания детей на Руси.

С изданием Указа «Учреждения для управления губерний» в 1775 году довольно полную регламентацию получает опека, но сословность накладывала свой отпечаток на содержание требований, касающихся воспитания. Для одного сословия они были одни, для другого другие. Так, малолетнего дворянина надлежало воспитывать так, чтобы он мог «вести жизнь порядочную, сходственную с достатком, безхлопотную от заимодавцев и безмятежную от домашнего неустройства, весьма отдаленную от расточения, разоряющего роды». А для мещан и купцов предназначались несколько иные правила: «дабы мог воспитываться в знании приличного его состоянию промысла или ремесла». При всех более или менее значительных различиях в регламентации отношений по опеке всякий раз устанавливались правила, относящиеся к имущим группам населения. Не случайно, поэтому, речь всякий раз идет об опеке над именем (имуществом) и личностью ребенка.

Постановления об опеке, созданные вышеназванным Указом образуют, в основных чертах, действующее законодательство. Позднейшие законы представляют собою или развитие частных или установление особенностей. Так, в 1785 году определен был возраст совершеннолетия, в 1845 году решено было приостановить течение давности до достижения совершеннолетия. В 1818 году установлена была опека для личных дворян, в 1817 и 1841 годах – для священно- и церковнослужителей, в 1820 году – для лиц, осиротевших за границей, 1842 году – для немых и глухонемых. Крестьянская реформа оставила опеку в крестьянском быту под действием обычая и не подчинила ее действию общих правил [49, с. 460].

В период реформ Петра I и эпохи царствования Екатерины II усыновлению как таковому специально внимания не уделялось, специальных законов, посвященных усыновлению, не было.

Большую заботу о сиротах проявляла жена Павла I и первый министр благотворительности – Мария Федоровна. В 1797 году она пишет императору доклад о работе воспитательных домов и приютов, в котором, в частности, предлагает «... отдавать младенцев (сирот) на воспитание в государственные деревни к крестьянам доброго поведения. Но только когда малыши в воспитательных домах окрепнут, а главное – после оспопривития. Мальчи-

ки могут жить в приемных семьях до 18 лет, девочки – до 15». А чтобы воспитатели были «искусны и умелы», Мария Федоровна на собственные средства открывала педагогические классы при воспитательных домах и пепиньерские классы – в женских гимназиях и институтах, которые готовили учительниц и гувернанток. Ею же в 1798 году было основано Попечительство о глухонемых детях. В целом при жизни Марии Федоровны при ее содействии было открыто 500 благотворительных учреждений: бесплатные роддома, детские приюты, ясли и др. После ее смерти эта сеть получила название «Учреждения императрицы Марии Федоровны».

За кончиной Марии Федоровны все учреждения, бывшие в ее ведении, принял под свое покровительство император Николай I. Венцом деятельности императора было учреждение сиротских институтов. Война и холерная эпидемия 1830-1831 года оставили сиротами огромное число детей, нуждающихся в призрении. В 1834 году при Воспитательных домах Санкт-Петербурга и Москвы открылись сиротские отделения на 50 мест в каждом, затем латинские и французские классы. В них дети обоего пола получали столь основательное образование, что после латинских классов могли поступать в медико-хирургическую академию, а из французских классов выходили воспитатели в частные дома. Дети, рожденные вне брака, вместе с сиротами получали прекрасное образование, а это порождало случаи отказа родителей от детей. Обнаружились факты, когда родители из бедных семей тайно приносили своих детей в Дома, в надежде на их счастливую будущность. Чтобы положить конец этому ненормальному явлению Николай I в 1837 году упраздняет французские и латинские классы, а взамен их учреждает институты для воспитания сирот офицеров военной и гражданской службы. Из сиротского мужского института (на 300 детей) при Московском Воспитательном доме в 1847 году образовался Кадетский Корпус с выходом из Ведомства императрицы Марии.

С 1864 года помимо ведомства императрицы Марии Федоровны, в подчинении которого оставались столичные и губернские воспитательные дома, государственное призрение сирот осуществлялось также земством на местах. В одних земствах ребенок призывался в приюте, в других приюты не учреждались и ребенок-сирота немедленно отправлялся «на патронаж» в деревню, в третьих подкидышей призывали при родильном отделении губернской больницы, а затем отдавали на воспитание бесплатно или за вознаграждение. Там где была развита промышленность, приюты создавались при «родовспомогательных заведениях для подкидышей и сирот фабричных рабочих».

Появляется понятие «патронат» для «падших, но которые не утратили силу воли», который включал заботу о здоровье ребенка, начальном образовании и развитие его способности к труду как источнику самообеспечения в будущей жизни. Эти требования были не всегда реальными для выполнения в тех семьях, которые брали детей. Семье, принявшей к себе на патронат

ребенка, выплачивалось разное по размерам пособие: 5 рублей на маленького ребенка, так как он ничем по хозяйству не помогал, и гораздо меньше – на старших, так как они могли помогать по хозяйству, а значит, зарабатывать деньги. Постепенно к 14 годам выплаты прекращались. Тогда детей брали в основном бедные сельские семьи, для которых патронат был обычным «народным промыслом». Чтобы облегчить положение ребенка, переданного на патронат, организовывался надзор за выполнением воспитателем своих обязанностей. Уже тогда один из специалистов по охране детей-сирот исследуемого периода Н.В. Яблоков, обобщая многолетнюю практику государственного призрения, приходит к выводу, что передача в семью ребенка-сироты – лучший способ его устройства [50, с. 29].

В начале XIX века стало развиваться и законодательство об усыновлении. 11 октября 1803 года появился Указ, позволяющий бездетным дворянам усыновлять ближайших законнорожденных родственников «через передачу им при жизни фамилии и герба» [29, с. 258].

Новой страницей в законодательстве, посвященном усыновлению, стал Закон от 12 марта 1891 г. «О детях усыновленных и узаконенных», который разрешал не только узаконять, но и усыновлять незаконнорожденных детей; распространялось такое разрешение на всех детей, независимо от их сословной принадлежности и вероисповедания [6, с. 6]. Но усыновлять было разрешено лишь тем, кто не имел собственных законных или узаконенных детей. Не могли быть усыновителями лица моложе тридцати лет. В этот период усыновление воспринимается не только как средство решения имущественных проблем, но и как акт, имеющий моральное значение.

Также детальное регламентирование норм об усыновлении нашло место в Своде законов гражданских, впитавшем опыт правовой культуры прошлого, где всячески охранялся принцип сословности, вероисповедания. Вместе с тем предпринимались всяческие меры к тому, чтобы не нарушались интересы законных наследников (Свод не допускал усыновления чужих детей, если у усыновляющего были собственные законные или узаконенные дети). Сохранялись и правила по поводу разницы в возрасте усыновителя и усыновляемого, согласия родителей, опекунов ребенка на его усыновление.

Что же касается процедуры усыновления, существовавшей в России в конце XIX века, то она определялась Уставом гражданского судопроизводства. Для дворян эта процедура была особенно сложной и состояла из таких этапов как составление ходатайства об усыновлении у нотариуса, предоставление этого ходатайства на разрешение окружного суда по месту жительства усыновителя и утверждение этого ходатайства судебной палатой. При рассмотрении дела в суде было необходимо участие прокурора, он выносил определение об удовлетворении ходатайства об усыновлении или об отказе в нем.

В результате состоявшегося усыновления возникали отношения, которые были только приближены к отношениям кровнородственным, но пол-

ностью с ними не совпадали. Например, усыновитель мог передать свою фамилию усыновленному только при условии, что он не пользуется большими правами состояния. Усыновленный не приобретал после смерти усыновителя права на его пенсию. Становясь наследником в «благоприобретенном» имуществе усыновителя, усыновленный вместе с тем не приобретал равного права наследования на имение усыновителя, имеющего лишь родных дочерей [7, с. 39; 1, с. 16].

Все это подтверждает тот факт, что для конца XIX и начала XX вв. характерно использование усыновления, прежде всего, для охраны имущественных интересов усыновителя-наследодателя. Одновременно через усыновление осуществлялась защита прав ребенка путем устройства его в семью усыновителя.

Дореволюционное гражданское законодательство не предусматривало возможности отказа от опекунства. Опекун должен был заботиться о физическом, нравственном и умственном воспитании малолетнего и подготовке его к жизни согласно общественному положению его сословия. Движимое и недвижимое имущество подопечных передавалось опекуну по описи, которая производилась в двух экземплярах в присутствии члена опекунского управления и двух свидетелей.

Опекой ведали различные учреждения, но, по сути, она оставалась прежней и до начала XX века подчинялась принципу сословности, сохранившему силу безотносительно к характеру установления опеки – по завещанию или по назначению.

4.2. Изменения ценностных приоритетов воспитания в семье на рубеже XX-XXI веков

Переломным моментом в развитии системы призрения и благотворительности в России стала Октябрьская революция 1917 года.

Основным законодательным актом данного периода был Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (далее – КЗАГС РСФСР 1918 г. [18]) (в Украине Кодекс законов об актах гражданского состояния, о семье и опеке – КЗАГС был утвержден Декретом СНК УССР в июле 1919 г. [37, с. 45], однако, в связи с обстоятельствами военного времени он фактически не был введен в действие [26, с. 9]). Нормы Кодекса регулировали правовое положение лиц уже усыновивших и усыновленных. Они теперь полностью приравнивались к родственникам по происхождению. Однако на будущее время не допускалось усыновлять ни своих незаконнорожденных детей, ни чужих.

Выделялись, по меньшей мере, две причины, побудившие законодателя отменить институт усыновления. Первая из них вполне логична, и сводится к

тому, что первые декреты Советской власти в области семейного права и сам Кодекс уравнивали в правах детей, рожденных вне брака и в зарегистрированном браке. Таким образом, не было смысла в усыновлении своих детей: «основой семьи признается действительное происхождение. Никакого различия между родством внебрачным и брачным не устанавливается» [38, с. 80].

Второй же причиной считалось то, что запрещение на будущее время усыновления чужих детей не позволило бы «нетрудовым элементам использовать их (по мнению И.А. Коэткиной [21, с. 8]) в целях эксплуатации. Однако, как правило, усыновляли чужих детей только состоятельные семьи. Таким образом, говорить об эксплуатации детей, «которые не находились бы под защитой трудового законодательства» [21, с. 9], довольно проблематично.

Кроме того, для отмены усыновления существовала и причина идеологического характера. Предполагалось, что органы социального обеспечения будут иметь широчайшие задачи и функции, что будет устранена частная благотворительность, а заботу о детях целиком возьмет на себя государство.

На заре XX века в широких кругах европейского общества было принято называть грядущее столетие «веком ребенка». Но всякие иллюзии на этот счет очень скоро исчезли. Первая мировая война принесла детскому населению России физические и нравственные страдания, разрушение семей, гибель родителей, голод и нищету в огромных масштабах. Усугубил тяжелое положение ребенка и Октябрь 1917 года. Миллионы обездоленных сирот, согнанные с постоянного места жительства, массы беженцев с малолетними детьми, расстройство правильного обучения детей в школах, их подорванное длительными лишениями здоровье – такова неприглядная картина первых лет существования государства так называемой новой формации. Поэтому, основной (если не единственной) формой устройства стали государственные детские дома. В 1918 году все дети были объявлены государственными и до 1989 года расширялась сеть разнообразных форм детских домов. Все дети признавались детьми государства и находились под его защитой. В те годы шел активный поиск форм устройства осиротевших детей, хотя и эти поиски не выходили за рамки интернатного учреждения: детские коммуны, городки, трудовые колонии, пионердома. Одновременно была введена обязанность каждого гражданина, в случае его выбора общественностью, быть опекуном. Зачастую опека вводилась при живых родителях по классовым соображениям, если родители были противниками идеологии социализма. В обязанности опекуна над несовершеннолетними входила забота о личности подопечного, о его воспитании и подготовке к полезной деятельности. Отказаться от такого назначения можно было только при наличии обстоятельств, указанных в законе. Согласие будущего опекуна на его назначение не требовалось.

Таким образом, после событий Октября 1917 года была предпринята попытка реализовать иное «революционное» отношение к семье, воплотить

в жизнь основную идею коммунизма – общественное воспитание всех детей за счет государства, основополагающим идеологическим тезисом стало положение о ненужности семьи, о ее неизбежной гибели. И подорвать ее устои следовало путем изъятия из семьи детей [27, с.5]. «Отдавая общественным формам воспитания детей безусловное преимущество над всеми другими, нам предстоит в ближайшие годы неустанно расширять его в таких темпах, чтобы через 15-20 лет сделать его общедоступным – от колыбели до аттестата зрелости – всему населению страны, каждый советский гражданин, уже выходя из родительного дома, получит путевку в детские ясли, из них в детский сад с круглосуточным содержанием или детдом, затем в школу-интернат, а из него уже с путевкой в самостоятельную жизнь [42, с. 435]. Таким С.Г. Струмилин (советский экономист и статистик, академик АН СССР, один из авторов планов индустриализации СССР) видел воспитательный процесс, состоящий в «огосударствлении детей». И через 20 лет установки по воспитанию детей остались прежними, провозглашалось, что в будущем общество, а не родители, будут содержать подрастающее поколение, воспитание детей станет общественным делом [25, с. 88].

Семья рассматривалась как полностью буржуазный институт, и, по крайней мере, до 1930-х годов считалось, что семья отомрет как таковая. Гойгберг сказал в 1918 году: «Наш государственный институт опеки ... должно показать родителям, что социальная опека над детьми дает намного лучшие результаты, чем частная индивидуальная, неквалифицированная и иррациональная опека, что предоставляется родителями, которые есть «люблящими», но неосведомленными в вопросах воспитания» [17, с. 10]. В том же году З. Лилина (жена советского политического и государственного деятеля, революционера Г. Е. Зиновьева) утверждала, что «Дети, как мягкий воск, податливы, потому из них должны вырасти настоящие коммунисты. Мы должны спасти (их) от нечестивого влияния семейной жизни ... мы должны национализировать их. С первых дней жизни дети должны очутиться под благотворным влиянием детских садиков и коммунистических школ. Они будут изучать начальные принципы коммунизма, а со временем станут преданными коммунистами. Наша задача – обязать матерей отдавать детей нам, Советскому государству» [17, с. 10].

Такое отношение к родительскому воспитанию определялось преимущественно отсутствием уверенности в том, что родители сумеют самостоятельно воспитать «нового советского человека», частично из-за того, что досоциалистические отношения до сих пор еще существовали. Впоследствии такие взгляды определенным образом модифицировались, хотя даже после того, как права родителей на воспитание были признаны, эти права рассматривались, скорее всего, как делегированные, чем основные, и удовлетворялись они лишь с разрешения государства.

Именно на этой стадии теории Антона Макаренко, самого известного из советских педагогов, были чрезвычайно влиятельными. Макаренко верил в

коллективное воспитание милитарного направления, в коммуны, которые он учредил. Он утверждал, что беспризорные, которые «были полностью лишены понимания любых норм поведения, не умели пользоваться столовыми приборами, даже ложками», со временем смогут стать «новыми гражданами», которые были так нужны большевикам [24, с. 205].

Рост числа бездомных детей, потерявших свою семью, и потребность крестьян иметь в семье еще одного работника, вызывала потребность в иных формах воспитания детей, и, в частности, путем их усыновления. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 1 марта 1926 г. «Об изменении Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве» была изъята глава «Об усыновленных» и внесена «Усыновление» [9]. Таким образом, вновь вводилось легальное усыновление.

В новом же Кодексе законов РСФСР о браке, семье и опеке, принятом 19 ноября 1926 г. (далее – КЗоБСО РСФСР [43]) уже изначально была включена отдельная глава, именуемая «Усыновление». Теперь разрешалось усыновлять только малолетних или несовершеннолетних детей, если это было в их интересах. Закреплялся административный порядок, а не судебный; то есть органы опеки и попечительства своим постановлением производили усыновление, которое подлежало обязательной регистрации в органах ЗАГСа. Отменить же усыновление было возможно двумя способами: в органах опеки и попечительства, если оно было совершено без согласия родителей усыновленного, а возвращение ребенка соответствовало его (ее) интересам (ст. 65); в суде – иск могло подать любое лицо или учреждение (ст. 66).

Поскольку с 1922 года РСФСР функционировала в качестве союзной республики в составе СССР КЗоБСО стал образцом для обновления семейного законодательства других союзных республик, которые (УССР – 1926 г.; БССР, Арм. ССР – 1927 г.; Азерб. ССР – 1928 г. и др.) приняли свои кодексы.

Семейное право в целом в 30-х и 40-х годах характеризуется усилением роли семьи. Теперь она рассматривается именно в качестве «ячейки общества». Принимается большое количество нормативных актов, регулирующих правовое положение в семье, а также детей, оставшихся без попечения родителей. Государство всячески поощряет желание брать в свои семьи чужих детей. Так, например, в 1936 году вновь появился термин «патронат», который напрямую связан с принятием ВЦИК и СНК РСФСР Постановления «О порядке передачи детей на воспитание (патронат) в семьи трудящихся» [32]. На основе Постановления была принята Инструкция Наркомпроса, Наркомздрава, Наркомюста РСФСР «О патронировании, опеке и усыновлении детей, оставшихся без попечения родителей» [16], тем самым окончательно была уничтожена разница между городскими и сельскими семьями, участвовавшими в патронатном воспитании; четко сформулированы основные правовые отличия патроната от опеки (попечительства) и усыновления.

Относительно усыновления в указанном нормативном акте подчеркивается: орган, ведающий усыновлением, обязан удостовериться, что у лица, желающего усыновить ребенка, есть все необходимые условия для его воспитания. В связи с этим усыновлению должно было предшествовать обследование социально – бытовых условий усыновляемого и будущего усыновителя.

В этом же году 8 сентября Президиум Верховного Совета СССР издает Указ «Об усыновлении» [44], согласно которому теперь допускалась возможность присвоения усыновляемому, по просьбе усыновителя, фамилии и отчества по имени последнего, и внесение его в актовые книги о рождении в качестве родителя усыновляемого. Данное положение соответствовало как интересам усыновляемого, так и усыновителя. Последний, как правило, хочет заменить в полном объеме ребенку родителей и не желает, чтобы факт усыновления был разглашен или, наоборот, стал известен самому ребенку. Для ребенка же сознание того, что он считает усыновителей своими родителями, имеет весьма важное психологическое значение.

В 1968 году Верховным Советом СССР принимаются Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье [30], в которых провозглашается тезис: «воспитание детей семьей в органическом сочетании с общественным воспитанием в духе преданности Родине, коммунистического отношения к труду и подготовка детей к активному участию в строительстве коммунистического общества» (ст. 1). Воспитание подрастающего поколения, развитие его духовных и физических сил является важнейшей обязанностью семьи. Государство и общество всемерно помогают семье в воспитании детей. Тем самым, воспитательное влияние семьи должно сочетаться с общественным воспитанием, в котором повышается значение школы. Семья и школа должны прививать детям любовь к труду, знаниям, формировать молодое поколение в духе коммунистической сознательности и нравственности. Впервые за всю историю цивилизации закон вменил в обязанность родителям и другим воспитателям не осуществлять свои права в противоречии с интересами детей (ст. 18 Основ), что было воспринято (ст. 52, 113) и Кодексом о браке и семье РСФСР, принятым 30 июля 1969 г. (далее – КоБС РСФСР[19]), и Кодексом о браке и семье УССР (далее – КоБС УССР), принятом 20 июня 1969 г. [20] (ст. 61, 123).

Оба союзных кодекса не обошли своим вниманием и вопросы устройства в семью детей, оставшихся по тем или иным причинам без попечения родителей. Так, правовым аспектам опеки и попечительства посвящена 13 глава КоБСа РСФСР (раздел IV КоБСа УССР). Согласно указанным нормативным актам опека и попечительство устанавливались для воспитания несовершеннолетних детей, оставшихся без родительского попечения, а также для защиты личных и имущественных прав и интересов этих детей. Органами опеки и попечительства являлись комитеты районных, городских, поселковых или сельских Советов народных депутатов. Опека устанавливалась над

лицами, не достигшими 15 лет. Попечительство – над несовершеннолетними в возрасте от 15 до 18 лет. Опекуну и попечителю над несовершеннолетними обязаны были воспитывать подопечных, заботиться об их физическом развитии и обучении, готовить к общественно полезному труду, растить достойными членами общества, защищать их права и интересы. В КоБС РСФСР, равно как и в КоБС УССР также предусматривалось обязательное согласие опекуна или попечителя на его назначение.

В обозначенный период времени оба союзных акта достаточно подробно урегулировали отношения, связанные с усыновлением. Впервые в тексте кодексов стал фигурировать помимо термина «усыновление» термин «удочерение», чтобы было ясно, что речь идет о детях обоего пола. Специальные правила, посвященные усыновлению без согласия родителей, изменению фамилии, имени, отчества усыновляемого, отмене усыновления только в судебном порядке, и прочие облегчали возможность такого усыновления, которое отвечало интересам ребенка и одновременно не допускало неоправданного нарушения прав его родителей, других лиц. Теперь учитывались интересы не только усыновляемого, но и потенциальных усыновителей, стремящихся к тому, чтобы их семья была полной, а под интересами усыновляемого стали понимать, прежде всего, благоприятные условия его воспитания.

С принятием КоБС РСФСР был ликвидирован патронат. Институт патроната сохранился лишь в кодексах о браке и семье Узбекской ССР и Латвийской ССР.

Законодательное решение об упразднении патроната как семейной формы воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, выглядело несколько неожиданным, учитывая, что еще в 1957 г. вышло Постановление Совмина РСФСР «О мерах улучшения работы вне школы и предупреждения детской беспризорности» [33], которое, в частности, обязывало компетентные органы оказывать помощь приемным семьям, в том числе образованным по договору патроната. Тем не менее, анализ социально-экономических и культурных процессов, происходивших в стране в рассматриваемый период, позволяет выделить несколько причин, послуживших основанием для упразднения патроната. Во-первых, к концу 1960-х годов число детей, оставшихся без попечения родителей, в силу отсутствия значительных политических и социальных катаклизмов и бедствий сократилось и, следовательно, упразднение одной из форм воспитания детей не могло отразиться на состоянии проблемы защиты сирот. Во-вторых, патронат фактически полностью слился по правовым признакам с опекой и попечительством. Договорный порядок создания патронатной семьи, возможность краткосрочного принятия ребенка в семью и некоторые другие признаки утратили значение, поскольку не применялись на практике. Этому способствовала правовая безграмотность населения, недостаточная подготовка инспекторов государственных органов, которые, не вникая в сущность патроната, при заклю-

чении договора патроната копировали условия, идентичные опеке. Единственным отличием патроната выступало незначительное по своим размерам пособие, служившее средством материальной поддержки приемных родителей, даже если ребенок находился в семье близких родственников. В ряде случаев и этот признак отсутствовал. Исходя из этого, в юридической литературе еще в 1959 г. высказывалось мнение, что воспитание детей в семье (кроме усыновления) должно иметь одну правовую форму, что создаст большее удобство, как для населения, так и для органов опеки и попечительства [11, с. 102]. Наиболее подходящей формой в этом случае представлялась опека. В-третьих, возмездность договора патроната означала с точки зрения советской идеологии наличие определенных корыстных мотивов в гуманном деле воспитания сирот, что противоречило нормам морали того времени, рассматривалось как буржуазный пережиток. Патронат, соответственно, мыслился в качестве чрезвычайного института воспитания, необходимого на заре советского строительства и отмирающего в условиях развитого социализма [22, с. 135, 136].

Практика передачи детей, утративших родительское попечение, на воспитание в семью, стала возрождаться в РФ первоначально в виде создания детских домов семейного типа, в том числе на основе крестьянских (фермерских) хозяйств [5]. Но окончательно вопрос об образовании приемных семей и их правовом статусе был решен в РФ только с принятием СК РФ, в ст. 123 которого определено, что приемная семья является одной из форм устройства на воспитание в семью детей, оставшихся без попечения родителей. Что же касается Украины, то Положение «О приемной семье» было утверждено Постановлением Кабинета Министров Украины 26 апреля 2002 г. № 565 [35], а Законом № 3497 – IV от 23 февраля 2006 г. [13] СК Украины был дополнен главой 20-1, посвященной приемной семье.

Объявление 1994 года Организацией Объединенных Наций Международным годом семьи, дало стимул для разработки при поддержке ЮНИСЕФ (Детского фонда ООН) Основных направлений государственной социальной политики по улучшению положения детей в Российской Федерации до 2000 года (национальный план действий в интересах детей)», утвержденных Указом Президента РФ от 14 сентября 1995 г. № 942 [45]. Раздел 3.2 Основных направлений был специально посвящен поддержке семьи как естественной среды жизнеобеспечения детей. Примерно в это же время 18 января 1996 г. № 63/96 Президент Украины издает Указ «О национальной программе «Дети Украины»» [46], где было указано «Семья есть и остается природной обстановкой для физического, социального и духовного развития ребенка, его материального благополучия и несет ответственность за создания надлежащих условий для этого...».

Дальнейшее развитие указанные положения получили в Указе Президента РФ «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-

2017 годы», принятом 1 июня 2012 г. № 761 [47], предусматривающем, что в качестве ключевых принципов Национальной стратегии реализацию основополагающего права каждого ребенка жить и воспитываться в семье, создание условий для обеспечения соблюдения прав и законных интересов ребенка в семье, своевременное выявление их нарушений и организация профилактической помощи семье и ребенку, обеспечение адресной поддержки нуждающихся в ней семей с детьми, оказавшимися в трудной жизненной ситуации, а при необходимости – принятие мер по устройству детей, оставшихся без попечения родителей, на воспитание в семьи граждан. Аналогичные положения предусмотрены и в Указе Президента Украины «О вопросах относительно обеспечения реализации прав детей в Украине» от 16 декабря 2011 г. № 1163/2011 [48].

Изложенное позволяет сделать вывод, что включение в семейное законодательство России и Украины в число принципов семейного права приоритета семейного воспитания детей имеет под собой не только правовое, но психологическое, материальное и социальное обоснование. Уничтожить семью как естественную основу, имеющую глубинные исторические корни человеческого общества, невозможно. Она была и остается средством биологического выживания человека. Не менее важным для семьи, ее здоровья и прочности было признание истины: «воспитание детей в семье – необходимая предпосылка их нормального развития» [29, с. 5]. Приоритетность семейного воспитания, перестройка взглядов на роль семьи и возрождение ее природного назначения сегодня является настоятельным требованием времени, поскольку именно в семье создается неповторимый образ каждого ребенка.

Библиографический список к главе 4

1. Абдулина О.П. Усыновление в Российской Федерации: правовые проблемы. – Ростов н/Д, 2008. – 223 с.
2. Антокольская М.В. Семейное право: учебник / О.А. Хазова. – М., 2002. – 336 с.
3. Банс М.Р., Харви А.Р., Рикардс А. Работа с детьми, оплакивающими потерю близких: Руководство. – М., 2003. – 98 с.
4. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь: в 2-ух т. – СПб., 1902. – Т. 35, Кн. 69. – 478 с.
5. Временное положение о детских домах семейного типа от 23 октября 1989 г. № 800 // Бюллетень Государственного комитета по образованию СССР. – 1990. – № 2.
6. Гессен И.В. Узаконение, усыновление и внебрачные дети. – СПб., 1910. – 200 с.

7. Глухарева В.Г. История развития института установления усыновления (удочерения) в России // История государства и права. – 2001. – № 1. – С. 38-42.

8. Дашкевич П.М. Гражданский обычай приемчества у крестьян Киевской губернии // Юридический вестник. – 1987. – № 6. – С. 559-561.

9. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 1 марта 1926 г. «Об изменении Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве» // СУ РСФСР. – 1926. – № 13. – Ст. 101. – (утратил силу).

10. Довгалева А.И. Семейное воспитание приемных детей. – М., 1948. – 111 с.

11. Ершова Н.М. Опекa и попечительство по советскому праву. – М., 1959. – 108 с.

12. Загоровский А.И. Курс семейного права. – Одесса, 1909. – 574 с.

13. Закон Украины от 23 февраля 2006 г. № 3497-IV «О внесении изменений в Семейный кодекс Украины» // ВВР Украины. – 2006. – № 33. – С. 1198. – Ст. 277.

14. История государства и права СССР: Учеб. для вузов по спец. «Правоведение». / Под ред. О.И. Чистякова, И.Д. Мартысевича. М.: МГУ, 1985. Ч.1. 279 с.

15. История усыновления в России [Электронный ресурс] // Интернет-проект Министерства образования и науки РФ. Департамент воспитания и социализации детей. – Режим доступа: www.usynovite.ru/experience/history/chapter1/.

16. Инструкция Наркомпроса, Наркомздрава, Наркомюста РСФСР от 08.04.1943 № 325 «О патронировании, опеке и усыновлении детей, оставшихся без попечения родителей» // СП РСФСР. – 1943. – № 3. – Ст. 24. – (утратила силу).

17. Картер Р.Н.С. Опіка над дітьми: сім'я і держава / Вивчення...англ. воспитан. – К., 2005. – 88 с.

18. Кодекс законов РСФСР от 22 октября 1918 г. «Об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве» // СУ РСФСР. – 1918. – № 76-77. – Ст. 818 (утратил силу).

19. Кодекс о браке и семье РСФСР от 30 июля 1969 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1969. – № 32. – Ст. 1086. – (утратил силу).

20. Кодекс о браке и семье УССР от 20 июня 1969 г. // Ведомости Верховного Совета УССР. – 1969. – № 26. – Ст. 204. – (утратил силу).

21. Козткина И.А. Усыновление по советскому праву: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1953. – 14 с.

22. Курбацкий И.Н. Становление и развитие института приемной семьи в России: дисс. ... канд. пед. наук. – Калуга, 2002. – 213 с.

23. Лозовская Е.Г. История социальной работы в России / Е.С. Новак, В.Г. Краснова. – Волгоград, 2001. – 344 с.

24. Макаренко А. Воспитание гражданина [Сборник]. – М., 1988. – 302 с.
25. Максимович Л.Б. Материнство и отцовство: эволюция правового регулирования // Семейное право России: проблемы развития [Сб. обзоров и ст.] / Ин-т г-ва и права; редкол. А.М. Нечаева. – М., 1996. – С. 80-96.
26. Матвеев Г.К. История семейно-брачного законодательства Украинской ССР. – К., 1960. – 64 с.
27. Нечаева А.М. Правовая охрана семьи // Закон. – 2004. – № 4. – С. 5-7.
28. Нечаева А.М. Россия и ее дети (Ребенок, закон, государство). – М., 2000. – 239 с.
29. Нечаева А.М. Семейное право. Курс лекций. – М.: Юристъ, 2002. – С. 282.
30. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье от 27 июня 1968 г. // Ведомости ВС СССР. – 1968. – № 27. – Ст. 241. – (утратили силу).
31. Ошанин М.А. О призрении детей. Доклад на Съезде Министерства внутренних дел. Петроград 1914 г. // Развитие личности. – 2003. – № 3. – С. 232-239.
32. Постановление ВЦИК И СНК РСФСР от 1 апреля 1936 г. «О порядке передачи детей на воспитание (патронат) в семьи трудящихся» // СУ РСФСР. – 1936. – № 9. – Ст. 49 (утратило силу).
33. Постановление Совмина РСФСР от 4 октября 1957 г. № 1099 «О мерах улучшения работы вне школы и предупреждения детской беспризорности» // СП РСФСР. – 1958. – № 5. – Ст. 38 (утратило силу).
34. Постановление Правительства РФ от 5 июля 1994 г. № 786 «О мерах государственной поддержки детских домов семейного типа, созданных на основе крестьянских (фермерских) хозяйств» // СЗ РФ. – 1994. – № 11. – Ст. 1302 (утратило силу).
35. Постановление Кабинета Министров Украины от 26 апреля 2002 г. № 565 «Об утверждении положения о приемной семье» // Официальный вестник Украины. – 2002. – № 18. – Ст. 19.
36. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. / Отв. ред. Е.И. Индова; Под общ. ред. О.И. Чистякова. – М., 1987. – Т. 5. – 527 с.
37. Сборник декретов, положений, инструкций и циркуляров Рабочее – Крестьянского правительства УССР в систематизированном виде: Неофициальное издание / Под ред. Одесского Губюста. – 1921. – 122 с.
38. Семидеркин Н.А. Создание первого брачно-семейного кодекса: учебное пособие. – М., 1989. – 96 с.
39. Сергеевич В. Лекции и исследования по истории русского права. – СПб, 1883. – 998 с.
40. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. – СПб., 1910. – 675 с.

41. Социальная педагогика: Курс лекций: учеб. пособие для студентов вузов / Ю.Н. Галагузова, Г.Н. Штинова, Е.Я. Тищенко и др.; под общ. ред. М.А. Галагузовой. – М., 2001. – 416 с.
42. Струмилин С.Г. Наш мир через 20 лет. – М., 1964. – 490 с.
43. СУ РСФСР. – 1926. – № 82. – Ст. 612. – (утратил силу).
44. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 сентября 1943 г. «Об усыновлении» // Ведомости ВС СССР. – 1943. – № 34.
45. Указ Президента РФ от 14 сентября 1995 г. № 942 «Об утверждении Основных направлений государственной социальной политики по улучшению положения детей в Российской Федерации до 2000 года (Национального плана действий в интересах детей)» // СЗ РФ. – 1995. – № 38. – Ст. 3669.
46. Указ Президента Украины от 18 января 1996 г. № 63/96 «О национальной программе «Дети Украины»» // Урядовый курьер. – 1996. – 25 января.
47. Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы» // СЗ ПФ. – 2012. – № 23. – Ст. 2994.
48. Указа Президента Украины «О вопросах относительно обеспечения реализации прав детей в Украине» от 16 декабря 2011 г. №1163/2011 // Официальный вестник Президента Украины. – 2012. – № 1. – Ст. 39.
49. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – М., 1995. – 556 с.
50. Яблоков Н.В. Призрение детей в Воспитательных домах. – СПб., 1901. – 71 с.

**ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ
ПАРАДИГМЫ ВОСПИТАНИЯ
НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

В последнее десятилетия постсоветское пространство переживает глубокий модернизации всех сфер общественной жизни. С одной стороны, завершается становление определенной общественно-экономической формации, качественно иной социальной системы, с другой, и в обществе, и в образовании (воспитании) в частности, произошли серьезные изменения, смысл и значение которых обусловлены поиском нового в воспитании, соответствующего современным тенденциям развития демократического, социально-ориентированного общества. Переход постсоветских обществ к новой фазе своего развития закономерным образом приводит к осознанию того, что социокультурные смыслы, стереотипы деятельности и поведения, воспитательные концепты должны подвергаться если не полному переосмыслению, то обновленной интерпретации в изменившихся социально-экономических и общественно-политических условиях.

Переход России, Казахстана и других постсоветских стран к иному состоянию общества осуществляется через стремительную дезинтеграцию общественных групп и институтов, утрату личностной идентификации с прежними социальными структурами, ценностями и нормами, а кристаллизация новой системы ценностей до сих пор проблематична. Это находит отражение не только в распаде прежней ценностной картины мира, но также в активном поиске, столкновении вновь возникающих различных ценностных систем, характеризующих вероятностный ход общественного развития. Именно это сочетание ценностной дезинтеграции общества и практического апробирования новых противоречивых ценностей характерно для нашего современного общества. Особенно неопределенными, размытыми и неустойчивыми являются ценностные позиции современной молодежи.

Острота проблем воспитания молодого поколения (особенно нового, «поколения независимости») вызвана рядом причин, в том числе таких, как бесконтрольность потоков информации в условиях глобализации общественных процессов, открытой пропагандой распушенности нравов, культа насилия, индивидуализма и прагматизма. Очевидно, что сегодня осуществляется не только социальное, но и духовное расслоение общества: одни живут воспоминаниями о прошлом, другие – находятся в состоянии активного поиска новых нравственных идеалов, третьи – «без руля и без ветрил», ос-

вободившись от всякой идеологии, руководствуются лишь циничной жадной наживы и получения удовольствия.

В поисках путей выхода из этого кризисного состояния в общественном сознании укореняется идея, что основополагающим средством преодоления кризиса является совершенствование духовного мира человека. Духовное спасение и возрождение общества требует большой научно-теоретической работы по созданию обновленных нравственно-эстетических ценностей, пересмотру позиций в области содержания философско-педагогических основ воспитания.

В последние десятилетия в связи с переходом к личностно ориентированной парадигме образования возрос интерес к научным исследованиям в области философии образования и, что еще более важно, к философии воспитания. Актуальность проблем воспитания в данном контексте связана и с тем, что в образовательный процесс порой бездумно и безосновательно внедряются зарубежные модели образования, а значит, и воспитания. При этом вместо межкультурного диалога, направленного на выработку современного мировоззрения и учитывающего культурный менталитет народа, происходит навязывание американской системы ценностей и жизненных установок в евразийскую действительность и ментальность.

Актуальность исследования проблем воспитания обусловлена также потребностями развития собственно философского знания. С методологических позиций проблемы воспитания личности в новых экономических условиях развития современного общества рассматриваются редко, исследования в этой сфере до сих пор носят фрагментарный характер. Так, одни авторы связывают философию воспитания с анализом моральных ценностей, где задача философии воспитания сводится к исследованию проблем обоснования и усвоения моральных ценностей, существующих в обществе. Другие авторы полагают, что философия воспитания должна заниматься изучением различных аспектов не только моральных, но и культурных ценностей. Третьи представляют воспитание как процесс саморазвития личности в единстве с ее социализацией.

Философский аспект социализации заключается в решении антропологической тенденции философии, а именно проблемы отношения «человек-мир», представляющие процесс становления личности в социуме как усвоение индивидом определенной системы ценностей, норм, установок, образцов поведения, присущих данному обществу, социальной общности, что позволяет ему функционировать как их члену. Подобные трактовки оттеняют воздействие на индивида всех многочисленных и разнообразных социальных процессов, в которые он так или иначе включен, с которыми он в той или иной мере взаимодействует, являясь объектом-субъектом социальных отношений.

В философской трактовке социализации существенно значим акцент на формирование индивидуальной культуры как личностной системы качества

ума, характера, воображения, мотивации, самосознания, способов деятельности и других личностных образований индивида; на понимание того, что в индивидуальной культуре личности заключены все возможности человека как субъекта жизнедеятельности. По сути, социализация, под которой мы понимаем сложный, многоплановый, противоречивый процесс взаимодействия индивида и общества, есть отражение в гуманитарном знании граней целостного единого процесса становления человека, жизнедеятельность которого, начиная с появления на свет, разворачивается как «вхождение» в культуру и социум.

Актуальность проблемы воспитания и динамики процесса социализации молодежи определяется еще тем, что в последнее десятилетие в ее мировоззрении и поведении происходят значительные изменения, связанные с воздействием на их сознание массовой культуры. Современный человек, воспитанный телевидением и другими средствами массовой коммуникации, перегружен готовыми образными структурами, несущими зачастую неадекватную интерпретацию фактов, лишается способности самостоятельно мыслить, критически оценивать, рационально определять выбор своего социально-культурного и духовного развития. Часто знания, получаемые в ходе общего и профессионального образования являются малоприменимыми для решения смысло-жизненных проблем личной судьбы и их ценностной оценки. Между тем тот комплекс знаний, который призван обеспечить ценностно мотивирующее основание культуры личности, недостаточно обеспечен как конкретно-научным, так и философскими знаниями. Методологический контекст философии тесно связан с мировоззренческим, служащим человеку формой ориентации в жизни в соответствии с его ценностным отношением к миру [1, с. 3].

Формирование философского понимания мировоззрения и социокультурное развитие индивида происходит в ходе образовательно-воспитательного процесса. Поэтому в настоящее время все более необходимым становится потребность в изучении роли воспитания в его многомерных связях с совокупным духовным опытом, общественной практикой. Более актуальным становится познание сущности целостного процесса социализации, образования и воспитания, их внутренней структуры, способов и форм функционирования, изучение темпов и направления развития, а так же их результатов и обратного воздействия, на все сферы жизни общества.

Феномен воспитания и социализации должен быть осмыслен, прежде всего, на философском уровне. Именно этот уровень, синтезируя данные разных наук, позволяет осмысливать наши представления о ценностных, системных, процессуальных и результативных аспектах образования. Но философское знание – это преимущественно знание о сущностных, глубинных процессах действительности. Диалектика сущего и должного требует реализации знаний о сущем (о сути образования) в политике развития образования, позволяющей на наиболее работоспособном уровне технологизи-

ровать философско-образовательное знание и придать ему нормативный характер – характер долженствования.

Современному обществу нужны воспитанные, образованные, духовно-нравственные, предприимчивые люди, конкурентоспособные личности, которые смогут самостоятельно принимать ответственные решения в ситуации социального выбора, прогнозируя возможные их последствия, способные к сотрудничеству, отличающиеся мобильностью, динамизмом, конструктивностью, чувством ответственности за судьбу страны. Вместе с тем, необходимо воспитать поколение людей, способных стать достойными гражданами своей страны, любящих свою семью, свое Отечество, свое дело. Мы полагаем, что именно *социально-философский подход*, используемый при анализе проблем воспитания и социализации, позволит рассмотреть эти социальные процессы, как деятельность, как структурно-организационное и структурно-функциональное явление во всей их комплексности. Социальная философия способна предложить ценностное обоснование воспитательных теорий и социализационных практик, корректируя их принципы и содержание, что делает методологию социальной философии важнейшей основой при анализе онтологических, аксиологических и других аспектов воспитания и социализации молодого поколения.

Не нуждается в доказательствах тот тезис, что современное человечество переживает цивилизационный кризис. Уже в конце XIX века начало этого кризиса было отражено в трудах видных мыслителей, в образах «заката Европы» (О. Шпенглер), понятии «социальной аномии» (Э. Дюркгейм).

Вместе с тем не вполне обоснованной видится позиция некоторых исследователей социальных процессов, видящих причины кризиса в «антицивилизационности и антигуманности рыночно-индустриальной цивилизации» [2, с. 3]. Думается, что причины поразившего весь мир, и в том числе постсоветское пространство, кризиса значительно глубже и сложнее, чем можно описать в терминах марксистской идеологии.

Возрастающая сложность социальной ситуации, неоднозначность экономических и политических тенденций начала XXI века, кризис идентичности современного человека требует обращать особое внимание на антропологическую и педагогическую стороны данной проблемы. Одной из важнейших задач социальной философии современности является выработка адекватных подходов к механизму передачи человеку современному накопленного социального и культурного опыта человечества. Задача сохранения, формирования и развития в индивидууме адекватных для современности социальных норм, укоренения и актуализации национально-культурных ценностей и идеалов в отечественной традиции решается в системе воспитательной деятельности.

Термин «воспитание», в его противо- и сопоставлении с «образованием / обучением», не является международным, хотя он имеет синонимы в раз-

личных языках. Однако в контексте социального развития именно он является адекватным и универсальным обозначением целевой программы сохранения и формирования социального индивида на всех уровнях его становления, от рождения и до глубокой старости. Именно понятие воспитания, в отличие от понятия образования, включает в себя все типы взаимодействия человека с социальными институтами, которые и формируют его как личность с собственным этическим кодом, системой ценностей и жизненных установок.

5.1. Воспитание и образование: диалектика систем социального взаимодействия

Вступая на пограничную полосу интересов педагогики, философия вынужденно проверяет свои позиции: является ли воспитание, обучение, образование ее предметами? Не «захвачены» ли они педагогикой как наукой о воспитании, возможно ли рассматривать их с позиций социальной философии? Не только возможно, но и необходимо, поскольку именно процессы формирования будущего индивида определяют и сумму его социальных проявлений, а принятая в обществе система педагогического взаимодействия может служить и регулятором, и показателем, и подразделением социального строя, господствующей идеологии и аксиологической сферы общества. Как верно отмечает Б.Р. Майер, образовательная система, в частности, современной России, глубоко нуждается в философском обосновании собственной деятельности: «без философского понимания глобальных прогностических функций и технологических возможностей образования трудно рассчитывать на полноценное обоснование стратегии и политики в данной сфере, на продуктивный творческий поиск эффективных подходов и методов организации многоплановой образовательной деятельности» [3, с. 4].

Воспитание как процесс передачи социального опыта является сегодня, в кризисный и переломный период человеческой истории, одной из ведущих категорий, помогающих исследовать и направить формирование облика нового человека, новых идентичностей XXI века. В то же время социальная философия в отличие от других направлений философии ориентирована, прежде всего, на социальную практику: она, как наиболее общая теория социального развития, содействует определению сущности основных механизмов, происхождения, функционирования и программ развития общества, путей и способов соположения индивидуальных и социальных целей.

Концепции образования и воспитания в европейской мысли имеют свою сложную историю. Традиционным и изначальным было понятие *воспитания*, то есть формирования гармоничного человека соответственно запросам общества; наиболее яркое отражение это понятие и этот образ нашли в гре-

ческом термине παιδεία, однокоренном с παιδός – мальчик, подросток. Именно ребенок, а не «образ», к которому он должен быть приведен воспитательно-образовательным процессом, находился в центре внимания. И если первоначально пайдейя означала бытовое умение вести себя, и в таком значении существовала и у спартанцев, то великая греческая культура развила это понятие до высокого социального уровня. По словам С. Аверинцева, «Человек, вошедший в пайдейя в новом, втором смысле слова, обучается и воспитывается избираемыми им самим учителями, но также человек обучает и воспитывает себя сам – всю свою жизнь, до самого конца» [4, с. 16]. Так понимаемая пайдейя включает в себя весь наличный пласт духовного развития человечества – и философию, и поэзию, и математику, и искусство скульптуры; красноречиво название античного перечня «Лица, прославившиеся во всех областях пайдейи».

Для современной эпохи, эпохи небывалых кризисов всемирного масштаба, весьма важно отмеченное немецком исследователем античности В. Йегером осмысление греками важности воспитания: «Трезвое осознание духовного и морального крушения блестящей эпохи V века сделало греков способным и ощутить значение воспитания и культуры с такой глубокой ясностью, что последующие поколения никогда не перестанут у них учиться» [5, с. 7].

Один из первых теоретиков пайдейи, который говорил о ведущей необходимости воспитания народа и правителей, Платон, считал, что именно с воспитания начинается единство народа. В определенной мере идея пайдейя, как некоего осмысливаемого культурного, духовного универсума, была созвучна второй навигации Платона: впервые была осмыслена, не в религиозном и даже не в метафизическом, но в социально-культурном смысле, ноосфера как продукт человеческого свершения. Именно здесь зародилось и само понятие культуры как возделанного: «возникло новое единство, составляемое философией, изящной словесностью, искусствами, математикой, астрономией. Все это получило некоторое имя, которое покрывает все это единство, все это – пайдейя» [4, с. 22].

Важно отметить, что это единство человеческой культуры, собранное воедино в интенции воспитательно-образовательного усилия, не было поводом для кардинального отделения человека (как высшего) от природы (как низшей); напротив, понятие пайдейи было использовано как метод в поиске изначальной осмысленности, «культурности», разумности природы: «по мнению Гиппократу, сама природа со свойственной ей телеологичностью уже представляет собой неосознанную, спонтанную предварительную ступень Пайдейи» [5, с. 35]. Неосознанная мудрость природы – это тоже пайдейя, своего рода воспитанность и источник воспитания.

Таким образом, понятия воспитания и культуры как таковой, как рефлексуемого явления, развивались в тесной взаимосвязи, намного ранее,

чем был изобретен и выдвинут идеал накопления «объективных» знаний, получивший название образования. В то время как идеал пайдеи, воспитания, никак не связан с идеей прогресса, как с ней не связано и вообще развитие истории до новоевропейского времени, образование связано с получением и обобщением плодов прогресса, его научной стороны; хотя понятие пайдеи, отличавшей граждан от пошлых и необразованных рабов, несомненно, включало и идею образования как накопления знаний.

Одним из прообразов понятия образования в греческой культуре может служить опыт софистов, которые опирались на достижения разных наук, в том числе натурфилософии, то есть самого эмпирического и «научного» знания того времени, с целью достижения некоего быстрого и тотального образования у своих учеников; их «образовательная» пайдеия подвергалась критике Сократа, который ставил во главу угла человека, то есть смыслы социальные и мировоззренческие. Противопоставление воспитанности и бездумного накопления фактов, как считает Хайдеггер, заложено в знаменитой притче о пещере в изложении Платона, который «сосредоточивается на том, чтобы через наглядность рассказанной истории сделать зримым и познаваемым существо пайдеи. Обороняясь, Платон хочет одновременно показать, что существо пайдеи не в том, чтобы загрузить неподготовленную душу голыми знаниями, словно первый попавшийся пустой сосуд. Подлинное образование, наоборот, захватывает и изменяет саму душу в целом, перемещая сперва человека в место его существа и приручая к нему» [6, с. 350].

Средневековое понимание воспитания как *учености*, плодом которого стали первые европейские университеты, было неизбежно ориентировано на единство духовного воспитания и особой дисциплины мысли, которая, развившись как формальная логика, служила все еще единым целям утверждения Слова как незыблемого основания мирового порядка. Ответом на схоластическое учение стала в какой-то мере попытка возродить образ пайдеи, как нового единства наук, изящной словесности, философии, которая была предпринята в эпоху Возрождения, отразившись в понятии ренессансного идеала человека. Вместе с тем в это время идеалы образования (научения) и воспитания (гармоничной личности) уже различаются.

Идея образования, с его упором на накопление актуальных знаний, стала достаточно поздним изобретением человека; точнее будет сказать, что произошло переформирование областей: если ранее пайдеия – культура, воспитание, ноосфера – включала в себя понятие образования, то в Новое время образование включило в себя понятие воспитания; таким образом, более узкое понятие расширилось, а воспитание было пересмотрено, и из синонима культуры превратилось в обозначение для процесса подготовки ребенка к социальной жизни. Вместе с тем перенос акцента с культурных идеалов на научные теории является, по точному замечанию К.А. Сергеева и Д.Н. Разеева, «фальсификацией понятия истины: от древнегреческого логос – через схоластическое рацио- до новоевропейского метода» [7, с. 80].

Если в европейской, западной традиции образование давно взяло верх, как понятие и ориентир, над воспитанием, то в отечественной, русскоязычной и близким к ней традициям педагогики роль воспитания поддерживалась на всем протяжении советского периода; впоследствии, однако, произошла трансформация ценностных ориентиров, когда сама необходимость воспитательного процесса была подвергнута сомнению.

Факт отрицания необходимости (и даже возможности) воспитания как направленной деятельности обусловлен, конечно, не только переломами в истории бывшего СССР, но в гораздо большей мере наступлением нового состояния мира, которое наиболее часто называют информационным обществом, информационной формацией.

Наиболее успешные и устойчивые воспитательные институты были созданы в традиционных обществах: традиция «формировала благоприятные условия для успешного воспитания, при которых различные социальные институты становятся элементами единой системы приобщения индивида к этим ценностям, когда сам процесс воспитания сориентирован на воспроизводство стереотипов, а индивид, по сути, автоматически включается в систему этого воспроизводства» [8, с. 3]. Последовавшее в последние два-три столетия перемены – рождение техногенной цивилизации, инновационные способы жизнедеятельности, стремительное возрастание темпа жизни и социальных перемен, усиление неопределенности и растущие риски – подвергли традиционные взаимоотношения, в которых строилось воспитание, глобальному кризису.

Все более разрушающим тенденциям подверглись традиционные виды отношений – родителей и детей, семьи и общества, ученика и педагога; вертикальные связи сегодня стремительно уступают место горизонтальным, сетевым. Если в традиционном обществе ценности культуры считались неизблемыми, то глобализация привела к осмыслению границ культуры, что обострило проблему личностной идентификации. Рост информационного пространства и убыстрение информационного потока привели к тому, что, по замечательному выражению С.А. Голованя, «индивид начал накапливать слишком много разнообразного, несвязанного опыта и мир стал утрачивать человекообразность» [8, с. 4]. Нарастающая проблема выбора привела и к кризису воспитательной схемы, в которой не стало места ни безупречному авторитету наставника, ни неоспоримым идеалам.

Вместе с тем, по нашему мнению, воспитательная работа укоренена в традиционных моделях социальной структуры, а попытка построить воспитание на основе непротиворечиво изложенных идеалов современного либерального информационного общества закономерно провальна. На опыте западных стран, слишком широко и недальновидно трактующих идеалы толерантности, мы видим попытки оспорить и прямое разрушение основополагающих для человеческой цивилизации противопоставлений: половых,

культурных, социальных. При этом такие нарушения отражаются даже в языковой картине мира: так, в США законодательно признаны обозначения «родитель № 1» и «родитель № 2» вместо традиционных «мать» и «отец»; в шведском языке есть обозначение для постоянной гражданской жены. Внесение изменений в язык свидетельствует о том, что перемены происходят на глобальном уровне, меняется картина мира. Страны Западной Европы страдают от избытка инокультурных мигрантов, размывающих этническую и культурную определенность этих веками складывавшихся социальных общностей; в частности, не может не выглядеть весьма тревожным знаком запрет рождественских празднований в одном из районов Берлина. В подобной стратегии государственной идеологии основанием для воспитания может становиться только толерантность, которая не способна стать твердой основой, не содержит ценностного идеала и модели поведения.

Таким образом, воспитание не только остается актуальным понятием современной социальной жизни, но и нуждается в кардинальной реорганизации, для выполнения задач сохранения социальной стабильности.

В русской и русскоязычной научной традиции, развитой в советское время на советском пространстве Евразии, воспитание и обучение, как составные части образования, понимаются как тесно взаимосвязанные, но принципиально различные виды деятельности, со своими целями и задачами, с уникальным содержанием и технологиями. При этом если в обучении (и образовании) выделяется управляемое познание явлений мира («знаниевые» ориентиры), то в воспитании – получение ребенком социального опыта и восприятие определенной системы ценностей (социально-аксиологическая направленность).

Концепция воспитания как неотъемлемого и важного компонента образовательного процесса наиболее последовательно выделяется именно в отечественной педагогической мысли. В глобальной педагогической системе СССР делался принципиальный упор на воспитательную деятельность. И тот факт, что после распада советского государства воспитательная функция образовательной деятельности отрицалась, сегодня переосмысливается: значимость воспитательного воздействия как необходимого компонента формирования социальной личности вновь получает признание. С этим связана необходимость осмысления воспитания как явления общественного: как механизма передачи социального опыта в меняющемся мире современности, неразрывно связанного с передаваемыми смыслами. Выделение воспитания как понятия наиболее полно отвечает задачам осмысления передачи социальной памяти, что особенно важно в новых условиях социальности, рождающихся на наших глазах в процессах глобализации, определяющей ведущие тенденции современности.

Многочисленные споры о воспитании, продолжающиеся в современной науке, порождают огромное количество его вариантов, и которых, тем не

менее, могут быть выделены следующие инвариантные характеристики воспитания:

1. социально-историческая обусловленность: «воспитание осуществляется в конкретно-исторических условиях в результате определенным образом сложившихся общественных отношений и образа жизни общества; оно необходимо для обеспечения жизни общества и индивида»;
2. антропологическое и личностное измерение: воспитание взаимосвязано с сущностью человека и понимается в контексте развития личности;
3. многомерность воспитательного процесса: включение воспитания в многоаспектный процесс развертывания реальности на социальном, семейном, индивидуальном уровнях [9, с. 9].

Все перечисленные свойства характеризуют воспитание как социальный институт в отличие от обучения, основанного не на широком контексте социальной жизни, а на научной картине мира.

Воспитание транслирует картину мира, свойственную народу, времени, социальной среде; оно вариативно и обладает множеством нежестких форм, способствующих знакомству индивида с различными уровнями социального бытия. Обучение / образование связано с жестким планированием и уровневым делением деятельности и направлено на формирование общепризнанной картины мира, базирующейся на современных научных взглядах и нацеленной на объективность и универсализм. Таким образом, внутри образования как общего понятия обучение играет роль универсального знания, поэтапно и четко передаваемого, а воспитание – роль знания вариативного, отражающего разницу культур и личных, социальных, культурных установок.

Очевидно, что образование является трудно реформируемым социальным институтом, традиционным, опирающимся на устаревшую систему понятий и терминов; и вместе с тем обучение, как более определенный тип социального взаимодействия, с большей легкостью подвергается изучению и реформированию, чем воспитание.

Мы считаем необходимым философский анализ не только кризисного состояния современной воспитательной деятельности, но и актуальных современных требований к нему и целей, учитывающих особенности современного понимания человека и поликультурного мира. В то время как образование всегда следует за движением науки, воплощая и внедряя ее достижения, воспитание, необходимо следуя определенному социальному заказу, должно опережать развитие и науки и общества, в какой-то мере «вести» социальную реальность вперед, так как именно сегодняшнее воспитание формирует общество будущего. Необходимое требование к реформированию воспитания сегодня – это требование к формированию человека, не только готового войти в существующее общество, но и готового меняться вместе с

ним. Это означает, что современное воспитание должно быть в первую очередь направлено на реализацию таких социальных функций человека, как адаптационная и развивающая.

Воспитание как «механизм обеспечения сохранения исторической памяти популяции» (И. Павлов) обладает, таким образом, ни с чем не сравнимым потенциалом влияния на социальную будущность любого общественного, национального, государственного образования. На воспитание ложится сегодня роль формирователя будущего, потому что после разрушения великих проектов XX века будущее сегодня уже не видится стойким и непоколебимым проектом; оно результат каждодневной деятельности каждого из нас.

Воспитание действительно «в состоянии стать важным механизмом формирования устойчивой национальной консолидации, гражданского патриотизма и единого культурного пространства страны» [10, с. 628], причем не только России, но и более широких надгосударственных образований, которые объединяет с Россией и общая судьба, и многонациональность, и влияние евразийского культурного контекста.

Вместе с тем недостаточное внимание к воспитанию в философском аспекте (выражающееся, в том числе, в излишне частом употреблении уточняющих и конкретизирующих определений, например, «христианское воспитание», «патриотическое воспитание», «половое воспитание» и пр.) выражается в недостаточном осмыслении воспитания как глобальной стратегии формирования личности, недостаточном социально-философском осмыслении понятия.

Хотя в традиционной педагогике воспитание трактуется, наряду с обучением, как часть образования, социально-философский подход не только различает воспитание и образование как принципиально разноразличные процессы, но и противопоставляет их. Они разнонаправлены: в то время как образование создает члена общества, частицу коллектива, воспитание формирует личность: «акцентуация образования – общество, акцентуация воспитания – личность». Более того, как справедливо замечает В.И. Майстренко, «Воспитание, будучи относительно противоположным образованию, направлено на формирование такой личности, которая преодолевает неистинность и девиацию и ориентирована на духовную и душевную истинность» [2, с. 13-14].

Дисгармоничность современного человека, находящегося в состоянии постоянного кризиса и поиске личностной идентичности, никак не связана с недостатками или особенностями образования и не может быть образовательными средствами решена. Конфликт социальных ролей связан с отсутствием объективных, последовательных принципов воспитания, которые могли бы примирить массу разнонаправленных социальных влияний и информационных потоков в непротиворечивую картину мира и стратегию жизненного поведения.

В то время как образование призвано погрузить человека в мир научных со- и противопоставлений, истинного и ложного, воспитание оказывается социально-моделирующим приложением диалектики: оно обеспечивает единство в человеке общечеловеческого и национального, государственного и личного, религиозного и мирского. Прототипом идеала воспитательного воздействия для современного человека можно считать снятие гегелевского образа: принимая и понимая противоречивые основания информационной, поликультурной человеческой общности современности, личность должна на более высоком уровне приходиться к новому утверждению, к непротиворечивым ценностям и идеалам, моделям поведения и взаимодействия. Только в таком случае возможно построение некоего единого социокультурного пространства, в масштабах этнической общности, страны или надгосударственного образования.

Некоторые исследователи видят причиной современного глубокого кризиса личности «догматическое принятие идеалов западной технократической цивилизации» [10, с. 8]. Однако причины значительно сложнее и глубже, они подготовлены всем ходом развития цивилизации, и не только западной. Проект советского государства, стабилизировавший полярность мира в эпоху холодной войны, рухнул, что дало начало новым тенденциям в геополитике: глобализации, пересмотру оснований международного права, локализации культур. В новом мире человек должен определять себя по-новому, и этому должно помогать именно воспитание. Растущие возможности информационного общества, терроризм, разрушительные открытия науки приводят к пониманию того, что идеалом воспитания современности становится стремление к самоконтролю. По точному замечанию К.С. Сергеева и Д.Н. Разеева, «идеал воспитания новейшего времени – это соединение идей метода и гуманности, понятой как самоконтроль; воспитание, в котором мы до сих пор живем и которому учим – это идеал контролируемого воспитания» [7, с. 83].

Рассмотрение понятий воспитания и образования в их становлении, в их культурологической наполненности и в системе аксиологических координат позволяет с уверенностью говорить, что современное общество нуждается в срочном и кардинальном пересмотре концепций образования; именно воспитание, как культурно укорененный процесс постоянного формирования человека как члена социальной общности, должно стать основой для разработки любых стратегий социального развития.

Сложность доказательства этого тезиса на международном уровне состоит в том, что воспитание вовсе не является термином международным, в отличие от образования. Уточнение границ понимания воспитания и образования в различных языковых культурах посвятим следующий параграф работы.

5.2. Воспитание и педагогические традиции: к вопросу международной терминологии

Философия XX века, испытавшая «лингвистический поворот», вместе с лингвистикой утвердили важность языкового, понятийного отражения элементов реальности в картине мира каждого народа. Концепция лингвистической относительности Сепира-Уорфа и провозглашенная Хайдеггером максима «Язык – дом бытия» заставили философию всмотреться в суть терминологии, в разницу обозначений и дискурсивных контекстов.

Первое в европейской культуре понятие, породившее впоследствии термины *воспитания* и *образования* в различных языках, была греческая *παιδεία*, которая усилием философской мысли превратилась из синонима ухода за ребенком в синоним культуры как таковой, как объекта познания, и в отличительный признак свободного человека. Несомненно, в *παιδεία* воспитание и образование были слиты воедино, однако ее синтетический характер гораздо в большей степени соответствует понятию *воспитания*.

Русский термин «воспитание» является традиционным, наделен определенным педагогическим и философским содержанием. Вместе с тем термин сложно назвать международным; в ряде европейских языков, как показывают исследования, для него просто нет синонима.

Для более глубокого понимания принципиальных различий в понимании тех или иных феноменов в различных языковых картинах мира необходимо обращаться в том числе к внутренней форме слова, поскольку в ней не только отражен механизм образования понятия, но и программируется его восприятие. Таким образом, рассмотрим термины, использующиеся для обозначения понятий образования и воспитания, в ряде европейских языков.

В русском языке *образование* имеет два основных значения:

1. Процесс усвоения знаний; обучение, просвещение.
2. Совокупность знаний, полученных в результате обучения [10].

Таким образом, образование есть как процесс, так и результат обучения.

Слово *образование* в русском языке имеет ясную этимологию, восходит к слову *образ*, которое имеет схожие параллели в других славянских языках (укр. *образ*, с.-хорв. *образац* – образец, словен. *obraz* – лицо, польск. *Obraz* – картина). Согласно этимологии, насыщение знаниями понимается в славянской традиции как создание из ребенка *образа*, или его переделку *по образу* определенного идеала. В этой онтологии слова человек (исходный материал) оказывается пассивной материей, которой необходимо придать форму, образ, то есть в которую нужно, по сути, вдохнуть дыхание жизни. В национальном корпусе языка важнейшую роль играет и выражение «по образу и подобию», которое является транслятором идеи богоподобия человека: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему» (Быт. 1: 26). Таким образом, в слове *образование* для русской языковой куль-

туры очевидны утверждения внешней формы, образа, по которой может быть изменен либо сотворен человек, и божественной сути человека. Вероятно, не случайно Лев Толстой так отчаянно прославлял это понятие, отрицая ценность понятия *воспитание*: «Воспитание есть принудительное, насильственное воздействие одного лица на другое с целью образовать такого человека, который нам кажется хорошим; а образование есть свободное отношение людей, имеющее своим основанием потребность одного приобретать сведения, а другого – сообщать уже приобретенное им» [11, с. 123].

Общеславянская праформа слова *образ*, восстанавливаемая как **obrazъ*, восходит к индоевропейскому глагольному корню **urēg-*: **urōg-* – рвать, ломать, нарушать. Таким образом, исходным праславянским значением корня **obrazъ* является следующее: «нечто, получившее новый облик или определенный вид» [12, с. 588], добавим: получившее новый вид путем сломки, нарушения, формирования заново из чего-то. Этимологический словарь славянских языков дает такие значения **obraziti*, как создать, уподобить (создать по образу); ранить, оскорбить (в словенском и старославянском) [13, с. 60]. Выразительное определение слова у В. Даля дает представление о сути процесса: «придавать чему образ, обдѣлывать, выдѣлывать вещь, образ чего из сырья, отесывая или обихаживая припас иным способом» [14, с. 1194]. Таким образом, этимология слова показывает, что для общеславянской ментальности образование, насыщение знаниями, есть синоним ломки, перелома, обработки сырья человеческой природы. Вместе с тем такое понимание перемены социальной функции близко той инициационной схеме, которую В. Пропп воссоздал на материале русской волшебной сказки: для того, чтобы заново родиться (то есть обрести новое социальное качество), необходимо предварительной умереть (для старого социума); в применении к образованию внутренняя форма слова настойчиво говорит о необходимости перехода от старого мира незнания в новому миру учения, и в процессе этого перехода возможны боль, насилие, тяжелые переживания.

Таким образом, внутренняя форма слова *образование* предполагает формирование человека из бесформенной, хаотической, досоциальной «детской» массы, через (болезненное) оформление в некий образ, который для русской языковой культуры традиционно связан с образом Бога (ср. «образа» как иконы).

Такое движение смысла в слове *образование* могло быть и заимствовано как словообразовательная калька по примеру немецкого языка, где *Bildung* восходит к глаголу *bilden* – образовывать [15, с. 254], и родственно слову *Bild* – образ (картина, портрет, рисунок). Такая близость языковых моделей неудивительна, если вспомнить о том, что в XVII-XVIII вв. происходил глобальный процесс заимствования иноязычной абстрактной лексики путем калькирования, и о том, что немецкая философия, в том числе и философия образования, стала образцом для построения собственно русской философской идеалистической традиции.

Слово «воспитание» также имеет в русском языке два главных значения, также означающие процесс и результат воспитания: Процесс систематического, целенаправленного воздействия на духовное и физическое развитие личности в целях обучения, привития навыков поведения в обществе, формирования характера и его отдельных черт. Навыки поведения в общественной, личной жизни, привитые семьей, школой, средой [10, с. 151].

Русское слово *воспитание* восходит к *питать*, давать пищу. Этот глагол мало известен в других славянских языках. Общеславянский глагол **pitati* – тот же, что и в словах *пестовать*, *пестун*, восходит к индоевропейскому корню **pī-* – быть жирным, упитанным, изобиловать [12, с. 36]. Таким образом, в русском языке воспитание и образование представляют собой два термина различных смысловых фреймов: *воспитание* есть насыщение ребенка, утоление его (духовного, интеллектуального) голода, жажды. В отличие от образования, которое во внутренней форме является процессом внешнего преобразования человека, воспитание являет желание дать человеку материал, силы, для развития его собственных потенциалов, то есть внутреннее развитие исходя из закономерностей самого воспитанника. Во внутренней форме *воспитания* нет семы насилия, перерождения, преобразования.

Впервые слово *воспитание*, в значении кормления, упомянуто в Остромировом Евангелии 1056 г.; педагогическое значение слова является семантической калькой греческого *παιδεύω* – воспитывать, учить, обучать, наказывать [16, с. 172], то есть прямым наследником традиции пайдеи. Важно подчеркнуть, что в русской языковой картине мира нашлось место для наследника античного понятия, хотя, конечно, по сравнению с пайдейей объем значения воспитания значительно сужен. Вместе с тем важно отметить, что оба слова объединяет семантика ненасильственного воздействия на воспитуемого: *пайдейя* есть изначально присмотр за ребенком, *воспитание* – его питание; и в том, и в другом случае ребенку предоставляется вольное пространство развития.

Уже в XVIII в. в русском языке окончательно сложилось современное понимание термина, в том числе его духовных смыслов. В современных исследованиях можно встретить такое, например, социально-философское определение воспитания: «Воспитание есть нравственно-душевное формирование личности и с социофилософской стороны выступает как конструирование личностью своего, но общественно-значимого, идеала, этапами которого являются:

1. подражание-копирование;
2. оперирование;
3. продуцирование. Воспитание есть достижение идеала путем продуцирования идеальных форм реальности» [2, 20]. И хотя многое в этом определении представляется спорным («продуцирование идеальных форм реальности»), однако выделение нравственно-душев-

ной доминанты в определении воспитания представляется важным моментом, характеризующим современный поиск нового социального-философского понимания воспитания.

Концепт *воспитания* является почти уникальным корневым образованием такого значения в славянских языках. В сербском языке есть слово *воспитање*, но в большинстве славянских языков понятие воспитание выражается с помощью других корней. Так, в чешском языке *vzdělání* (образование, воспитание), а в словацком *vzdelanie* восходит к праславянскому корню **dělo* (ср. русское *возделывание*, ср. также этимологию слова *культура*) [17, с. 125].

Другой распространенный в славянских языках корень, обозначающий *воспитание*, отражен в чешском *výchova*, украинском *виховання* (указано как на польское заимствование) [18, с. 386], польском *wychowanie*, белорусском *выхаванне*. В нем легко выделить приставку *вы-* и корень, праславянская форма которого в этимологическом словаре славянских языков воспроизводится **xovati* (*se*). Главные значения этого корня, отраженные в современных славянских языках – прятать, скрывать, таить; заботиться, печься; ухаживать; кормить; хоронить (ср. русское диалектное *ховать*). Слово восходит к несохранившемуся **skovati* – смотреть с вниманием, следить, которое родственно древнеиндийскому *kavi* – пастырь, греческому *κοῦω* – замечать, латинскому *cavēre* – блюсти, остерегаться [13, с. 86].

Таким образом, в ряде славянских языков, имеющих необходимость в понятии *воспитания*, отдельном от термина *образование*, оно образовано от глагола, связанного с семами скрытия, убережения. Можно заключить, что в западно-славянском ареале воспитание воспринимается в первую очередь как убережение ребенка (от врагов, опасностей), а в восточно-славянском – как его кормление. Чешский, польский, белорусский родитель *укрывает* ребенка, русский – *кормит*. Несмотря на то, что такая разница в происхождении слов очевидно обусловлена социально-историческими особенностями развития народов, интересно и семантическое различие в современном понимании *воспитания* в разных языковых группах.

В польском языке семантика слова *воспитание* может передаваться словами *edukacja* (от латинского корня *ēducātiō* – воспитание, обучение), *wykształcenie*, образованное от *kształcenie* – обучение; *kształt* также восходит к понятию *образа, формы* (родственно нем. *Gestalt*) [17, с. 127]; однако все эти слова ближе к значению *образование*, то есть главным смыслом слова является передача знаний. Слово *edukacja* – очевидно заимствованное, обрattится к однокоренному слову в других европейских языках.

Английское слово *education* имеет три главных значения:

1. the action or process of teaching someone especially in a school, college, or university (то есть процесс обучения, в основном институционального: среднего или высшего);

2. the knowledge, skill, and understanding that you get from attending a school, college, or university (результат обучения, образованность);
3. a field of study that deals with the methods and problems of teaching (наука об образовании, педагогика) [19].

В английском языке слово *education*, образование, восходит к латинскому *educātiō* (воспитание, обучение), от глагола *educare*, в котором выделяют приставку *ex* (из-) и *ducere* (вести за собой, ср. англ. *duke*). Впервые употребление *education* в педагогическом смысле зафиксировано в 1580-х годах [20]. Такого же происхождения во французском языке слово *éducation*, в итальянском – *educazione*, в португальском – *educação*, в испанском – *educación*, есть однокоренные образования и в некоторых других языках.

Таким образом, в тех языках, где слово для названия образовательного процесса имеет романское происхождение, оно этимологически означает *пред-водительство*, следование за лидером. Вместе с тем уже в латинском языке широко распространено использование этого слова по отношению к животным (разведение), растениям (выращивание).

Как показывают сравнительные исследования понятий *образование* и *education*, в английской языковой картине мира не существует понятия, передававшего бы совокупность смыслов, заложенных в *воспитании* [21, с. 11]. Более того, несмотря на включение воспитательного процесса в образовательный в англоязычной культуре, в самом слове *education*, в его определении, не заложено сколько-нибудь расширительных толкований, которые дали бы возможность трактовать образовательную деятельность как общекультурное воспитание; более того, подчеркивается институциональность *education*, в рамках школьно-университетской системы.

Таким образом, сравнение нескольких срезов языковых картин дает интересный результат национального освоения понятий *образования* и *воспитания*. Английский язык, играющий роль *lingua franca* современной западной цивилизации, не выделяет понятия *воспитания* как социального становления, процесса передачи духовных ценностей; для этого понятия просто нет лексемы. В связи с этим можно говорить об уникальности русского термина *воспитание*, тем более что однокоренного слова нет даже в языках славянской группы, в большинстве которых используется слово, однокоренное с украинским *виховання*. Выделение воспитания как концепта в славянских языках свидетельствует о существующей потребности в обозначении, выделении и осмыслении *воспитания* как концепта, наследующего греческой пайдеи и сохраняющего смыслы общекультурности, социальности, духовного содержания. В этом смысле славянское мировоззрение выступает наследником греческого, что не случайно, учитывая глубокую связь культур, объединенных «восточным» вариантом христианства. Исследование концептов воспитания и образования в других евразийских языках, несомненно, обогатит картину евразийского языкового осмысления воспитания, од-

нако уже на этом материале можно утверждать, что славянские культуры имеют уникальный концепт, который принципиально отличает их подход к передаче культурного опыта от западного понимания, отраженного в английском языке.

Понятие *образование*, в отличие от воспитания, наличествует во всех европейских языках. Вместе с тем внутренняя форма концептов *образование* и *education* принципиально различна: в славянском менталитете это процесс придания образа, создания формы; в англоязычном, романском, – следование за лидером. Изыскания во внутренней форме слов весьма красноречиво раскрывают культурные различия, помогая сопоставить разницу в понимании самого процесса образования, образе ученика и учителя. Если в русском термине ученик воспринимается как (бесформенный) материал для обработки, то в английском – как (готовый) член общества, который нуждается только в лидере; учитель в первом случае выполняет роль скульптора, художника, во втором – вождя; при этом в слове *образование* нет указания насубъекта действия, то есть воздействовать может и группа; в *education* указание на предводителя является семантическим центром слова. Не случайно современное исследование по близкой тематике показывает, что «в языковом сознании русских испытуемых представление о воспитании связано с малой группой (семья, друзья), в языковом сознании английских испытуемых – с индивидом-лидером (учитель, мать)» [22, с. 8].

Существуют в евразийском пространстве и другие типы языкового описания образования. Так, исландское *menntun* восходит к *man/men*, человек, и означает по внутренней форме слова «становиться человеком». Можно выделить и несколько устаревающую смысловую схему *света*, отраженную в словах *Просвещение*, *Enlightment*.

Вместе с тем экскурс в философию языка и культуры способствует пониманию того, что *воспитание* является уникальным русскоязычным концептом, который выражает социальные и культурные смыслы, утраченные или забытые в языковой картине мира западной цивилизации. Вместе с тем это существенно затрудняет межкультурное общение по вопросам воспитания, потому что очевидна терминологическая лакуна.

5.3. Основные социально-философские парадигмы воспитания

Осмысление опыта педагогики как теории образования обычно строится в виде исторического обзора, с подробным описанием концепций и деятельности лидеров мировой педагогической мысли. Однако недостаточность философского освещения педагогики заставляет обращаться к ней с других позиций, выделяя более крупные теоретические образования, чем отдельные учения и школы: парадигмы воспитания. Выделение таких пара-

дигм является результатом социально-философского обобщения исторических подходов к воспитанию.

Парадигмальный подход в науке отражает эволюцию научных представлений; подобным образом, развитие теоретических моделей воспитания может быть решено с помощью парадигмального подхода. Так, В.А. Луков выдвигает четыре основные парадигмы воспитания:

- парадигма авторитарного воспитания;
- парадигма природосообразного воспитания;
- парадигма воспитания в коллективе сверстников;
- парадигма индивидуального выживания в обществе риска [23, с. 141].

В основание данной классификации положен принцип источника воспитания (авторитет, природа, общество и пр.). Несмотря на важность этого принципа, мы считаем возможным и необходимым более дробное деление парадигм воспитания, учитывающее не только метод, но и аксиологию воспитательной деятельности, поскольку метод и содержание воспитательной работы, по сути, неразделимы: так, воспитание в коллективе предполагает ценности коллектива и является авторитарным, массы, индивидуалистическое – ценности отдельной частной личности т.д.

Выделенные нами парадигмы не носят характер классификации, поскольку выделенные аксиологические основания не всегда приходили и приходят на смену друг другу: они могут применяться одновременно, соседствовать или конкурировать в рамках не только одного социума, но и одной концепции. Сосуществование разнонаправленных парадигм особенно актуально для современного состояния воспитания, когда одни средства воспитания принадлежат, по своей сути, идеалистической парадигме (сказки), другие – социетарной (детский коллектив), третьи – прагматической (транслируемые ценности потребительского общества). Различение этих парадигм необходимо для четкого понимания ценностных оснований данных направлений. Освещение истории, деятелей, а преимущественно аксиологической основы и социально-философских последствий каждой из парадигм составит содержание следующего параграфа. Выход к проблематике евразийского воспитания в конце параграфа и главы закономерен: обзор воспитательных парадигм приводит к вопросу о парадигме, которая могла бы в данный момент быть принята как наиболее перспективная на таком сложном культурном и социальном пространстве, как евразийское постсоветское пространство.

5.3.1. Философское понимание идеализма в воспитании

Идеализм в воспитании – это содержательная характеристика, в первую очередь, традиционного воспитания как такового, тысячелетних традиций, транслировавших, наряду с незывлемыми правилами социального поведе-

ния, идеалы, ценности, догмы, носящие универсальный характер и восходящие к мифологическим образам и смыслам.

Идеалистический подход в воспитании впервые был последовательно изложен в сочинениях Платона, обозначившего воспитание как «припоминание» вечных идей и ценностей. В рамках такой парадигмы самореализация ребенка воспринимается и постулируется прежде всего как обретение духовной, ценностной идентичности. В наиболее архаичных обществах эта ценностная идентичность воплощалась в образах мифологических героев, а в некоторых случаях божеств; модель воспитания была основана на инициации, достижении нового социального статуса, рождения в новом качестве по образу героя.

Именно архаической идеалистической модели воспитания, неотъемлемой частью которой была инициация со всем сложным набором действий и коннотаций, человечество обязано большинством традиционных сюжетных схем, которые легли в основу фольклора и литературы. Имплицированная инициационная модель «стань лучше себя, победи дракона, обрети новую мифологическую / героическую идентичность» присутствует в воспитании каждого ребенка, которому читают в детстве сказки.

Поскольку идеалистическая парадигма воспитания наиболее древняя, в ней отражены важнейшие мифы, составляющие основы мировоззрения человека. В становлении ребенка просматривается и преодоление хаоса космосом (космогония), то есть восхождение от природного необузданного начала к цивилизованному и упорядоченному, имеющему духовные основания; и рождение и утверждение важнейших запретов, лежащих в основе социальности (разделение полов, запрет на инцест и людоедство и т.д.).

Вертикальная модель мира, заложенная в мифологии (общемировой миф о мировом древе; о Боге-вседержителе), отражается естественным образом и в идеалистической парадигме воспитания, в которой как правило есть наставник и неоспоримые духовные ориентиры, которые заведомо больше и выше человеческой сущности, к которым возможно только стремиться. Таким духовными ориентирами были в разные времена образы богов, Духа, идеалы добра и справедливости, патриотизма; идеальными моделями поведения служили образы героев, богов и полубогов, святых, передовиков производства и т.д. При этом важно подчеркивать имманентность идеалов и образов, которые были глубоко укоренены в культуре, впитывались на довербальном уровне, таким образом, что для их постижения действительно нужно было не только следование традициям или усилие воли, но и «припоминание» коллективной памяти рода, нации, государства.

Теоретическое обоснование идеалистической парадигмы воспитания произошло в новое время в трудах И.Г. Песталоцци, И. Гербарта, Ф. Фребеля, В. Дильтея. Характерны слова И.Г. Песталоцци, показывающие основные характеристики идеалистической парадигмы: «Желание противодейст-

водить нравственному упадку моего отечества было присуще каждому истинно благородному гражданину и исходило из сердца, полного любви к родине» [24]. В замечании И. Гербарта очевидно, что свойственный традиционному мышлению образ идеального правителя влияет и на схему педагогической деятельности: педагог, направляющий мысли ученика в разумное русло, нужен так же, как кораблю рулевой, «который показал бы ему цель и направил бы его в плавание в зависимости от обстоятельств» [25, с. 187].

Таким образом, содержанием воспитания в идеалистической парадигме становится духовность человечества, понимаемая на ранних стадиях истории в мифологическом ключе, а сегодня – в культурологическом и идеологическом. Современное понимание парадигмы идеалистического воспитания невозможно без признания воспитательной силы идеологии, без высоких духовных, религиозных или светских, ориентиров, без признания бесценной важности достижений человеческой культуры.

Результатом идеалистического воспитания является человек, ориентированный на поиск, подражание, борьбу за Великого Другого: Бога, героя, Родину, лидера, гуманистические идеалы и т.д. Этот человек непоколебимо уверен в жизненных приоритетах, имеет непоколебимую шкалу ценностей; он, насколько возможно, бескомпромиссен в их защите. Он может быть и поэтом, и жрецом, и ученым, и исполнителем.

Вместе с тем этот человек, воспитанный в ориентации на традиционные ценности и идеалы, может оказываться бессилён перед проблемой разрыва действительности и идеала, а также собственного несоответствия идеалу. Идеалистическое направление в педагогике, также как и идеализм в философии, связан с противопоставлением, дихотомией мира. Эту проблему точно описывал Н.Г. Чернышевский: «на человека надобно смотреть как на одно существо, имеющее только одну натуру, чтобы не разрезать человеческую жизнь на разные половины, принадлежащие разным натурам» [26, с. 10]. Сильный духом, человек, воспитанный в идеалистической парадигме, может не только оказаться бессильным перед бытийным конфликтом идеала и косной материи, как классический герой трагедии, но и слабым в решении реальных жизненных проблем, в выстраивании индивидуальных жизненных стратегий, в само-стоянии.

Так, несколько поколений советских людей, воспитывавшихся в рамках идеалистической парадигмы социалистического образования, с верой не только в идеалы коммунизма, но и в социальную защищенность, оказались перед лицом серьезного конфликта с собой после развала СССР, не умея выстраивать личные стратегии образования, карьерного роста, финансового самообеспечения и т.д.

И вместе с тем в России, как и на всем постсоветском пространстве, являющимся в данный момент альтернативной культурной областью по отношению к западноевропейскому либерализму, идеалистическая парадигма об-

разования не потеряла своих позиций. Актуализация национального вопроса привела к поиску оснований для воспитания в рамках этнических традиций, которые основаны, так или иначе, на идеальных образах и понятиях. Также и в российской философии образования / воспитания парадигма идеализма остается одной из наиболее фундированных и влиятельных. Современный исследователь пишет о воспитательной деятельности традиционными образами идеалистической парадигмы: «Подобно гончару, вылепляющему предмет быта из материи-глины, придавая материи измененную («новую») форму, личность-субъект лепит из «старых» духовных форм «новые». Происходит инноватизация форм-идеалов, эйдосов-символов (Платон – Лосев)» [2, с. 12].

5.3.2. Философское понимание реализма в воспитании

Рождение технократической культуры и переосмысление социальных законов, стремительно изменение облика мира и человека в Новое время привело к переосмыслению верховенства идеи Великого Другого, к проекту отказа от внешнего идеала. Подобно тому как в истории философии тысячелетнее доминирование идеалистической парадигмы было оспорено с помощью концепции реализма, педагогическая мысль также взяла на вооружение постулаты реалистического подхода.

Если в рамках идеалистической парадигмы, «припоминая», ребенок считался способным понять, на том или ином уровне, весь объем ценности идеала, то реализм в воспитании, опираясь на соображения возрастной психологии, взял на вооружение аналитический подход. По определению Н.В. Бордовской, «реализм в воспитании человека исходит из положений о передаче воспитуемому бесспорных знаний и опыта в препарированном виде, истины и ценностей культуры через разделение целостной реальности на предметное отображение с учетом возрастных особенностей их присвоения» [27, с. 54]. Воспитанник, таким образом, получает знания в виде адаптированных к возрасту фрагментов.

Знания эти в рамках реалистической парадигмы закономерно ориентированы не на абстрактные идеалы, а на реальные задачи, стоящие перед ребенком. Ребенок должен быть подготовлен к реальной жизни, что означает, что никаким абстракциям не место в программе обучения; ее приоритетами становятся польза и практичность.

Содержанием воспитания, таким образом, становится набор бесспорных знаний и элементов опыта человека, которые ориентированы на практическую деятельность. Этот набор определяется методистами и педагогами, исходящими из собственных представлений о бесспорности знаний и из идеологических задач.

Целью реалистического воспитания является, таким образом, человек, подготовленный к реальной жизни на основании элементов общечеловече-

ского опыта; человек, способный решать практические задачи, с развитым мышлением, способный к аналитической оценке ситуации. Реалистическая парадигма воспитания, в своей предельной форме, тяготеет к сращению с системой образования как передачи ученику готовых и отобранных знаний.

Вместе с тем очевидны и спорные стороны реалистической парадигмы: это отсутствие или выхолощенность безусловных нравственных ориентиров, а также недостаточное развитие эмоционально-образной сферы. Вариантами развития реалистической парадигмы – в сторону соответственно личностной успешности и социальной встроенности – стали парадигмы прагматического и технократического воспитания.

5.3.3. Философское понимание прагматизма в воспитании

Прагматическое воспитание, как и реалистическое, стало попыткой противопоставить новые принципы воспитания традиционной идеалистической системе. В отличие от реалистического подхода, прагматизм прямо ориентирован на жизнь ребенка в настоящем времени; в таком подходе воспитание не является отложенной стратегией будущей жизни, а выстраивает стратегию жизни в настоящем. Воспитательный процесс не столько готовит к правильным выборам во взрослой жизни, сколько нацелен на решение реальных жизненных проблем в существующей социальной среде.

В центре прагматической парадигмы находится успешность, понимаемая как максимальное насущное социальное благополучие. Закономерным признаком человека, стремящегося к успешности, является активная позиция, стремление к преобразованию мира, активному поиску путей улучшения ситуации. Также одним из ведущих концептов является полезность любого объекта, стратегии, идеи, их инструментальность.

Содержанием прагматического воспитания оказывается механизм разрешения жизненных проблем, принципы и методы преобразования окружающей действительности. Поэтому схемы прагматического воспитания изменчивы, они исходят из социального окружения и логики развития ребенка.

Одним из опор прагматической парадигмы воспитания является Д. Дьюи, который называл свой метод инструментализмом, однако выдвинутые им идеи вписываются в прагматическую парадигму: воспитание и обучение должны быть слитны в стремлении преодолеть каждодневные задачи; необходимо развивать активность учеников, стимулировать их самостоятельность, стремиться к утверждению личности.

Целью прагматического воспитания является, несомненно, человек успешный, человек, сделавший-себя-сам. Девизом прагматического подхода мог бы быть афоризм Д. Дьюи: «Узнать, на что ты способен, и обеспечить себе возможность реализовать свои способности – в этом ключ к счастью» [28, с. 98].

При всей привлекательности данного образа необходимо отметить, что он глубоко фундирован либерально-демократической идеологией и имеет ряд существенных особенностей, не позволяющих оценить его как результат многовековой истории теоретических поисков в области воспитательного процесса.

Успешность (в жизни, в делах) как критерий богоизбранности стала открытием социальной доктрины протестантизма, в его кальвинистском варианте. Мыслители-протестанты нашли возможность обойти евангельскую максиму о богаче и ушке иглы, постулируя возможность посюсторонней оценки человеческих дел Божественным благословением в делах. Этот поворот мысли в свое время определил всю логику развития американской, да и западной цивилизации в целом. Гораздо менее комплементарная максима «Если ты такой умный, то почему ты такой бедный» точно описывает проблемные места прагматического воспитания, а также невозможность диалога в рамках этой парадигмы. В генетическом плане прагматизм имеет много общего с законами биологического выживания.

Прагматическая парадигма, в силу своей сугубо практической направленности, полностью лишена образа какого-либо идеала; даже в реалистической парадигме в виде интеллектуального центра находится понятие истины (реальности), в то время как в прагматике все показывается подвижным и относительным. Релятивизм оказывается наилучшим основанием для жизненного прагматизма: так, для священника Бог в рамках данной парадигмы оказывается не только идеальным, но и прагматично выгодным ориентиром, точно так же как стройность для фотомодели или умение готовить для повара. Ориентиры относительны и сопоставимы; в рамках прагматизма личные умения значительно важнее любых высоких понятий, культурных достижений или нравственных установок, а любые идолы и культурные памятники удобно предстают в редуцированной форме. В предельном измерении прагматическое воспитание способно формировать успешных, но ни во что не верящих людей, сугубых индивидуалистов, предлагающих крайне редуцированный и упрощенный вариант человеческой культуры.

Вместе с тем прагматизм, не порождающий никаких типов нравственной дихотомии и нацеленный на личное саморазвитие, оказывается одной из наиболее популярных парадигм воспитания во всем мире сегодня. Его можно оценить по-разному, однако именно прагматизм формирует большинство влиятельных традиций западного общественного уклада (ориентация на успешность, толерантность, экономность и пр.).

Существует, однако, серьезная проблема и в рамках данной парадигмы, связанная с переоценкой жизненной успешности как критерия человека. Постулируемая возможность добиться успеха любого уровня, расчет на свои силы оборачивается сложной мировоззренческой закономерностью: если индивид не достигает успеха, в той или иной области, он оказывается

перед необходимостью признать собственную неполноценность, несоответствие идеалам общества успешных людей. Оказываясь в ситуации проигрыша в «биологической войне» социальных видов, в ситуации «богооставленности» социальным благом, человек не находит утешения в рамках прагматизма, и вынужден либо разрешать это противоречие силой (откуда растущая социальная агрессия в самых благополучных странах), либо искать помощи в традиционном идеалистическом мировоззрении.

5.3.4. Философское понимание антропоцентризма и гуманизма в воспитании

В поисках нового идеала, на смену устаревающей в рамках западного мышления образу Великого Другого, теоретики и практики воспитания вышли на идею человека, на воспитание идеального, всесторонне развитого представителя человечества, который в своем поведении следует не извне принесенным идеалам, но внутреннему ощущению человечности, во всем богатстве биологических, социальных и культурных коннотаций. Такая идея была развита в рамках парадигмы воспитания, которая пропагандирует свободное развитие ребенка согласно его личным потребностям, что получило наименования воспитания антропоцентрического, гуманистического или свободного. Каждое из этих направлений имеет свои особенности, однако мы считаем возможным объединить их в одну парадигму по признаку единых содержания и целей воспитания.

Начиная с Ж.-Ж. Руссо, представители антропологического и гуманистического подхода теоретически осмысливали идеал всестороннего развития человека, приближенный к античному идеалу пайдеи. Различные аспекты человекоцентристской парадигмы разрабатывали в своих трудах и педагогической практике Э. Кей, Г. Шаррельман, Ф. Гансберг, Л. Гурлитт, К.Н. Вентцель, Л.Н. Толстой, М. Монтессори, С. Френе, Я. Корчак, В.А. Сухомлинский и многие другие. Выразительное основание философии антропоцентризма в воспитании видим у К.Д. Ушинского: «Воспитатель должен стремиться узнать человека, каков он есть в действительности, со всеми его слабостями и во всем его величии, со всеми его будничными, мелкими нуждами и со всеми его великими духовными требованиями. Воспитатель должен знать человека в семействе, в обществе, среди народа, среди человечества и наедине со своей совестью; во всех возрастах, во всех классах, во всех положениях, в радости и в горе, в величии и унижении, в избытке и болезни, среди неограниченных надежд и на одре смерти, когда слово человеческого утешения уже бессильно. Он должен знать побудительные причины самых грязных и самых высоких деяний, историю зарождения преступных и великих мыслей, историю развития всякой страсти и всякого характера. Тогда

только будет он в состоянии почерпнуть в самой природе человека средства воспитательного влияния – а средства эти громадны» [29, с. 143].

Антропоцентризм в воспитании опирается на понимание сущности человека как открытой и обновляющейся системы, а воспитания – как создания динамической благоприятной для индивида среды. При этом человек, стоящий в фокусе воспитательного процесса, сам задает векторы развития, и ни нормы, ни идеал не могут служить границами процесса; модель нацелена на многостороннее и индивидуальное развитие личности [30, с. 211]. Главная задача – становление уникальной личности воспитанника.

Таким образом, подобно прагматизму, антропо-гуманистическая парадигма ориентирована на развитие личности как таковой, вне соотнесения с какими-либо предзаданными схемами. Вместе с тем, в отличие от прагматизма, гуманизм не связан жесткой ориентацией на успешность; содержанием гуманистического воспитания становится многообразие проявлений человеческой личности.

Гуманистически ориентированное воспитание, наследуя античной и ренессансной традиции выдвижения образа идеального, гармоничного, всесторонне развитого человека, является сегодня одним из лидирующих подходов. Его успешность связана в частности с тем фактом, что такой тип воспитания не устанавливает жестких личных идентичностей, а предлагает выбор в формировании таковых, в том числе и в течение жизни. Таким образом, человек, воспитанный в гуманистической парадигме, способен самостоятельно определять свои потребности и соотносить с ними возможности, находить роль в социальных группах, соответствующую не каким-то внешним ожиданиям, а внутреннему самоощущению.

Вместе с тем ориентация на собственные потребности, без стремления к идеальным образцам и нравственным ориентирам, может повлечь за собой отсутствие незыблемых культурных и духовных ориентиров. В наиболее мрачной перспективе гуманистическое воспитание, не сдерживаемое никаким принуждением, может оказаться основанием для развития типичной личности потребительского общества, ориентированной только на собственные желания и запросы. В наиболее резких оценках негативные последствия свободного воспитания могут быть расценены в свете «гламурных приоритетов потребительской «цивилизации досуга», «деградации, базилирующей на окультуренных безусловных рефлексах животных» [2, с. 4].

5.3.5. Философское понимание социетарного в воспитании

В то время как одним из приоритетов развития воспитательной теории на Западе стала опора на индивидуума, существует и обратная тенденция – воспитание с опорой на коллектив. Социально ориентированное воспита-

ние, призванное сформировать из индивидуума идеального члена большой или малой социальной группы, привить ему ценности и модели поведения, свойственные именно этой группе, называется социетарным. Содержанием данной парадигмы воспитания являлись целенаправленно отобранные ценности и нормы поведения социальной группы (класса, нации).

Социетарная парадигма относится к наиболее традиционным системам воспитания, ее тысячелетиями воспроизводило традиционно кастовое общество, в котором социальная мобильность была не только мало возможна, но и нежелательна. Разновидностями социетарного воспитания были и цеховое, и классовое; оно было приоритетом в любом обществе, где коллективные ценности признавались в качестве ведущих. Социетарная парадигма тысячелетиями помогала традиционным культурам поддерживать стабильность общества.

Ценность социетарной, коллективной парадигмы была оспорена в новое время, в условиях повышающейся социальной мобильности, раскрытия классово-цеховых границ, и в особенности в условиях открытого информационного общества. Социетарная парадигма воспитания, как правило, связана с воспитанием коллективистским. Коллективистское, или общинное, воспитание было традиционным для славянского менталитета, и, более широко, для евразийского.

В советское время коллективистская модель воспитания получила свое теоретическое обоснование, найдя такую, в частности, форму, как обучение в детском коллективе. «Некоторые педагоги и писатели обратили внимание на спонтанно возникающие в детской среде отношения товарищества, солидарности, взаимопомощи, заметили нравственную, интеллектуальную силу взаимовлияния, воздействие традиций, общественного мнения, настроения сообщества на личность ребенка. Первоначально на уровне интуитивного синтеза эти явления фиксировались как «дух товарищества», «корпоративный дух», подчинение инстинкту общественности» [31, с. 72].

Одной из частных форм социетарной парадигмы воспитания может быть названо воспитание технократическое. Оно разработано в рамках производственной системы, рассматривающей воспитание как строго направленный, управляемый и контролируемый процесс, связанный с подготовкой идеального члена производственного коллектива и производственного процесса.

Содержанием технократического образования становятся нормы культуры и механизмы поведения, закрепляемые на уровне «стимул – реакция – подкрепление». В то время как человек обретает четкую социальную идентичность, он также может утратить способность к рефлексии, критическому осмыслению событий и фактов, стать полностью управляемым.

По критическому замечанию А.М. Новикова, «Технократическое общество производит духовно деформированные личности: на одном полюсе рядовой работник низводится до уровня некоего придатка машины, «винти-

ка», на другом – представители так называемой командно-административной системы – тоже закрепощенные люди, несвободные в своем поведении и своих решениях» [32, с. 8].

В советской педагогике понятие коллектива как воспитательной силы было наиболее глубоко раскрыто в публикациях и педагогической практике А.С. Макаренко. Макаренко А.С. выделил важнейшие признаки коллектива как воспитательной среды: общественно значимую цель, деятельность, направленную на достижение этой цели, а также отношения ответственной зависимости. Однако идеи коллективистского, социетарного воспитания развивали также, с различных сторон, Л.И. Новикова и Н.Л. Селиванова, А.В. Мудрик и В.П. Караковский, О.С. Газман и И.П. Иванов; в советской воспитательной практике были реализованы такие глобальные модели воспитания в коллективе, как «Орленок», Фрунзенская коммуна, школы Брюховцкого, Захаренко и др. Важно отметить, что идеи и практики советской модели коллективистского воспитания были восприняты и на Западе: так, в Германии создан институт, изучающий наследие А.С. Макаренко, где собраны все известные материалы его наследия.

Конечно, коллективистское воспитание имеет и свои недостатки, связанные с ориентацией на ценности и нормы социальной группы. Результатом социетарного воспитания может быть человек нетолерантный, исполненный социальной нетерпимости – и, следовательно, агрессивный и беспомощный в рамках любого другого социального окружения. Таким образом, социетарное воспитание, с одной стороны, способствует установлению четкой идентичности, способствующей психологической стабильности, с другой – может недостаточно готовить человека к изменчивой социальной действительности.

5.3.6. Специфика социально-философских взглядов на воспитание у народов Евразии

Рассмотренные парадигмы воспитания, как традиционные, так и сравнительно новые, предлагающие различные ведущие ценности и различные цели, необходимо должны учитываться при подготовке проекта воспитательной парадигмы, которая могла бы стать основанием для формирования и поддержания социальной стабильности и устойчивого социального развития на евразийском пространстве, которое сегодня осмысливается как единая структура ноосферы, дополняющая западноевропейский либерально-демократический проект.

По мнению Т.Н. Деминой идея регионально специализированных концепций воспитания не раз поднималась в научной работе. Задаваясь вопросом о парадигме воспитания, релевантной для народов евразийского про-

странства, необходимо исходить из традиционных взглядов на социализацию у данных народностей, а также из общих мифологических установок, образов, сюжетов, являющихся трансляторами многовекового культурного наследия различных народов [33, с. 16].

Некоторые из национально обусловленных систем воспитания осмысливаются сегодня как более «успешные»: так, по замечанию Б.О. Майера, «опыт последних 15-20 лет показывает, что основная часть российских педагогов, научных сотрудников, управленцев и студентов, с их глубинной культурой, традиционно ориентированной на «переживание» окружающего мира, в тактическом и оперативном отношении существенно проигрывает прагматической культуре западного «деятельного человека» [3, с. 147]. Это означает, что современная социальная философия постсоветского пространства необходимо должна взять на себя миссию создать научно обоснованную концепцию воспитания, наследующую как актуальным тенденциям советской педагогики, так и традициям и тысячелетним ценностям народов, проживающих на евразийском пространстве бывшего СССР, и в то же время состоятельную в эпоху прагматической ориентации деятельности.

Евразийское сообщество представляет собой очень массивную совокупность различных народов, имеющих различные языки, религии, обычаи, антропологию, привычки, различные жизненные стратегии: «Смешанная идентичность довольно болезненно переживается на индивидуально-психологическом уровне. Следствием этого является стремление евразийских обществ к консолидации» [34, с. 121]. Само выделение концепции евразийства свидетельствует о существовании некоего общего пространства в ноосфере, освоение и осмысление которого может и должно дополнить и, быть может, в чем-то оспорить глубоко проработанный, осмысленный и во многом «победивший» западноевропейский культурный проект.

Не присоединяясь к огульным критикам либерального мировоззрения и западноевропейского менталитета, «буржуазного общества» и потребительской культуры, мы в то же время считаем не только возможным, но и необходимым выдвигание евразийского культурного проекта, хотя бы как принципиальной стратегии, которая может быть выражена и в системе воспитания. Возможно, именно евразийский культурный проект, понимаемый как альтернатива западноевропейскому (и американскому), которые сегодня захватывают мировое информационно-культурное пространство, может найти ответы на те неразрешимые и угрожающие вопросы современности, которые западные аналитики оптимистично называют «вызовами».

Евразийская общность насчитывает три важнейших прототипических культурных образца: земледельцы, горцы и кочевники. Вместе с тем согласимся с тем выводом, что «русский народ, по единодушному мнению всех евразийцев, является системообразующим этносом многонациональной Евразии как по своей численности, так и по той роли, которую он играл в ее

политической, социальной и этнической консолидации в последние пять веков» [34, с. 211].

Важнейшим ориентиром евразийской традиции в целом является ориентация не столько на разумное, рассудочное, аналитическое отношение к миру, сколько на синтетическое, эмоциональное, «по наитию». Неслучайно в европейских языках не сохранилось понятие, наследующее греческой пайдеи: рассудочному менталитету соответствует концепция *образования* как системы накопления знаний. Одним из приоритетов традиционного подхода к воспитанию в евразийской общности является ориентация на интуицию, на целостное внерассудочное постижение мира, и на ценности культурного, духовного порядка. Таким образом, среди рассмотренных парадигм воспитания идеалистическая, связанная с ориентирами на безусловные ценности, является внутренне присущей евразийской ментальности.

Другим приоритетом ментальности народов евразийского региона является понятие / образ коллектива. Ценность общины равно велика как в социальном типе *орды*, так и в русской крестьянской общности. Дети сызмальства воспитываются в обществе; ценности коллектива, как правило, ставятся выше индивидуальных запросов; вернее, идеальным индивидуальным запросом оказывается тот, который соответствует коллективным стремлениям. Несмотря на некоторую переоценку ценностей коллективизма после развала СССР, понятие коллектива и общины не потеряло актуальности на всем постсоветском пространстве. Это связано с глубокой ускоренностью понятия и образа коллектива в ментальности, научном и обыденном сознании людей постсоветской формации. Несмотря на утрату советской идеологии, понятие коллектива сохранило свои основные черты в мышлении. Согласимся здесь с авторами монографии о воспитании в современности: «Удерживать» прежний научный смысл здесь помогает как раз консервативность обыденного мышления, своего рода смысл о содержательных лексических стереотипах» [9, с. 154]. Эта ориентация на коллективизм, сохраняющаяся в обыденной жизни и в ментальности, отраженная в языковых картинах мира, свидетельствует о закономерной ориентации на социетарное, коллективное воспитание, на необходимость проецирования общинных норм для продолжения социального бытия.

* * *

Воспитание есть феномен передачи социального и духовного опыта, который нередко недооценивается в современной науке, однако именно и только воспитание, работающее на будущее, способно сформулировать внятные ответы на кризисные вопросы современности. Сегодня время кризиса идентичности, а именно воспитание отвечает за формирование идентичности, и продуманная и культурно обусловленная воспитательная стратегия способна обеспечить обществу будущего стабильное развитие.

В отличие от образования / обучения, передающего итоги достижений науки, воспитание включает в себя всю сумму культурных и духовных достижений человечества. Сегодня, когда мир охвачен глобализационными кризисами, воспитание является уникальным инструментом передачи универсального содержания, которое способно готовить человека к новым переменам, проецировать его будущее без заранее заданных координат. Одним из частей этого универсального содержания является искусство; согласимся с тем, что «нынешний идеал образования должен основываться не только на идее науки (и как следствие носить методический характер), но и прежде всего на идее искусства» [7, с. 84].

Русский термин *воспитание*, семантическая калька с греческого слова *пайдейя*, представляет уникальный концепт славянской культуры, не имеющий содержательных параллелей в английском, в частности, языке. Это означает не только сложность межкультурной коммуникации по вопросам воспитания, но и особую возможность осмысливать воспитание как социальный феномен в русском научном дискурсе.

Существование различных парадигм воспитания в европейской истории и науки убеждают, что для построения непротиворечивой парадигмы воспитания современного человека на евразийском пространстве необходимо делать обоснованный выбор, основывающийся на ментальности евразийства. Принципиально значимыми парадигмами в этом контексте предстают идеалистическая (опора на высшие ценности идеального порядка) и социетарная (воспитание в коллективе, как члена общины).

Библиографический список к главе 5

1. Тесленко А.Н., Лепешев Д.В. Философия социализации и воспитания. Учебник нового поколения. – Астана, 2014. – 247 с.
2. Майстренко В.И. Социально-философский анализ воспитания как культурного феномена: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. – Ростов н/Д, 2009. – 22 с.
3. Майер Б.О. Когнитивные аспекты современной философии отечественного образования: монография. – Новосибирск: СО РАН, 2006. – 215 с.
4. Аверинцев С. Пайдейя. Из истории европейской культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://polit.ru/article/2009/02/05/videon_aver/.
5. Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека (эпоха великих воспитателей и воспитательных систем). – М., 1997. – 197 с.
6. Хайдеггер М. Учение Платона об истине // Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – 390 с.
7. Сергеев К.А., Разеев Д.Н. Понятие образования в феноменологии науки // Образование и гражданское общество (материалы круглого стола 15 ноября 2002 г.). Серия «Непрерывное гуманитарное образование (научные

исследования)». Выпуск 1 / Под ред. Ю.Н. Солонина. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С. 79-84.

8. Головань С.А. Трансформация воспитания в пространстве современной информационной культуры: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. – Ростов н/Д, 2008. – 21 с.

9. Ромм Т.А., Аникеева Н.П., Винникова Г.В., Киселева Е.В., Пивченко В.П. Феномен воспитания в современной педагогике. – Новосибирск: НГПУ, 2011. – 234 с.

10. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 2000. – С. 682.

11. Толстой Л.Н. Воспитание и образование // Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. – М.: Художественная литература, 1983. – Т. 16. – 432 с.

12. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х тт. – М.: Русский язык, 1999. – Т. 1. А – Пантомима. – 678 с.

13. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 29. – М.: Наука, 2002. – С. 60-61.

14. Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля. В 4 тт. Часть вторая: И-О. – М., 1863. – Стб. 1194.

15. Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка. – СПб.: Полиграфсервис, 2005. – С. 254.

16. Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н.М. Шанского. Том 1. Вып. 3. – М.: МГУ, 1968. – С. 172-173.

17. Rejzek J. Český etymologický slovník. – Leda, 2001. – S. 125-129.

18. Етимологічний словник української мови. В 7 тт. – Київ: Наукова думка, 1982. Т. 1. А-Г. – С. 386.

19. Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/education>.

20. On line etymology dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.etymonline.com>.

21. Алымова Е.В. Лингвокультурологическая модель концепта «Образование» в национальном самосознании: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2007. – 23 с.

22. Колосовская Е.В. Национально-культурная специфика языкового сознания русских и британцев на материале тематической группы «воспитание»: автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2004. – 23 с.

23. Луков В.А. Парадигмы воспитания // Знание. Понимание. Умение. – М., 2005. – № 3. – С. 139-151.

24. Абрамов Я. Иоганн Генрих Песталотци. Его жизнь и педагогическая деятельность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://books.google.ru/books?id=fcAshw8pCKgC&hl=ru&source=gbs_navlinks_.

25. Герbart И.Ф. Избранные педагогические сочинения. – М., 1940. – Т. 1. – С. 186-189.

26. Гололобова Т.А., Емельянова Б.В., Наумов Н.Д. Русская философия как педагогика (вторая половина XIX – начало XX в.). – Екатеринбург, 1999. – 198 с.
27. Бордовская Н.В. Педагогика. – СПб.: Питер, 2011. – 238 с.
28. Вики М. Девять жизней Дьюи. Наследники kota из библиотеки, который потряс весь мир. – М., 1989. – 239 с.
29. Сычев-Михайлов М.В. Из истории русской школы и педагогики XVIII. – М., 1960. – 321 с.
30. Гавров С.Н., Микляева Ю.В., Лопатина О.Г. Воспитание как антропологический феномен: учебное пособие. – М.: Форум, 2011. – 240 с.
31. Проблемы детского коллектива в русской и советской педагогической мысли. – М.: Педагогика, 1973. – 239 с.
32. Новиков А.М. Российское образование в новой эпохе. Парадоксы наследия, векторы развития. – М.: Эгвес, 2000. – 264 с.
33. Демина Т.Н. Теоретические основы региональной концепции воспитания школьников в Республике Мордовия: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. – М., 1998. – 24 с.
34. Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / Под ред. Ю.В. Попкова. – Новосибирск: Нонпарель, 2010. – 219 с.

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА

6.1. Теоретические аспекты формирования жизненных стратегий молодежи

В настоящее время развитие российского общества характеризуется глубокими трансформационными процессами во всех сферах жизни. Уровень общественного развития задает определённые требования к современной личности, которые определяют её надёжное существование в социальной среде, оказывают существенное воздействие на индивидуальные судьбы и жизнь людей, под влиянием которых формируются жизненные стратегии российской молодежи [1, с. 79].

Личность, обладающая целостной, четкой, и в тоже время гибкой жизненной стратегией будет более успешной как в индивидуализации, так и в адаптации к изменяющимся социальным условиям [2, с. 204]. Современная молодежь гибко реагирует на социальные изменения, она в большей степени информирована о процессах, происходящих в различных областях науки, техники и социальной жизни, динамично овладевает современными формами общения и технологиями, активнее включается в мировое информационное пространство. Наличие активной гражданской позиции, построение жизненной траектории является неотъемлемым условием саморазвития человека как личности [3, с. 96].

Известно, что молодежь – это базовый ресурс развития российского общества. В современных условиях именно на молодом поколении лежит ответственность за сохранение, развитие и процветание нашего государства. Её численность составляет 39 миллионов, т.е. почти треть населения страны.

Сегодня становится достаточно популярной идея С.Л. Рубинштейна о том, что жизнь человека может протекать и как стихийный, и как сознательный, творчески направленный процесс, а фактором возвышения человека может быть только разумное проектирование своей жизни. Не случайно жизненные стратегии молодежи всегда вызвали огромный интерес со стороны зарубежных и отечественных исследователей.

Наиболее значимым вкладом в исследование жизненных стратегий молодежи стали теоретические выводы и концепты М. Вебера, разработавшим теорию социального действия как инструмент для объяснения поведения людей. Дюркгейм Э. рассматривает проблему жизненных стратегий моло-

дежи в контексте формирования требований со стороны общества. Теория Т. Парсонса включает важнейшие элементы концепции стратегического поведения, в рамках которой возможна интерпретация понятия «жизненные стратегии». Манхейм К. рассматривает молодежь как группу, социальная роль которой зависит от того общества, в котором она живет.

Отечественные ученые Г.А. Чередниченко и В.Н. Шубкин исследуют проблему построения жизненных стратегий молодежью как процесс обретения занятия и статуса. Важное место в анализе проблематики жизненных стратегий личности занимают ценности и ценностные ориентации, исследованию которых посвятили научные труды А.Г. Здравомыслов, В.Т. Лисовский, М.Н. Руткевич.

Резник Ю.М. рассматривает типы стратегий, встречающиеся в повседневной жизни наиболее часто, и разделяет их по ряду институциональных признаков: социально-экономическому положению; способу воспроизводства и трансляции культурных стандартов; системе регуляции и контроля; социальному характеру (коллективной ментальности); профессиональному этносу. Сфера распространения типа стратегий определяется уровнем социально-экономического и культурного развития общества; способом производства, уровнем и качеством жизни, наличием правовых средств регуляции общественной жизни, степенью участия в управлении государством, влиянием традиций, идеалов и верований» [4, с. 103]. Резник Ю.М. предполагает, что выбор той или иной жизненной стратегии обусловлен принадлежностью к определенному классу (группе, слою). Среди основных жизненных стратегий ученый выделяет: стратегию жизненного успеха, стратегию жизненного благополучия, стратегию самореализации.

Адлер А. рассматривает жизненные стратегии посредством адаптационного подхода. Он полагает, что уже в детстве формируется жизненный стиль человека как интегрированный стиль приспособления к жизни и взаимодействия с ней. Ученый называет любовь, дружбу и работу основными жизненными целями, или стратегиями, с которыми сталкивается человек и которые определены условиями человеческого существования. Они позволяют человеку оптимально адаптироваться к той среде, в которой он находится. По его мнению, каждый человек выбирает для себя жизненную цель, в которой отражаются его стремления и приоритеты [5, с. 280].

Юнг К., на основе индивидуалистического подхода к изучению жизненных стратегий, выявил, что человек на протяжении всей жизни непрерывно приобретает различные новые умения, достигает поставленные цели и раскрывается как личность. Наиболее важной жизненной целью индивида он считает «обретение себя», как результат стремления различных компонентов личности к единству. По мнению К. Юнга, полное раскрытие своего «я» является главной жизненной целью человека, то есть становление единого, неповторимого и целостного индивида. Развитие каждого человека в этом на-

правлении уникально, оно продолжается на протяжении всей жизни и включает в себя процесс, получивший название «индивидуализация» [6, с. 532].

Кассер Т. и Райн Р. выделили две группы жизненных стратегий, основанных на преобладании внутренних и внешних стремлений. Внешние стремления, оценка которых зависит от других людей, основаны на таких ценностях, как материальное благополучие, социальное признание и физическая привлекательность. Внутренние стремления основаны на ценностях личного роста, здоровья, любви, привязанности, служения обществу. Ученый отмечает, что выбор стратегии зависит от роли родителей в воспитании ребенка. Родительская поддержка автономности, эмоциональная вовлеченность и структурированность требований к ребенку ведут к преобладанию у него внутренних стремлений и, как правило, к психическому здоровью [7, с. 74].

Жизненная стратегия человека характеризуется системой ценностных ориентаций и основанных на ней осознанных целей, осмысленностью действий, поступков и всей жизни в целом. Эффективность реализации жизненной стратегии во многом зависит от социальной активности личности, принятия и признания человеком ответственности за свою жизнь [8, с. 76].

В определении понятия «жизненная стратегия» до сих пор нет логической четкости и ясности. Оно трактуется, либо как система перспективных представлений и ориентаций, либо как система целей, планов и ценностных ориентаций. В современном словаре иностранных слов «стратегия» определяется как «искусство планирования руководства, основанного на правильных и далеко идущих прогнозах» [9, с. 582].

Абульханова-Славская К.А., осуществляя комплексный анализ жизненной стратегии личности, определяет сущность, основные характеристики и факторы, влияющие на ее формирование и реализацию. По мнению ученой, жизненная стратегия – это «принципиальная, реализуемая в различных жизненных условиях и обстоятельствах способность личности к соединению своей индивидуальности с условиями жизни, к ее воспроизводству и развитию» [10, с. 99]. Она выделяет в жизненной стратегии три главных признака – выбор способа жизни, разрешение противоречия «хочу – имею» и создание условий для самореализации, творческий поиск. Также ученая считает, что личность можно назвать зрелой, только если она способна устанавливать свой «порог» удовлетворенности материальными потребностями и начинает рассматривать их как одно из условий жизни, направляя свои жизненные силы на другие цели. Активность личности К.А. Абульханова-Славская относит к главному параметру построения жизненной стратегии.

Головаха Е.И. подчеркивает, что «жизненную перспективу следует рассматривать как целостную картину будущего, социальную ценность и индивидуальный смысл своей жизни» [11, с. 266]. Шлапак Н.А. утверждает, что «именно в жизненных планах выражается актуальность отражения человеком объективной реальности». Они обладают мобилизующим, организую-

щим свойством и являются идеальным средством превращения возможности в действительность [12, с. 139].

В условиях социальной трансформации российского общества тема исследования жизненных перспектив молодежи приобретает особую актуальность в связи с тем, что ей достаточно трудно адаптироваться в новом социально-экономическом пространстве, найти ту стратегию, которая гарантирует достижение поставленной цели. Молодежь является неотъемлемой частью общества и чутко реагирует на все изменения, которые в нем происходят [13, с. 204].

В современной России, как отмечает Ю.А. Зубок, «мы наблюдаем такие характерные проявления в развитии молодежи, как нарушение воспроизводства жизненных сил, неопределенность возможностей жизненного старта и самореализации молодежи, ценностно-нормативную неопределенность, а также неопределенность идентичности» [14, с. 147].

В настоящее время особую значимость приобретают изменения, происходящие в среде школьной молодежи. Надежду вселяет то, что молодые люди прагматично ориентируются в современных жизненных реалиях и им неведом опыт социального патернализма. Риск заключается лишь в том, что молодежь не находит признания в мобилизации так называемых, легитимных практик, и выбор образования и профессий часто связан либо с зависимостью от родителей, либо определяется семейными ресурсами или местом жительства [15, с. 14].

Известно, что способностью оказывать влияние на сознание подростков в большей степени обладает школа. Ее главная задача заключается в формировании личности, владеющей фундаментальными знаниями и практическими навыками; обладающей высоким уровнем креативного и аналитического мышления, навыками конструктивного поиска при решении личностных задач; способной к творческой самоорганизации.

Важность изучения жизненных стратегий выпускников обусловлена необходимостью проведения актуальной социальной политики, связанной с тем, что до сих пор не ликвидировано несоответствие между запросами выпускников средних школ и теми реальными условиями и требованиями, которые постепенно формируются на рынке труда и в сфере социальных услуг.

Как социально-возрастная группа, школьная молодежь обладает рядом особенностей. Ей присуще неполное включение в социально-экономические отношения. Однако, именно она в наибольшей степени мобильна, инициативна. По сути, от качества её потенциала зависят перспективы развития государства, новых социальных стратегий. Эффективная политика государства по отношению к данной категории молодежи должна обеспечить возможности самостоятельного решения их собственных проблем, возлагая на нее реальную ответственность и вовлекая в созидательные процессы.

Процесс формирования профессиональной социализации школьной молодежи России весьма сложен. Рассматривая этот процесс через усвоение профессиональных ценностей и проникновение молодого человека в профессиональное пространство, выделяют те направления, которые соответствуют важным сферам жизнедеятельности человека, в частности: морально-нравственной, познавательной, поведенческой, эмоционально-чувственной, межличностной.

Основными направлениями профессиональной социализации школьной молодежи являются формирование профессионального самоопределения и повышение социально-профессиональной мобильности на рынке труда. Данные направления, прежде всего, необходимы в развитии подростков старшего школьного возраста.

На пороге окончания школы выпускник самоопределяется в профессии, тем самым закладывает фундамент для дальнейшего развития. Самоопределение личности молодого человека играет значительную роль в становлении жизненного пути. Основными характеристиками самоопределения личности являются: потребность формирования смысловой системы, в которой соединены представления о себе и мире; возможность ориентироваться в будущем; выбор профессии [16, с. 95].

В процессе профессионального самоопределения молодым людям необходимо соотнести свои потребности с требованиями и социальными нормами, принятыми в обществе на момент самоопределения. Социальное самоопределение представляет собой определение себя относительно выработанных в обществе и осознанно принятых молодым человеком критериев принадлежности к определенной сфере общественных отношений и определенному социальному кругу. Уже в 9-ом классе создаются условия для подготовки учеников к выбору профиля дальнейшего образования, их профессионального самоопределения.

Специфика современных проблем социального самоопределения школьной молодежи определяется нестабильной ситуацией в обществе, необходимостью освоения нового социокультурного опыта. У большинства молодых людей неопределенность ценностных представлений о жизни, отсутствие четких социальных ориентиров приводит к сложностям в формировании перспектив будущего, которые начинают складываться в юношеском возрасте и играют важную роль в становлении личности [17, с. 78].

Самоопределение предполагает фундаментальную внутреннюю перестройку личности. Успешное освоение старшеклассниками роли субъекта деятельности зависит от сформированности «Я-концепции» и развертывания пространства личности. Характерная особенность профессионального самоопределения школьной молодежи заключается в том, что это – процесс, в течение которого личность пытается определить собственные способности и возможности, соотнося их с выбираемой профессиональной сферой, с требованиями профессии и общества.

В структуре профессионального самоопределения школьной молодежи можно выделить следующие качества:

- представления молодого человека о выбираемой профессии, особенностях рынка труда и рынка образовательных услуг;
- намерения в отношении возможностей самореализации внутри профессиональной сферы в конкретных социальных условиях;
- осознание личностью своего «Я», отношений с окружающим миром, своего жизненного опыта, самого процесса контроля над собой.

Ценностная фаза школьной молодежи в развитии профессионального самоопределения является наиболее значимой, т.к. именно в ее рамках согласуются различные точки зрения и вырабатывается отношение к трудовой и профессиональной деятельности. Ценностно-мотивационная система является ядром личности молодого человека.

Таким образом, вопрос по формированию ценностных ориентаций молодежи в данный период приобретает большое значение для современной России из-за разрушения старых ориентиров. Изучение ценностных ориентаций школьной молодежи дает возможность выявить ее адаптации к новым социальным условиям и ее инновационный потенциал. От того, какой ценностный фундамент будет сформирован у молодых людей, во многом зависит будущее состояние общества.

6.2. Профессиональный выбор как форма самоопределения и детерминант жизненных стратегий

Формирование ценностной структуры молодого человека выступает важнейшим фактором профессионального самоопределения в профессиональной социализации, посредством которой молодой человек становится полноправным членом общества во всей полноте социальных взаимоотношений. Как правило, для жизненных ценностей характерна высокая осознанность, они отражаются в сознании в форме ценностных ориентаций и служат важным фактором социальной регуляции взаимоотношения людей и поведения индивида. Особенностью ценностных ориентаций является и то, что они формируются на основе высших социальных потребностей личности [18, с. 119].

С целью изучения образовательных и профессиональных предпочтений старшеклассников авторами был проведен социологический опрос. Опросу подлежало 278 респондентов, что составляет 72 % от числа всех выпускников школ города Лянтора Сургутского района. В качестве метода опроса применялось очное анкетирование. Пропорции распределения анкет соответствуют пропорциям распределения численности учащихся образовательных учреждений г. Лянтора. В качестве экспертов выступили педагоги и родители (всего 58 респондентов).

Жизненные стратегии выпускников школ являются интегральным показателем, раскрывающим не только их социальное самочувствие, но и являющимся ключом к пониманию сложностей профессиональной социализации, которую она испытывает. Возможности в сфере образования открывают перед молодым человеком пути социокультурного самоопределения, отражающиеся на его уровне мышления, типе поведения. Важно знать мнение молодежи об удовлетворенности получаемым образованием и дальнейших жизненных планах [19, с. 92].

Образование как основа интеллектуального и профессионального становления стала ценностью для молодежи. Стремление получить хорошее образование одинаково актуально для нее в разные периоды общественной жизни. Большинство подростков не сомневается, что для достижения высокого социального и профессионального статуса, жизненного успеха необходимы прочные знания, а поэтому хотят быть уверенны в том, что по окончании школы они станут образованными людьми [20, с. 11]. В связи с этим важным элементом в позиции старшеклассника является оценка школы.

На вопрос «Удовлетворены ли Вы получением образования в школе?» результаты оказались следующими: удовлетворен – 21,3 %, вполне удовлетворен – 31,3 %, частично удовлетворен – 20,7 %, неудовлетворен – 18,2 %, затруднились в ответе – 8,5 %. Определяя образование как важную жизненную ценность, треть респондентов испытывает неудовлетворенность школьным образованием. Особый интерес представляют мнения педагогов и родителей при изучении вопроса, «Какую роль, по Вашему мнению, должна играть школа в жизни подростков (рис. 6.1).

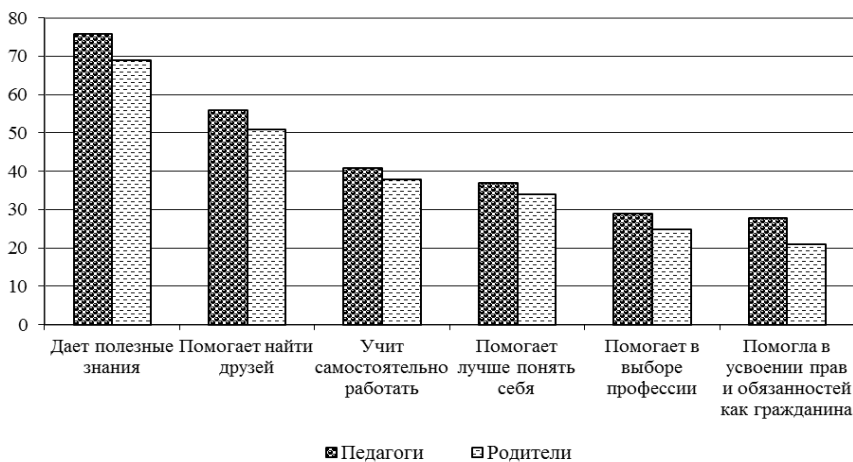

Рис. 6.1. Мнения педагогов и родителей о роли школы в жизни подростков, %

Результаты опроса показали, что школа продолжает делать главный акцент на передаче полезных знаний. Это отмечают 76 / 69 % респондентов. (*Примечание: в числителе указаны ответы педагогов, в знаменателе – родителей). Они указывают на наличие старых ролевых функций школьного образования.

Весьма неутешительны высказывания педагогов и родителей в отношении формирования у учащихся способности самостоятельного получения новых знаний (37 / 34 %). Отмечают слабое внедрение инновационных программ в образовательный процесс, уровень профессионализма педагогов, тип образовательного учреждения. В ответах молодежи прослеживается неудовлетворенность качеством образования, в частности преподаванием отдельных предметов: физики, химии, иностранного языка. Это свидетельствует об ослабленном социализирующем влиянии школы по ряду направлений.

В качестве приоритетной жизненной перспективы выступают образовательные предпочтения старшеклассников (табл. 6.1).

Таблица 6.1

Ориентация старшеклассников образовательных учреждений г. Лянтора на тип учебного заведения, %

Планируют учиться в:	2013 год					
	9 класс		10 класс		11 класс	
	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
ВУЗ	69,5	74,1	80,4	85,6	76,2	80,3
СПО	28,2	23,3	16,6	14,0	15,3	16,4
НПО	2,3	2,6	1,3	0,4	-	-
Курсы	-	-	1,7	-	3,4	1,2
Трудоустройство					5,1	2,1

Образовательная ориентация большинства респондентов концентрируется на получении высшего образования, что свидетельствует об осознанном представлении молодежи, что на рынке труда имеют ценность знания и квалифицированный труд. Лишь незначительная часть старшеклассников планирует курсовую подготовку, обучение в училищах и техникумах, рассматривает вопрос трудоустройства. Результаты авторского опроса свидетельствуют, что девушки в своих образовательных ориентациях опережают сверстников юношей. Вероятно, сказывается низкая конкурентоспособность женщин на рынке труда, девушки стремятся компенсировать ее более высоким уровнем образования.

Основой для продолжения обучения в профессиональных образовательных учреждениях являются базовые знания, полученные в школе. Система образования предоставляет определенный объем знаний, однако порой их не достаточно, чтобы эффективно использовать в процессе освоения специальности или профессии (рис. 6.2).

Рис. 6.2. Ориентация молодежи на получение образования, в %

Представляющими интерес являются, по мнению авторов, исследования системы ценностных ориентаций школьной молодежи. Ценностные ориентации – это результат процесса социализации молодежи, в ходе которого нормы жизни общества интеръеризуются в ценности личности. Основным содержанием ценностных ориентаций личности молодых людей выступают их мировоззренческие, нравственные убеждения и принципы поведения, привязанности. Специфика действия ценностных ориентаций состоит в том, что они функционируют не только как способы рационализации поведения.

Совокупность сложившихся, устоявшихся ценностных ориентаций образует своего рода ось сознания молодых людей, обеспечивающую устойчивость их личности, преэминентность определенного типа поведения и деятельности, выраженную в направленности потребностей и интересов. В силу этого ценностные ориентации обуславливают мотивацию действий и поступков личности молодого человека в образовании и труде. Как правило, от этого зависит успешность дальнейшего жизненного пути молодого человека.

Рассмотрим динамику приоритетов жизненных ценностей молодого поколения (табл. 6.2).

Таблица 6.2

Жизненные стратегии подростков, %

Показатели	2013 г.	2012 г.
Получение образования	68	62
Достойная работа	53	49
Деньги	47	41
Карьера	31	27
Семья	48	37
Обеспеченность жильем	27	21
Здоровье	34	26
Взаимоотношения с родителями	17	21
Материальная независимость от родителей	18	24
Любовь	11	17
Возможности отдыха	16	27

Очевидно, что неизменно устойчивыми ценностями в глазах молодых северян являются хорошая работа и деньги. Одновременно усиливается ценность образования и возможность карьерного роста. При этом несколько снизилась значимость межличностных отношений, ценность отдыха. Таким образом, иерархия приоритетных ценностей молодежи выглядит следующим образом: 1. Образование. 2. Работа. 3. Семья. 4. Деньги. 5. Здоровье. Сформированные жизненные стратегии молодого поколения являются гарантом стабильного развития, выполняя роль нормативного регулятора, как на индивидуальном, так и на общественном уровне.

Для оценки прогностических возможностей молодежи важно также знать, насколько она имеет возможность планировать свою собственную жизнь. Результаты опроса показали, что лишь 22 % респондентов строят планы на всю свою жизнь, 18 % ответили, что совсем не планируют свое будущее, 28 % планируют жизнь не более, чем на несколько дней.

Авторское исследование позволило выявить, что профессиональные устремления выпускников представляют собой довольно пеструю картину по всем показателям: от выбора будущей профессиональной деятельности до различных факторов, влияющих на выбор профессии. Как правило, они находятся в определенной зависимости от социально-экономической ситуации в стране, места проживания выпускников, материального положения семьи.

Подростки из материально обеспеченных семей оценивают выше свои шансы на поступление в вуз. Обучаться в вузе планируют 92,3 % детей руководителей, 89,1 % – детей специалистов, 59,4 % – детей предпринимателей, 41,2 % – детей рабочих. Стремление к учебе в колледже сильнее выражено у детей из семей предпринимателей (59,4 %) и семей рабочих (41,2 %).

Таким образом, при формировании жизненных планов выпускники в определенной мере учитывают и такой фактор как социальное положение семьи. К тому же установка на высшее образование некоторой частью молодежи рассматривается просто как получение «дипломного» образования и не связана напрямую с будущей работой, что не исключает риск перемены профессии и демонстрирует малую готовность к интеграции в социально-профессиональную жизнь.

Таблица 6.3

Мнения респондентов о привлекательности выбранной профессии, %

Мотивы выбора профессии	Учащиеся 9-11-х классов	Студенты техникума	Студенты вуза
Интерес к профессии	53,6	48,4	57,4
Высокий заработок	21,4	16,3	12,4
Престижность	10,2	8,5	18,3
Общественная значимость	3,4	2,8	5,4
Семейная традиция	2,3	2,4	3,7
Перспективность (карьера)	3,0	4,2	18,4
Легко устроится на работу	6,0	8,6	5,7
Иные мотивы	-	4,2	5,4

Существенным фактором, определяющим выбор профессии, является ее престиж, который респонденты чаще всего связывают не с содержанием труда, а с рейтингом профессии в обществе и возможностью материального обеспечения в будущем (табл. 6.3).

К сожалению, с выбором профессии определились лишь 40 % школьников, что свидетельствует о низком уровне работы по профориентации в образовательных учреждениях города и неготовности к осознанному профессиональному самоопределению старшеклассников.

В пятерку лидеров вошли профессии бизнесмена (34,3 / 47,2 %), инженера (41,0 / 52,6 %), нефтяника (43,7 / 56,8 %), программиста (40,0 / 42,1 %), экономиста (56,7 / 32,8 %). (*Примечание: в числителе указаны ответы девушек, в знаменателе – юношей). Наиболее развита в городе нефтяная промышленность, что объясняет выбор профессии данной профессии, напрямую связанной с перспективой дальнейшего трудоустройства. Катастрофически снижается в сознании молодежи престижность рабочих профессий.

Сегодня структура рынка труда, особенно интеллектуального, не сформирована. Многие предприятия расформированы или простаивают, уровень заработной платы невысок. Ни престижность, ни общественная значимость профессии часто не совпадают с ее прибыльностью [21, с. 12].

В этих условиях только становление прогрессивной структуры рынка труда, рост спроса со стороны предприятий и учреждений на квалифицированные профессии и специальности способны стимулировать повышение качества профессиональной ориентации выпускников школ [22, с. 92]. Пока же большинство учащихся в выборе своей профессии большей частью представлены сами себе (32 %). Большое влияние на выбор профессии оказывают родители – 32,3 %, влияние рекламы и СМИ – 6,2 %, система образования – 17,2 %, друзья и знакомые – 18,2 %, рейтинг учебного заведения – 12,1 %, территориальное расположение вуза – 14,0 %.

Необходима разработка и внедрение социальных программ в образовательный процесс, предусматривающих создание информационного пространства о профессиях, образовательных учреждениях, оказание психологической поддержки выбора молодых людей.

Чаще всего профессиональное самоопределение тех, кто намерен продолжить свое обучение в учреждениях СПО и ВПО, начинается в 9-м классе и длится вплоть по 11-й класс. 67 % учащихся 9-11-х классов имеют представление о своей будущей специальности, однако, для 2/3 этот выбор не является окончательным, а 11 % – сомневаются в своем выборе.

Согласно результатам исследований, проведенных Л.Б. Осиповой, О.В. Устиновой, следует, что профессия, по которой обучаются нынешние первокурсники, для большинства совпадает с той, которую они выбрали для себя еще в школе (63 %). Есть и доля тех, кто учится не по ранее выбранной специальности (27 %), но это не всегда обусловлено ошибочным выбором или плохой профессиональной ориентацией. Некоторые не проходят по кон-

курсу, у других нет средств для оплаты обучения, у третьих не хватает знаний и т.д. [23, с. 95].

Большинство старшеклассников уверены в том, что в дальнейшем сумеют найти работу, 22 % – опасаются того, что работу по специальности найти будет трудно, 12 % – уже знают, где будут работать. По данным опроса многие молодые люди опасаются безработицы, но при этом все-таки предпочитают активные действия, чтобы не остаться безработными: 41 % респондентов ответили, что легко освою новую профессию, 29 % – сделают это, но без особого желания [24, с. 76].

Несмотря на то, что большая часть молодежи включена в общественное разделение труда косвенно, посредством обучения в образовательных учреждениях, экономические проблемы затрагивают ее в такой же степени отрицательно, как и общество в целом [25, с. 46]. Обращает на себя внимание значительный рост доли оптимистично настроенной молодежи по мере улучшения экономического положения в стране (рис. 6.3).

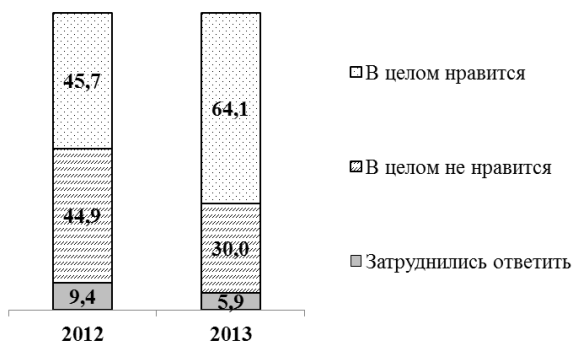

Рис. 6.3. Мнения учащихся о сегодняшней жизни в России, %

Нельзя не считаться с тем, что современные жизненные реалии достаточно суровы и подвергают нравственность молодых россиян серьезным испытаниям на прочность. Большинство респондентов (28 %) признает, что их успех в жизни во многом зависит от умения «вовремя закрыть глаза» на собственные принципы.

Однако, в целом молодые люди демонстрируют достаточно высокий морально-нравственный уровень (53 %), считают совершенно недопустимыми хамство, грубость, использование нецензурной лексики, пьянство, проституцию и пр. Показательно, что в отношении моральных норм, регулирующих сферу семейной жизни, молодежь оказалась даже более строга, чем люди старшего поколения.

Декларирование своей приверженности определенным морально-нравственным нормам далеко не тождественно тому, как люди ведут себя в реальной жизни. Как видно на рис. 6.4 статус «практического табу» имеют го-

мосексуализм и употребление наркотиков. В отношении других явлений позиция молодежи не столь консолидирована. Молодое поколение заметно «преуспело» в искусстве обходить нормы, диктуемые им обществом и государством. Оно действительно отстает от старшего поколения по включенности в морально-нравственный контекст жизни общества, относясь ко многим вещам несколько легковесно.

Рис. 6.4. Мнения молодежи и экспертов о том, какие поступки не могут быть оправданы, %

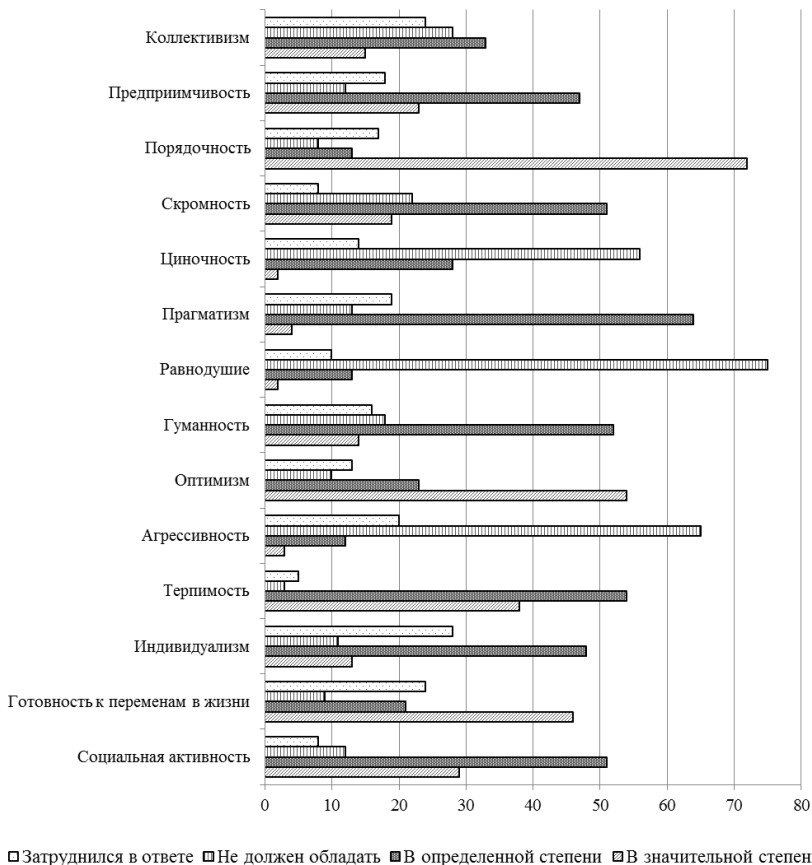

Рис. 6.5. Мнения подростков о доминировании личностных качеств современной молодежи, %

При этом следует отметить, что большинство респондентов осознают актуальность традиционных ценностей для общества. Порой обеспокоенность СМИ морально-нравственным состоянием молодежи является не столько констатацией неизлечимой утраты корней и традиций, сколько признаком того, что граждане осознают необходимость морального и нравственного выздоровления общества.

Нынешнее поколение молодежи растет в условиях нарушения главной функции социализации, под которой понимается не только усвоение жизненных целей, обычаев, социальных ролей и возрастных ожиданий, но и поддержание существующего социального порядка. Современное поколение практически избавлено от усвоения традиционных ценностей и соци-

альных норм, освобождено от уважения к власти и социальным институтам, от овладения прошлым опытом старших поколений. Такая «свобода» не могла не привести к ослаблению законопослушности молодого поколения.

Современное поколение имеет свои представления об идеальных качествах современного молодого человека, сформированные в их сознании под воздействием не институциональной формы социализации, а социальной среды (знакомые, друзья, компании и т.п.). Ответы на вопрос: «Какими качествами должен обладать современный человек?» распределились следующим образом (рис. 6.5).

Специфической особенностью подросткового возраста является наличие человека-идеала, он служит своеобразным моральным эталоном, на который подросток равняет свое поведение. Для него огромное значение имеет пример уважаемого им взрослого. У подростка чаще всего это родители, друзья, герои любимых книг, кино-, видеофильмов, эстрадные исполнители. Особую роль приобретает характер идеала, примера для подражания. Однако, доля молодежи, имеющей идеал для подражания, сокращается с 37,4 % в возрасте 14-17 лет до 28,3 % в возрасте 25-30 лет (рис. 6.6).

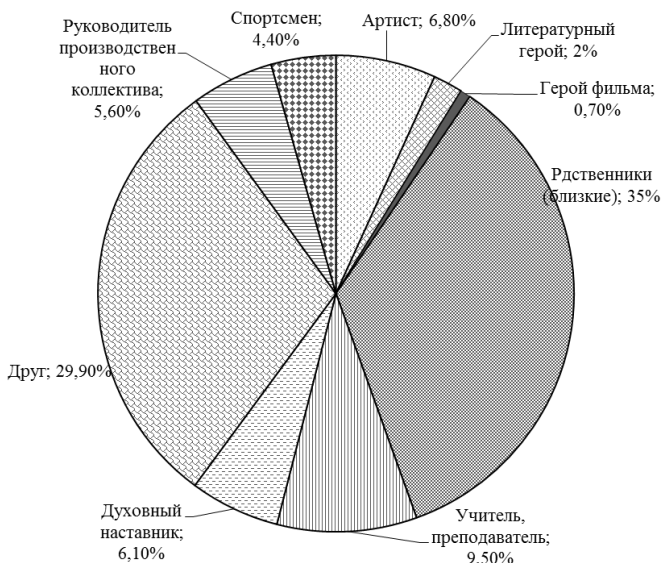

Рис. 6.6. Мнения школьной молодежи об идеале, %

Спортсмены, артисты, герои литературного произведения, художественного фильма – это временные идеалы, «виртуальные». Обыденное присутствие в массовом сознании в качестве идеалов героев литературы и фильмов свидетельствует о существенном изменении факторов, формирующих ценностные ориентации нынешней школьной молодежи: это в большей

степени интравертные ценности. В смысле устойчивых идеалов, влияющих на формирование жизненной траектории и поведение личности, можно говорить только в отношении родных и друзей.

О доминировании интравертных ценностей свидетельствует то, как молодежь определяет понятие «жизненный успех», в частности наличие семьи (58 %), материальный достаток (37 %), интересная работа (32 %), возможность карьеры (30 %), надежные друзья (24 %), обладание властью (12 %), достижение известности (10 %).

Таким образом, в массовом сознании школьной молодежи «жизненный успех» – это, прежде всего, крепкая семья, материальный достаток, интересная работа. Отрадно, что современная молодежь в целом не индивидуалистична, не агрессивна, не стремится обладать властью, не честолюбива. Об этом убедительно свидетельствуют ответы на вопрос «Какие качества Вы цените в людях в большей степени?». Иерархия качеств выглядит следующим образом: 1. Справедливость. 2. Ум. 3. Уверенность в себе. 5. Доброта. 6. Отзывчивость. 7. Воспитанность. 8. Порядочность. 9. Совесть. 10. Патриотизм. 11. Общительность. 12. Наличие юмора.

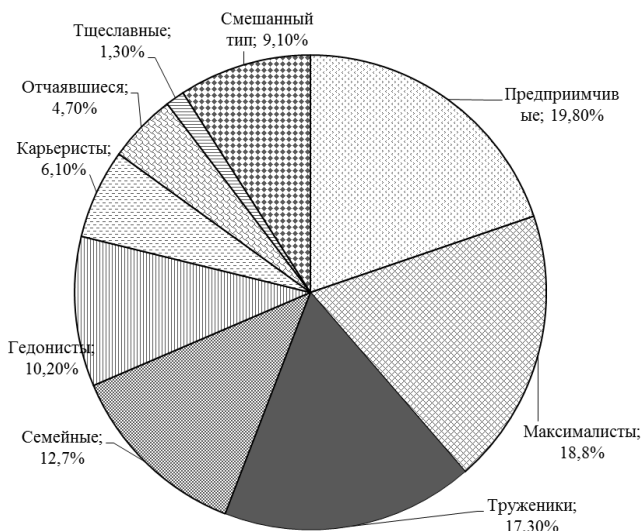

Рис. 6.7. Различия в жизненных устремлениях молодежи, %

По результатам исследования авторы сгруппировали современную молодежь согласно их жизненным притязаниям: «семейные» – создать семью и воспитать хороших детей (12,7 %); «труженики» – получить качественное образование, престижную и интересную работу (17,3 %); «предприимчивые» – добиться создания своего бизнеса, достичь богатства и материального достатка (18,8 %); «гедонисты» – иметь много свободного времени и про-

водить его в свое удовольствие (10,2 %); «максималисты» – рассчитывают достичь успеха практически во всех сферах жизни (18,8 %); «карьеристы» – обеспечить себе безбедное будущее через реализацию своих честолюбивых планов (6,1 %); «отчаявшаяся молодежь» – не видит в себе сил достичь тех или иных успехов (4,7 %); «тщеславные» – рассчитывают сделать карьеру и иметь доступ к власти (1,3 %) (рис. 6.7).

Таким образом, школьная молодежь достаточно практична, стремится в большинстве ситуаций полагаться на себя, ориентирована на более успешное будущее, что, по сути, характерно для данной возрастной категории. Она склонна к максимальной реализации своего потенциала, энергии для достижения успехов в жизни.

Библиографический список к главе 6

1. Осипова Л.Б., Пахомова А.М. Современные проблемы в системе образования // В сб: Современные тенденции в образовании и науке. Сб. научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, 31 октября 2013 г. – Тамбов, 2013. – С. 79-80.

2. Устинова О.В., Осипова Л.Б. Семья – основной институт воспроизводства населения (на примере юга Тюменской области) // Вестник Казанского государственного технического университета им. А.Н. Туполева. – 2013. – № 2. – С. 204-206.

3. Осипова Л.Б., Устинова О.В. Формирование гражданственности в контексте развития личности молодого человека // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2012. – № 6 (21). – С. 95-100.

4. Резник Ю.М., Смирнов Е.А. Жизненные стратегии личности: (опыт комплекс. анализа). – М.: Ин-т человека РАН, Независ. ин-т гражд. об-ва, 2002.

5. Фрейджер Р., Фейдимен Д. Личность: теории, упражнения, эксперименты. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2008. – 704 с.

6. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. Основные положения, исследования и применение / Пер. с англ. С. Меленевской. – СПб.: Питер Пресс, 2008. – 607 с.

7. Васильева О.С., Демченко Е.А. Изучение основных характеристик жизненной стратегии человека // Вопросы психологии. – 2002. – №4. – С. 74-85.

8. Осипова Л.Б. Ценностные ориентации школьников старшего подросткового возраста / М-во образования и науки РФ, ГОУ ВПО «Тюменский гос. нефтегазовый ун-т. – Тюмень, 2011.

9. Современный словарь иностранных слов. – М., 1992.

10. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни – М., 1991. – 299 с.

11. Головаха Е.И. Жизненная перспектива и ценностные ориентации личности // Психология личности в трудах отечественных психологов. – СПб., 2000. – С. 266-267.

12. Шлапак Н.А. Категория «жизненные планы» // *Философские науки*. – 1974. – № 5. – С. 139-142.
13. Устинова О.В., Осипова Л.Б. Семья – основной институт воспроизводства населения (на примере юга Тюменской области) // *Вестник Казанского государственного технического университета им. А.Н. Туполева*. – 2013. – № 2. – С. 204.
14. Зубок Ю.А. Риск в социальном развитии молодежи // *Социально-гуманитарные знания*. – 2003. – С. 147-162.
15. Осипова Л.Б., Устинова О.В. Особенности формирования личности подростков в различных типах семей // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. – 2014. – № 2. – С. 14-19.
16. Осипова Л.Б., Устинова О.В. Формирование гражданственности в контексте развития личности молодого человека // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. – 2012. – № 6 (21). – С. 95-100.
17. Устинова О.В., Пивоварова И.В. Преодоление кризиса института семьи в России // *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика*. – 2014. – № 1. – С. 78-82.
18. Пивоварова И.В., Устинова О.В. Кризис современной семьи: понятие и причины // В сб: *Современные тенденции в образовании и науке. Сб. научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, 31 октября 2013 г.* – Тамбов, 2013. – С. 119-120.
19. Шилова Н.Н., Кравченко Е.А. Качество образовательного процесса: взгляд преподавателя и студента // *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика*. – 2014. – № 2. – С. 92-96.
20. Капшанова Г.А., Шилова Н.Н. Снижение напряженности на рынке труда: региональный аспект // *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика*. – 2011. – № 4. – С. 11-15.
21. Капшанова Г.А., Шилова Н.Н. Снижение напряженности на рынке труда: региональный аспект // *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика*. – 2011. – № 4. – С. 11-15.
22. Шилова Н.Н., Кравченко Е.А. Качество образовательного процесса: взгляд преподавателя и студента // *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика*. – 2014. – № 2. – С. 92-96.
23. Осипова Л.Б., Устинова О.В. Формирование гражданственности в контексте развития личности молодого человека // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. – 2012. – № 6 (21). – С. 95-100.
24. Назин Г.И., Мартынов М.Ю. Муниципальная политика в сфере образования и социальное положение молодежи: социологические аспекты. – Сургут: Изд-во СурГУ, 2001. – 220 с.
25. Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты / Под ред. М.К. Горшкова – М.: ИНАБ, ИС РАН, 2007. – 348 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
И ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

7.1. Социальные сети как социально-психологическое явление

История социальных сетей

Сам термин «социальная сеть» намного старше, чем виртуальная сеть. Год его рождения 1954, когда Д. Барнс, в рамках социологии, заговорил о том, что если считать личность определенным центром, то от него тянутся «ветки», составляющие круг его взаимодействий.

В 70-х годах XX столетия стали появляться праобразы современных сетей. По сути это были сообщества лиц, которые для поддержки контакта между собой использовали технические средства, в частности электронную почту. Спустя десятилетие появилась возможность общения «он-лайн», то есть в режиме реального времени. В итоге возникла сеть Интернет.

Собственно первой социальной сетью можно считать «Classmates.com», цель которой состояла в объединении лиц, учившихся вместе на разных стадиях получения образования. Данный проект оказался успешным настолько, что существует и сегодня (насчитывает более 50 миллионов пользователей). Кроме того по его подобию был создан целый ряд других сетей («Одноклассники», «Вконтакте», «Мой мир», «Фэйсбук» и другие).

Несколько иной тип социальной сети, представляющий собой платформу для размещения авторских текстов на любую тему, возник в 1999 году. Речь идет о сетевом-сервисе «Livejournal», о первом из блогов, то есть электронных дневников.

Что же касается вхождения термина «социальные сети» в науку, то произошло это в 60-70-ые годы прошлого века. Тогда П. Эрдос и А. Реньи занялись разработкой и описанием принципов создания и существования сетей. Вслед за ними Д. Уоттс и С. Строгач исследовали близость между группами и сообществами пользователей в сети, и на основании этого ввели коэффициент кластеризации [23, с. 109-121].

Сугубо психологические исследования Интернет, образовавшие впоследствии такой раздел, как киберпсихология, возникли в конце XX столетия. Если обратиться к отечественной науке, то одним из первых, кто начал исследовать данную проблему был А.Е. Войскунский, еще ранее занимавшийся проблема-

ми взаимодействия в системе «человек-машина». Вместе с соавторами, уже через год после возникновения первой социальной сети – в 1996, они публикуют работу, посвящённую специфике общения в сетях [2, с. 14-20]. И именно в данной работе сразу же ставится вопрос о позитивном и негативном влиянии сетей.

Однако, впоследствии некоторые авторы, в том числе А.В. Минаков, в 1999 году акцентирует внимание на негативном воздействии сети на личность. Он говорит о резком ухудшении качества речи, утрате эмоционального компонента при взаимодействии людей. В целом же он подошёл к идее «сильных регрессивных тенденций» [12].

Далее научный интерес переместился на связь вовлеченности пользователей с их личностными особенностями и реальными социальными процессами. Так А.Е. Жичкина и Е.П. Белинская обратились к вопросам о самопрезентации личности в сети, и о связи подобного явления с идентичностью пользователей [10].

Проблема самопрезентации в социальных сетях одна из самых востребованных в данной психологической отрасли. Выделяются основные признаки: никнейм (псевдоним); аватар (главная фотография); индикатор текущего состояния (например, статус); размещение продуктов собственного творчества; размещение фото- и видеоматериалов; различные разделы, посвящённые личной информации (интересы, убеждения; социально-демографические, статусные и иные характеристики пользователя) [9]. Между Е.Б. Белинской и Н.В. Гордеевым возникла заочная научная дискуссия. Первая считает, что социальные сети предоставляют максимально возможные ресурсы для самопрезентации, в то время как ее «оппонент» указывает на весьма ограниченные виртуальные возможности [4].

Противоположные мнения присутствуют и в отношении идентичности, реализуемой в социальных сетях. С одной точки зрения, виртуальная идентичность будет являться противоположной реальной, с другой – ее продолжением.

Нам кажется более правильной позиция К.О. Черняевой, которая предполагает наличие разных видов идентичностей, сформированных в социальных сетях: конгруэнтной, неконгруэнтной, фальшивой [21, с. 20].

В рамках исследований Интернета возникал вопрос о причинах популярности социальных сетей. Ответ на него попытались дать авторы книги «Влияние через социальные сети». Они указывают на то, что сети позволяют реализовать прокастинацию, осуществить уход от одиночества. Также причинами приобщения может стать ревность и стремление общаться [6]. Соколов М., анализируя эту же проблему, полагает, что интерес пользователей к социальным сетям, обусловлен тем, что там снимаются коммуникативные барьеры, а именно: 1) культурные; когнитивные; стратегические; технические [19, с. 9-39].

Понятие социальных сетей

Если рассматривать социальную сеть с технической точки зрения, то это веб-сайт, платформа разработанная для возможности построения взаимоотношений между пользователями за счет определенных граф [16]. Так А.С. Колесник дает следующее определение – «интерактивный многопользовательский сайт, «контент» (содержание) которого наполняется его посетителями, с возможностью указания какой-либо информации об отдельном человеке, по которой «аккаунт» (страницу) пользователя смогут найти другие участники сети» [11].

В общем психологическом смысле более удачна дефиниция О.М. Шахмаровой: «социальная сеть – социальная структура, состоящая из групп узлов, которыми являются социальные группы, личности, индивидуумы» [24, с.1002].

Кроме этого, есть еще ряд определений, которые делают акцент на психологической специфике сетей. Так В. Печенкин, выводит на первый план категории общения и самовыражения [14], А.М. Бекбулатова акцентирует внимание на социальных связях, имеющих в своей основе интересы и потребности личности [3].

Таким образом, на наш взгляд вполне уместно определять социальные сети и как особое виртуальное пространство, в рамках которого через взаимодействие с другими личность реализует свои базовые социальные потребности, тем самым создавая личный виртуальный коллективный субъект [20].

Признаки и свойства социальных сетей

К сожалению, в психологической литературе так и нет единой, признанной концепции. Существующие работы отличаются огромным разнообразием.

Так, у О.М. Шахмарова, мы встречаем наличие «друзей» и «групп» как основной признак социальной сети [24]. Однако, на наш взгляд это очень узкий и односторонний подход.

Другую, еще более специфическую позицию занимает Н.А. Носов, выделяющий в качестве основной черты присутствие квазиобщения [13]. Но коммуникация, происходящая в сетях не является воображаемой, нереальной. Она существует, только имеет свою специфику. Задача психологии определить, чем взаимодействие «вживую» отличается от опосредованного.

Характерные особенности социальных сетей выделял и А.В. Минаков. Но у него также все черты относятся именно к виртуальной коммуникации: анонимность; одновременное взаимодействие большого количества пользователей; утрата эмоционального аспекта взаимодействия, отсутствие невербальных средств; появление интернет-этикета (новые стили общения) [12].

Близкую позицию мы обнаруживаем в книге «Влияние через социальные сети» [6]. Здесь в качестве особенностей сети обозначены: анонимность,

затрудненность эмоционального элемента, своеобразие протекания процесс восприятия человеком человека, стремление к нетипичным, иногда девiantным, ненормативным формам поведения.

Белинская Е.П. называет следующие особенности: анонимность, дистантность, маркеры телесности [4].

Более точной нам кажется позиция, которая определяет свойства социальной сети через потребности, которые удовлетворяются в виртуальном мире. Так, если вслед за М.В. Рущиным, обратиться к критериям «удовлетворенности общением», то мы видим, что социальные сети действительно способны реализовать данные стремления личности, причем в более доступной и легкой форме [1]. Речь идет о следующем перечне: потребность в стимуляции; потребность в событиях; потребность в узнавании; потребности в достижении и признании; потребность в структурировании времени (последняя позаимствована у Э. Берна, который выделял такие виды структурирования времени, как ритуалы, процедуры, развлечения, близость, игры [5]).

Виды социальных сетей

Классификаций социальных сетей огромное множество. Объясняется это наличием большого числа критериев, по которым их можно делить на типы. В рамках нашего анализа мы попробуем перечислить все имеющиеся основания и соответствующие им виды сетей.

Они классифицируются по следующим основаниям:

- по тематике: общие и специализированные (например, для лиц определенной профессии);
- по форме общения: глобальные (люди обмениваются любыми типами сообщений: видео, аудио, текстовыми и т.д.), мультимедийные (фото, видео, аудио), блоговые (ведение блогов) и микроблоговые (обмен короткими текстовыми сообщениями);
- социальные сети подразделяются также на формальные и неформальные, и, близкая к ней типология – вертикальные и горизонтальные. Такая классификация строится на наличии или отсутствии четких прав, полномочий, а также обязанностей и ответственности участников, на определенной субординации;
- по цели пользователей: личное общение, деловое общение, развлечения, видеоматериалы, аудио, фото, геолокации, покупки, блоггинг, новости, вопрос-ответ, закладки, виртуальные миры, тематические;
- по доступности: открытые, закрытые, смешанные;
- по масштабу распространения: мир, страна, территориальная единица, город, без региона [18].

Функции социальных сетей

Большинство ученых, говоря о функциях социальных сетей и, в первую очередь, называют **коммуникативную**. Действительно, сама цель создания

сетей отсылает нас именно к сфере взаимодействия людей. И о какой бы форме не шла речь: о деловых, профессиональных контактах, о поддержке личных контактов со знакомыми людьми, о новых знакомствах, все это относится к процессу общения.

Из этой функции вытекают все остальные, реализуемые именно за счет наличия первой – коммуникативной:

- социализирующая,
- информационная (причем здесь, как нам кажется, акцент стоит сделать именно на обмене социальной информацией, а не на уровне познания и когнитивного развития),
- идентификационная,
- самоактуализирующая.

Все эти функции связаны с формированием коллективного субъекта личностью пользователя.

Единственный ресурс социальных сетей, который не будет относиться к социально-психологическому развитию личности, и поэтому выделен нами отдельно – это развлекательные возможности (музыка, фильмы, игры).

Влияние социальных сетей на личность

Мы уже говорили, что вопрос о влиянии сетей возник практически сразу же после их внедрения в массовое пользование. Приведем несколько различных авторских позиций.

Чаще всего мы встречаем работы, акцент в которых ставится на отрицательном влиянии социальных сетей. У П.П. Пономарева мы находим такой термин, как «аутичная экстравертированность», рождающаяся под влиянием сетей у интровертированного человека. Ее появление означает как чрезмерную общительность в сети, так и полное неумение контактировать с другими в реальности, что лишает личность возможности реальной самопрезентации. Автор также говорит о возможности утраты психического равновесия. Пономарев высказывает мысль, что социальные сети достаточно сильно влияют на эмоциональную сферу, вызывая возникновение одних, и исчезновение других, чтобы вызывать «крупные демографические и экономические изменения в обществе» [15].

Семенов Н.А. выделяет две основные проблемы: появление зависимости и утрата информационной безопасности. Причем в последнем случае, активное размещение пользователями сведений о себе, может приводить к проблемам в самых различных областях, от финансовых до семейных (так, переписка в сети может стать доступной партнеру и вызвать ревность, вплоть до развода) [18].

Более позитивный подход представлен в работах А.Е. Войскунского с соавторами. Среди выделенных ими последствий – расширение психологического опыта, социальной компетентности, реализация ряда потребностей

(быть в центре внимания, присоединение к группе, потребность в защищенности), возможность самопрезентации и экспериментирование с идентичностью, решение проблемы дефицита общения, рост информированности, улучшение эмоционального интеллекта [2, 7, 8].

У М.В. Реуцкого мы встречаем следующий спектр последствий воздействия сетей на личность. Во-первых, речь идет о формировании «микромира», в котором происходит утрата приватности и замена ее публичностью. Во-вторых реализуется потребность в информации о других, имеющая два полюса: интерес к жизни знакомых, близких и компульсивное стремление быть в курсе всех подробностей частной жизни окружающих. В-третьих, появляется новый стиль общения, с минимальной экспрессией, который может привести в реальной жизни к проблеме при построении непосредственного контакта. И, наконец, происходит перенос большинства коммуникаций в виртуальную форму [17].

Заметим, что с нашей точки зрения, данные последствия, хотя и не в полной форме, но очень точно отражают действительность. Мы бы расширили этот перечень тем, что в результате активного приобщения к социальным сетям, самореализация личности подменяется самовыражением, часто приобретающим навязчивую форму.

Тем не менее, любая из этих тенденций, не достигая сильной выраженности, способна внести и позитивный вклад в жизнедеятельность личности. Главным остается вопрос – какие личностные черты определяют степень вовлеченности в сеть и, следовательно, полюс их влияния?

Именно эта проблема и стала главной целью нашего эмпирического исследования, для реализации которого мы последовательно решали следующие задачи:

- Анализ общей активности личности в социальных сетях и выделение специфики ее вовлеченности.
- Выделение основных типов пользователей социальных сетей.
- Определение и уточнение специфики влияния на вовлеченность в сеть социально-психологических качеств личности.
- Оценка взаимосвязи специфики активности в сети с восприятием пользователями ее влияния на их жизнедеятельность.

7.2. Общие закономерности использования социальных сетей

Методы и методология исследования

Методологической основой данного исследования послужил принцип детерминизма. Мы предполагаем, что именно внутренние особенности личности, ее черты во многом опосредуют характер ее активности в социальных сетях. Но в то же время, если человек на протяжении длительного периода

весьма активно пользуется данным интернет-ресурсом, то сами сети будут оказывать влияние на динамику и формирование личностных качеств пользователя. Именно поэтому в рамках данной работы мы максимально уделили внимание взаимосвязям особенностей пользователей с их вовлеченностью и активностью в социальных сетях.

Мы остановились на следующих качествах:

- самооценка и специфика самоотношения;
- самочувствие, активность, настроение;
- особенности коммуникативной сферы (черты компетентного, зависимого и агрессивного типов личности, общительность, социально-коммуникативную компетентность);
- чувство одиночества;
- механизмы психологической защиты;
- смысло-жизненные ориентации;
- мотив достижения;
- мотив аффилиации;
- экстравертированность и интровертированность личности;

Также учитывались социально-демографические показатели – пол, возраст, образование.

Для изучения своеобразия активности и специфики вовлеченности применялась авторская анкета.

Исследование проводилось в несколько этапов на протяжении 2010-2013 годов, что позволило проследить и динамику изменений характера деятельности и общения в социальных сетях. В совокупности выборка составила 378 человек, в возрасте от 17 до 59 лет, из которых 214 женщин и 164 мужчин (жители Иванова, Ивановской области, Костромы, Ярославля, Москвы, Санкт-Петербурга).

В качестве обработки и подтверждения статистической значимости результатов использовались методы описательной статистики (нахождение дисперсии, вычисление средних, частотный анализ), факторный и корреляционный анализ, сравнение двух независимых выборок методом Т-критерия Стьюдента.

Итоги эмпирического исследования

Анализ результатов проведенного эмпирического исследования мы начнем с некоторой описательной статистики, позволяющей понять, какова специфика вовлеченности человека в социальные сети.

Если говорить о мотивации пользователей, то большинство (более 50 %) зарегистрировались в сети, чтобы соответствовать другим. Когда друзья и знакомые начинают пользоваться данным интернет-ресурсом, человек стремится делать то же самое. Вероятно, механизмы, за счет которых социальные сети стали столь популярными, имеют в своей основе подражание и за-

ражение. Среди остальных пользователей, по их ответам, причиной приобщения к сетям послужил собственный интерес к новым формам общения.

После того, как человек включается в сеть, видимо, происходит застревание. Об этом говорит то, что 84,8 % респондентов указывают, что посещают социальные сети не менее одного раза в день. Причем треть всех опрошенных затрачивают около 2-3 часов на «виртуальный сеанс». Если обратиться к структуре распределения времени и занятий современного человека в течении дня, то полученный показатель весьма внушительен и явно превышает время, отведенное личностью на непосредственное общение с другими людьми.

Выделена и еще одна группа (на наш взгляд группа риска по формированию интернет-аддикции) – это те, кто вообще не выходит из социальных сетей в течении дня (16,7 %).

При изучении количества «друзей» в социальных сетях мы выявили, что коло трети (35,8 %) респондентов указывают цифру в диапазоне от 50 до 100 человек. При обращении к реальности понятно, что данное число многократно завышено. Кроме того 23,9 %, то есть почти четверть всех опрошенных, в списках своих «друзей» имеет свыше 200 человек. Это значит, что данный ресурс позволят личности значительно увеличить круг общения. Однако, нельзя полагать, что это действительно может способствовать глубокому продуктивному общению. То есть коммуникативная сфера человека начинает развиваться по горизонтали, а не вертикали.

При анализе содержания активности в сетях мы выявили, что на первом месте стоит «общение» (92,5 %), затем следуют мультимедийные возможности (73,8), просмотр фотографий (46,3 %) и вступление в группы по интересам (23,8 %). Это подтверждает, что основной функцией сетей является именно коммуникативная.

Из других полученных данных, представляющих научный интерес, стоит отметить, что 60,1 % пользователей считают, что общение в социальных сетях дается им легче, чем реальное.

Это является, на наш взгляд, крайне опасной тенденцией. **Если личность будет ориентирована именно на коммуникацию в Интернете, то в итоге виртуальный мир и в других сферах окажется способным заменить реальный.**

В рамках анкетирования, мы попытались выявить, в чем заключается специфика виртуального общения. И, несмотря на то, что, как мы сказали, выше большая часть испытуемых указала на легкость общения, пользователями в основном выделяются негативные черты, такие как: отсутствие эмоционального контакта (53,8 %), искаженность смысла (25 %), недосказанность (25 %).

Среди положительных черт выделяются пониженная конфликтность (10 %) и отсутствие психологических барьеров (25 %). И как мы видим,

проценты респондентов, дающих подобные ответы значительно ниже. А значит, популярность виртуального общения достигается преимущественно за счёт легкости и простоты.

В рамках исследования мы проанализировали взаимосвязь вовлеченности человека в социальную сеть с его собственным мнением о ее **влиянии на жизнедеятельность самого респондента**.

При позитивном восприятии влияния социальных сетей личность демонстрирует высокую и разностороннюю активность, главной чертой которой можно считать предпочтение реальной коммуникации виртуальной.

Если же дается негативная оценка, при предположении объективной оценки, это не влияет на саму вовлеченность. Она по-прежнему остаётся высокой. Сохраняется и стремление к самопрезентации.

Особо стоит отметить, что такие пользователи готовы платить реальные деньги за предоставляемые социальной сетью услуги. Это значит, что **если человек вообще ощущает какое-либо влияния (хоть положительное, хоть отрицательное) сети на свою жизнь, это можно считать первым признаком начала формирования зависимости**. Отметим, что процент таких людей достаточно невысок и составляет всего лишь 15,2 %.

Для более глубокого и полного понимания причин активности личности в социальных сетях мы провели факторный анализ. Мы получили 5 факторов, отражающих тип личности, определяющий специфику ее вовлеченности и активности в социальных сетях.

Первый фактор – **«Стремление к публичности»** – связан с активностью, в основе которой желание сопоставить, сравнить себя с другими, не «отстать», соответствовать и главное создать и продемонстрировать позитивный, идеальный образ «Я».

Следующий фактор 2 – **«Потребность в коммуникации»** обнаруживает сильную вовлеченность, сопровождающуюся утрированным интересом к жизни других и высокой собственной коммуникативной активностью. Влияния сетей в данном случае будет однозначно негативным

Совершенная иная картина выявлена нами в отношении следующей категории лиц (Фактор 3. **«Доверие – настороженность»**). Это пользователи с крайне низкой активностью по всем сферам, представленным социальными сетями, сопровождающейся отсутствием желания у таких людей размещать информацию о себе. Здесь главным вопросом выступает мотивация вступления в социальные сети.

Использование сетей для общения с близкими и для развлечений характерно для другой группы пользователей (Четвертый фактор **«Интимности»**). Главная цель подобных лиц поддержание контактов с самыми близкими людьми, а также использование мультимедийных ресурсов. Расширение круга общения, самопрезентация, публичность здесь отсутствует.

И, наконец, последний, пятый фактор **«Рационального использования»** предполагает конструктивное решение различных проблем, поддер-

жание деловых контактов, быстрый поиск нужных людей, ориентацию на функции оповещения других.

Таким образом, последние 2 выявленных фактора, говорят о том, что при определенной мотивации, пользование социальными сетями лишь способствует решению конкретных задач. Однако, нельзя забывать, что получены были и данные, свидетельствующие о том, что есть категории людей, сильно застревающих и демонстрирующих высокую, но непродуктивную активность, касающуюся либо самопрезентации, либо болезненного интереса к жизни других. Также неоднозначна и группа тех, у кого сети вызывают ряд опасений и тревог. Но, тем не менее, они регистрируются в данных интернет-ресурсах.

Наш вывод в том, что социальные сети сами по себе не являются психологически опасными или негативно влияющими на личность. Однако для некоторых они становятся неэффективным средством решения проблем. И изучение того, какими чертами обладают такие лица, и о каких именно проблемах идет речь, становится необходимым и следующим этапом исследования.

7.3. Социально-психологические качества, влияющие на вовлеченность в социальные сети

В продолжение исследования мы остановимся на изучении социально-психологических особенностей личности, определяющих ее стремление активно существовать в социальных сетях. Среди качеств, выступающих потенциальными детерминантами вовлеченности в виртуальные сети, мы будем рассматривать: самооценку, коммуникативную сферу личности, механизмы психологической защиты, мотивы, смысло-жизненные ориентации, уровень одиночества, самочувствие, активность, настроение, экстраверсию-интроверсию.

Начиная анализ с **самооценки** личности, мы оценили взаимосвязь деятельности в социальной сети и с ее интегральным уровнем и различными аспектами.

Мы выявили, что лица с **высокой самооценкой**, характеризуются в рамках своей активности в сетях стремлением к общению и интересом к другим. Сама вовлеченность не принимает формы зависимости, не становится компенсацией. При **низкой самооценке** наблюдается необходимость в социальном одобрении. Активность же становится неконструктивной и чрезмерной.

Для лиц с низкими ожиданиями **по отношению к себе** сеть является функциональным средством, или средством соответствия социальной моде. Но при этом такие пользователи, по сути, не заинтересованы в активном использовании сети.

Высокий **самоинтерес** по результатам исследования свойственен тем, у кого нет непреодолимой потребности быть в сети. И наоборот, лица с отсут-

ствием интереса к себе, обладают зависимостью от возможности выхода в сеть и крайне высокой активностью.

Самоуверенные пользователи также не являются «активистами» в использовании данных интернет-ресурсов. Их «виртуальная специфика» сводится лишь к повышенной открытости, что может свидетельствовать о чрезмерном проявлении стремления к публичности.

Те респонденты, у которых присутствуют высокие **ожидания отношений других**, характеризуются высокой активностью в сети. Однако обнаружено некоторое противоречие: с одной стороны у них присутствует явное доверие к социальным сетям, с другой – скрытость, и желание сохранить определённую дистанцию с другими пользователями.

Низкое самопринятие, связано с глубокой вовлеченностью в сеть, которая ориентирована на расширение взаимодействий (за счет формальных признаков – количества «друзей»), и создание иллюзии постоянного и продуктивного общения.

Стремление ощутить связь, единство с другими, сформировать у них позитивное мнение о себе, то есть потребность в идентичности, в коллективном субъекте и в положительной самопрезентации, присущи лицам с **низкой самопоследовательностью**. **Выраженное самообвинение** приводит к росту и расширению активности в сетях. Характерным является одновременный интерес к другими и некоторая скрытность.

Активность в сети повышается и при **отсутствии самопонимания**, но ее специфика связана со стремлением к самопрезентации и ориентацией на коллективные формы общения (в сообществах, группах, собственным созданием «бесед» с несколькими участниками).

Низкое самоуважение специфично для тех, у кого очень ярко проявляется тенденция к «самолюбованию» в сети при сохранении интереса к жизни других. **Аутосимпатия**, точнее ее **низкая** выраженность, также вызывает сильную вовлеченность, значительное расширение круга общения.

Таким образом, мы подтвердили, что **чрезмерная вовлеченность и неконструктивная, высокая активность** характерна тем пользователям у кого низкая аутосимпатия, отсутствует самопонимание, самопоследовательность, самопринятие, самоуверенность, самоинтерес, но при этом выражены ожидания отношений других.

Ориентация на расширение контактов, потребность в связях, сборности с другими присуща респондентам с низким уровнем аутосимпатии и самопоследовательности. **Самопрезентация и публичность** реализуются в социальных сетях теми, у кого отсутствует самоуважение и самопонимание.

Отсутствие активности в социальных сетях и интереса к ним свойственно лицам с низкими ожиданиями по отношению к себе со стороны других.

Рассмотрим такие характеристики личности как самочувствие, личностную активность и настроение. При хорошем **самочувствии** личность ориен-

тируется в сетях на самопрезентацию, публичность и, одновременно, на взаимодействие с другими. Однако стремление создать и донести до других свой образ Я носит чрезмерный характер, стирающий границы внутреннего Я, а в коммуникации присутствует неразборчивость в контактах. Такая же специфика общения в сетях проявляется и у лиц с высокой **личностной активностью**. Ориентация на взаимодействие, но с критичным восприятием социальных сетей, свойственна пользователям с хорошим **настроением**.

Коммуникативная сфера личности стала следующим важным этапом нашего анализа.

Полученные данные свидетельствуют, что при преимущественном проявлении черт **компетентного типа**, личность не характеризуется навязчивым стремлением быть в сети постоянно. Ее общение в виртуальности будет максимально соответствовать реальному.

Выраженная склонность к **зависимому типу** соответствует появлению интернет-аддикции, хотя при этом не выявлено ни повышенного стремления к самопрезентации, ни к взаимодействию с другими. То есть общая склонность к зависимостям проявляется и в социальных сетях, но сами по себе они не представляют интереса для личности.

Лица, со сформированными чертами **агрессивного типа**, характеризуются тенденцией и к самовыражению, и к общению. Однако последнее связано развитием не качества, а количества. Такие лица просто расширяют формальный перечень своих «друзей» без реализации взаимодействия с ними.

Следующий показатель, по которому мы можем оценить специфику коммуникативной сферы личности, это ее **общительность**. И главный аспект, который мы обнаружили, заключен в том, что высокая общительность личности в реальном мире элиминирует любые формы активности в социальных сетях. Соответственно, при отсутствии этого качества у человека начнет формироваться зависимость от сетей. Какого-то определённого направления виртуальная активность не принимает. Такие пользователи стараются использовать всевозможные ресурсы социальных сетей.

Еще один рассматриваемый аспект сферы общения личности – **коммуникативная социальная компетентность (КСК)**.

Склонность ко лжи, как показатель КСК присуща пользователям, ориентированным на общение.

Чувствительность же приводит к активному использованию сразу нескольких сетей. Хотя специфика вовлеченности не определяется: ни мультимедиа, ни игры, ни общение таких пользователей не привлекают.

Независимость связана с отсутствием желания проводить время в сети. Если лица с высокими показателями данной особенности КСК заходят в сеть, то очень ненадолго.

Отсутствие какой-либо высокой активности свойственно и лицам с высокой **эмоциональной устойчивостью**.

Еще один компонент коммуникативной социальной компетентности, **логическое мышление**, которое приводит к тому, что пользователи становятся ориентированными на развлекательные функции, а возможности самовыражения и виртуальной публичности их не интересуют.

Склонность к ассоциативному поведению повышает активность в сети, направленную на общение, причем в основном с теми, с кем личность не взаимодействует в реальности. Однако сама оценка виртуальной коммуникации у таких пользователей достаточно негативная.

Одиночество, как реальное состояние личности, проявляется в социальной сети, прежде всего, на уровне мотивации регистрации. Такие пользователи вполне логично указывают, что их главная цель – избавление от одиночества. Кроме этого у них наблюдается специфическая реакция на предложения о «дружбе»: они вносят в список своих контактов («друзей») всех без исключения. При такой позиции, на наш взгляд, невозможно выстроить глубокое полноценное взаимодействие, которое бы реально смогло повлиять на чувство одиночества. А вот зависимость от сетей, с формальным наличием огромного количества «друзей» может возникнуть.

Остановимся на изучении взаимосвязи активности в сети с **механизмами психологической защиты**.

Отрицание, присущее личности как доминирующий тип защиты, точно также будет проявляться и в данной сфере. Утверждая, что социальные сети не имеют для них никакого значения, пользователи, тем не менее, будут реализовывать там потребность в причастности к другим, в самопрезентации, будут удовлетворены общением (и, не смотря на это, говорят о том, что такая коммуникация неэффективна, так как оставляет множество недосказанности).

Вытеснение приведет к тому, что человек будет пытаться уйти в игры, которые широко представлены в социальных сетях.

Развлекательная функция, но реализуемая за счет просмотра видео, проявляется при **рационализации**.

Такой тип защиты, как **регрессия**, связан с застреванием личности в сети, а также с навязчивым стремлением к самопрезентации и публичности в виртуальном пространстве.

При выраженной **проекции** наблюдается высокий интерес личности к другим, реализуемый в социальных сетях.

Инверсия же сочетает эти виды активности: и самовыражение с публичностью, и общение с чувством причастности к другим.

Отсутствие стремления к общению, как и вообще выраженной мотивации использования данного ресурса, но сопровождающегося длительным времяпрепровождением там, характерно для лиц с развитым **замещением**.

Идентификация (относимая рядом авторов к МПЗ, что на наш взгляд, не совсем правильно, так как это необходимый механизм социализации

личности) направляет активность личности сети в сферу общения и базируется на интересе к другим.

В итоге можно говорить о том, что **Интернет является полем реализации изначально присущих личности типов психологической защиты. Если пользователь характеризуется сильной выраженностью какого-либо непродуктивного механизма, то данная склонность благодаря социальным сетям усилится, и в качестве побочного эффекта может начаться формирование интернет-аддикции.**

Мы также изучали **смысло-жизненные ориентации (СЖО) и мотивацию личности** и их влияние на активность в социальных сетях.

Снижение вовлеченности наблюдается при выраженности всех компонентов СЖО (цели, процесс, результат, локус Я, локус жизни). Такие лица редко посещают сети, тратят на них очень мало времени, не пользуются приложениями, и при этом не считают, что Интернет может решить проблему одиночества. То есть **наличие развитых смысло-жизненных ориентаций гарантировано позволяет избежать зависимости и негативного влияния социальных сетей.**

Мотив **достижения**, хотя и вызывает некоторую ограниченность виртуальной коммуникации, связан с позитивной оценкой влияния сетей на жизнь пользователей. Как мы говорили выше, ощущение интернет-воздействия является негативным признаком вовлеченности. Также эти данные можно интерпретировать, как показатель того, что **готовность взаимодействовать со всеми в рамках социальных сетей будет присуща лицам с мотивом избегания неудач.**

Стремление к принятию (как вид мотива аффилиации) запускает стремление к самопрезентации, в то время как **страх отвержения** заставляет личность искать в социальных сетях способы избегания одиночества. Кроме этого, чем сильнее выражены в мотивационной структуре мотивы **комфорта, общения и общей активности**, тем важнее для человека становится виртуальная коммуникация со своими друзьями и знакомыми. Таким образом, мы видим, что **мотивы личности определяют, прежде всего, специфику реализуемой в сети системы взаимодействий.**

Остановимся на изучение влияния **экстравертированности и интровертированности личности** на характер использования социальных сетей.

Было выявлено, что **экстравертам** присуще более частое использование сетей. Причем у них быстро возникает привычка, их все устраивает в данном интернет-ресурсе. То есть **при высокой вовлеченности обнаруживается позитивное, не критичное восприятие сетей.**

Интроверты реже посещают сети, и более дифференцировано их используют: для знакомства с новыми людьми, для самопрезентации, а также участия в рейтингах. При этом, они осознают, что сети отнимают у них много времени, их это не устраивает, однако они продолжают оставаться поль-

зователи. То есть **критичная оценка**, тем не менее, не перерастает в действия по сокращению времени он-лайн. Таким образом, **любая направленность, если она выражена достаточно сильно, приводит к разной, но проблемной вовлеченности в сеть.**

*Социально-демографические особенности личности
и характер использования социальных сетей*

В рамках нашей работы мы рассматривали влияние пола, возраста и образования на особенности вовлеченности личности в социальные сети.

Начнем с анализа **половых различий.**

Для женщин более свойственны регистрация и использование сразу нескольких социальных сетей. При этом они обнаруживают как интерес к жизни других, так и тенденцию к публичности и самопрезентации.

Активность мужчин носит более конкретный развлекательный характер. Они активно используют мультимедийные ресурсы (видео, аудио файлы), игры, приложения. Кроме этого, социальные сети служат местом осуществления романтических знакомств и поиска партнёров в сексуальной сфере.

Мы не можем оценить то, чья активность и вовлеченность в социальные сети выше. Но выявлено, что характер использования данного интернет-ресурса у мужчин и женщин отличается по своей направленности.

В рамках изучения вопроса о влиянии **возраста**, было выявлено, что чем старше пользователь, тем реже он посещает данный интернет-ресурс. Причем каждый «сеанс» у них является достаточно емким по времени. Количество «друзей» у них снижается, вероятно, присутствует более критичный подход к расширению списков своих контактов.

У лиц старшего возраста мультимедийные возможности сетей не вызывают интереса. Главная цель обращения к данным сайтам – желание общаться (в том числе с теми, с кем не удастся взаимодействовать в реальной жизни). В рамках виртуальной коммуникации им не свойственны конфликты. Отказаться от общения в социальных сетях они готовы в любой момент.

Мы видим, что зрелые люди демонстрируют отсутствие негативных признаков зависимости от сетей и характеризуются ориентацией на общение, которое не заменяет, а дополняет реальное взаимодействие человека.

Далее мы анализировали уровень **образования**, как фактор определяющий активность личности в социальных сетях. По итогам исследования мы получили, что чем выше уровень образования, тем ниже различная активность.

Такие пользователи реже посещают данный ресурс. Они не просматривают новости «друзей», не оставляют своих комментариев к чужим записям и снимкам. Различные приложения, распространенные в сетях, также не входят в круг их интересов. Мы не можем утверждать и ориентацию на общение, так как они указывают, что их не устраивает качество виртуальной коммуникации.

В итоге можно говорить, что при высоком уровне образовании остается не выясненной мотивация использования социальных сетей, так как данные пользователи не проявляют никакой активности в рамках данного интернет-ресурса.

* * *

На основе проделанных исследований можно сделать ряд конкретных выводов.

Во-первых, социальные сети могут оставаться функциональным средством, способствующим решению конкретных жизненных задач, или становиться средой, вытесняющей реальность, усугубляющей проблемы личности и вызывающей зависимость. Вариант развития взаимодействия человека с данным интернет-ресурсом зависит, в первую очередь, от его социально-психологических качеств.

Для наглядности мы представили данные, отражающие этот вопрос в таблице.

Таблица 7.1

**Характеристики личности в зависимости
от характера использования социальных сетей**

Крайне низкая вовлеченность в социальные сети	Социально-психологические особенности	Зависимость от социальных сетей
Высокая.	Независимость.	Низкая.
Высокая.	Эмоциональная устойчивость.	Низкая.
Высокая.	Общительность.	Низкая.
Присутствуют.	Черты компетентного типа.	Отсутствуют.
Отсутствуют.	Характеристики зависимой личности.	Присутствуют.
Низкие.	Ожидания по отношению к себе со стороны других.	Высокие.
Высокие.	Самоинтерес, аутосимпатия, самопонимание, самопоследовательность, самопринятие, самооувренность.	Низкие.
Развитые.	Смысло-жизненные ориентации (цели, результат, процесс, локус Я, локус жизни)	Неразвитые.
Отсутствует.	Одиночество в реальной жизни.	Присутствует.
Выражена либо экстраверсия, либо интроверсия.	Экстравертированность-интровертированность	Не выражены ни экстраверсия, ни интроверсия.

Во-вторых, признаком слишком глубокого погружения в социальные сети является тот момент, когда личность начинает ощущать их влияние, как отрицательное, так и положительное.

В-третьих, выявлены психологические портреты лиц, характеризующихся специфической формой активности в сетях.

- **Ориентация на развлекательные функции** (мультимедия): логическое мышление, рационализация (как механизм психологической защиты).

- **Общение, потребность в единстве с другими:** склонность к обману, к ассоциативному поведению, выраженные механизмы психологической защиты: отрицание, инверсия, низкий уровень аутосимпатии и самопоследовательности, мотив избегания неудач, страх отвержения, выраженные мотивы комфорта, общения и общей активности, хорошее самочувствие и настроение, высокая активность.
- **Самопрезентация, самовыражение, публичность:** выраженные черты агрессивного типа, отрицание и инверсия (как виды психологической защиты), отсутствие самоуважения и самопонимания, стремление к принятию, хорошее самочувствие.
- **Игровая активность:** вытеснение (как доминирующий механизм психологической защиты).

В-четвертых, социально-демографические особенности также определяют характер использования социальных сетей. Мужчины и женщины различаются не по степени вовлеченности в данный интернет-ресурс, а по сферам активности. Женщинам характерно стремление к публичности, самопрезентации, а также интерес к жизни других. Мужчины направлены на романтические знакомства и развлекательные возможности сайтов. Лица старшей возрастной категории ориентированы на общение в сетях, которое лишь дополняет реальное. При высоком уровне образования активность еще ниже и не носит ярко выраженного характера. Остается открытым вопрос о причинах, побуждающих их регистрироваться на данных сайтах.

Подобные результаты исследования, на наш взгляд, способны не только помочь при консультации по вопросам интернет-аддикций, но и позволяют предсказать специфику использования личностью интернет-ресурсов, диагностировать ряд ее черт и проблем.

Библиографический список к главе 7

1. Андриенко Е.В. Социальная психология. – М.: Академия, 1999.
2. Арестова О.Н., Бабанин Л.Н., Войскунский А.Е. Коммуникация в компьютерных сетях: психологические детерминанты и последствия // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. – 1996. – № 4. – С. 14-20.
3. Бекбулатова А.М. Психологические особенности общения молодежи в социальных сетях [Электронный ресурс] // Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого. – Режим доступа: www.scienceforum.ru/2014/pdf/4824.pdf (дата обращения: 2 сентября 2014).
4. Белинская Е.П. Интернет и идентификационные структуры личности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://banderus2.narod.ru/70244.html> (дата обращения: 20 сентября 2014).
5. Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы. – СПб.: Лениздат, 1992.

6. Влияние через социальные сети / Под общей ред. Е.Г. Алексеевой. – М.: Фонд «ФОКУС-МЕДИА», 2010.

7. Войскунский А.Е. Интернет – новая область исследований в психологической науке // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. Выпуск 1 / Под общ. ред. Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2002. – С. 82-101.

8. Войскунский А.Е., Бабанин Л.Н., Арестова О.Н. Социальная и демографическая динамика сообщества русскоязычных пользователей компьютерных сетей // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А.Е. Войскунского. – М.: Терра-Можайск, 2000. – С. 141-191.

9. Гримов О.А. Самопрезентация и самоидентификация личности в социальных сетях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/6_PNI_2013/Psihologia/12_129127.doc.htm (дата обращения: 27 сентября 2014).

10. Жичкина А.Е., Белинская Е.П. Стратегии самопрезентации в Интернет и их связь с реальной идентичностью [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/strategy> (дата обращения: 5 сентября 2014).

11. Колесник А.С. Что такое социальные сети. История создания социальных сетей [Электронный ресурс] // Образовательный портал. – 2012. – <http://klasnaocinka.com.ua/ru/article/chto-takoe-sotsialnie-seti-istoriya-sozdaniya-sots-2.html> (дата обращения: 14 июля 2014).

12. Минаков А.В. Некоторые психологические свойства и особенности Интернет как нового слоя реальности [Электронный ресурс] // Интернет-портал «Флогистон». – 1999. – Режим доступа: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/minakov> (дата обращения: 1 октября 2014).

13. Носов Н.А. Виртуальная психология. – М.: Аграф, 2009.

14. Печенкин В. Анализ социальных сетей в ожидании чуда [Электронный ресурс] // Журнал Компьютера. – 2005. – № 42. – Режим доступа: <http://old.computerra.ru/offline/2005/614/239245/> (дата обращения: 4 сентября 2014).

15. Пономарев П.П. Социальные сети – протест, свобода или безумие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/web-3.htm> (дата обращения: 1 сентября 2014).

16. Работа с электронной почтой, социальные сети, блоги, твиттеры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://webkonspect.com/?id=138&labelid=2343&room=profile> (дата обращения: 7 сентября 2014).

17. Реуцкий М.В. Социальные сети: парадокс зависимости и квазиобщения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/web-4.htm> (дата обращения: 4 октября 2014).

18. Семенов Н.А. Все о социальных сетях. Влияние на человека [1/4] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://secl.com.ua/article-vse-o-socialnyh-setjah-vlijanije-na-cheloveka.html#part1> (дата обращения: 5 октября 2014).

19. Соколов М. Онлайнный дневник, теории виртуальной идентичности и режимы раскрытия персональной информации // *Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet*. – СПб.: Издательство СПбГУ. – 2006. – С. 9-39.
20. Сушков И.Р., Козлова Н.С. Реальность и виртуальность в сознании личности // *Европейский журнал социальных наук*. – 2014. – № 4, Т. 2(43). – С. 256-263.
21. Черняева К.О. Культурная идентификация в условиях глобализации: случай социальных сетей: автореф. дисс. ... канд. соц. наук: 22.00.06. – Саратов, 2010. – 22 с.
22. Чудова Н.В. Особенности образа Я «жителя» Интернета // *Психологический журнал*. – 2002. – № 1. – С. 54-59.
23. Чуракова А.Н. Анализ социальных сетей // *Социс*. – 2001. – № 1. – С. 109-121.
24. Шахмарова О.М., Болтага Е.Ю. Психологические аспекты общения в социальных сетях виртуальной реальности // *Известия ПГПУ им. В.Г. Беллинского*. – 2011. – № 24. – С. 1002-1008.

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОЙ
СТРАТИФИКАЦИИ В РОССИИ В ОЦЕНКЕ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

**8.1. Тенденции социальной стратификации в 1990-е годы:
динамика, методологические подходы**

Годы экономических реформ в России, начавшихся с образования Российской Федерации и продолжающихся до настоящего времени, изменили не только экономическую, но и социальную жизнь страны, приведя в массовом масштабе к смене социальных статусов и позиций. Перераспределение государственной собственности и возникновение частного сектора в 1990-е годы, реструктуризация экономики и рост безработицы, отсутствие единой политики регулирования заработной платы и неограниченная концентрация ресурсов в руках отдельных честных лиц и финансовых групп обусловили масштабное увеличение материально-имущественной дифференциации населения, вели к постоянной смене стратификационных критериев [5, с. 32]. Да настоящего времени нет четкой картины социальной структуры населения в России, критерии стратификации подвижны, представления о бедности и богатстве трансформируются из года в год. В последние годы стала ярко проявляться территориальная стратификация, в основе которой лежат различия между территориями проживания и регионами, где условия проживания, уровень и качество жизни, социальное самочувствие населения и его представления о бедности, достатке и богатстве в типовом муниципальном образовании (городе, поселке) будут различаться по регионам.

Уже в начале 1990-х гг. стали появляться работы отечественных социологов, которые имели целью показать специфику стратификационных процессов в российском обществе, выявить основные стратификационные критерии, раскрыть особенности соотношения в системе социальной иерархии различных слоев и групп населения. Следует отметить, что в истории российской социологии изучением социального неравенства занимались и в советский период, однако на тот момент понятие «социальная стратификация» было в силу конъюнктурных причин не в ходу у исследователей [34, с. 306].

Изучение стратификационных процессов, начавшихся в России с конца 1980-х гг., в отечественной социологии стало осуществляться в рамках структурно-функционального подхода. При этом, практически все исследователи не разводили (и до сих пор не разводят) понятий «социальная стратифика-

ция» и «социальная структура», используя понятие «социальная структура» исключительно в узком смысле, как синоним понятия «социальная стратификация», оставляя ряд вопросов, связанных с гендерными, этническими, институциональными и т.д. аспектами социальной структуры за пределами своего внимания [39, с. 3].

Чтобы разобраться в особенностях социальной стратификации современного российского общества, необходимо, во-первых, ответить на вопрос какие критерии лежат в основе выделения социальных слоев и групп, во-вторых, какое положение в стратификационной системе занимают отдельные социальные группы и в чем проявляются их специфические черты, и, наконец, к какой социальной структуре в итоге движется Россия. Учитывая, что определение критериев социальной стратификации, и, далее, выстраивание по ним иерархической лестницы соотношения слоев и групп населения, является не более чем теоретической конструкцией, необходимо, при ответе на вышеуказанные вопросы, в первую очередь проанализировать уже имеющиеся на данный момент авторские теории социальной стратификации.

Одной из основных стратификационных категорий, которой оперируют российские и западные социологи, выступает категория «классы», сформировавшаяся в марксистской и окончательно оформившаяся в веберовской социологии. Существовавшая в советской науке классовая теория, носящая глубоко политизированный характер, подорвала у современных социологов доверие к понятию «классы», однако, сложившаяся к середине 1990-х гг. в отечественной науке методологическая ситуация, настоятельно потребовала учета с самых строгих научных позиций процессов дифференциации и интеграции социально неоднородных групп и категория «классы» вновь вернулась в отечественную науку.

Российский социолог В. Ильин в своих работах обосновал необходимость использования в стратификационной теории понятия «классы», отметив, что предметом классового анализа являются социально-экономические группы, связанные между собой социальными отношениями, занимающие разное место в общественном разделении труда [21]. По мнению В. Ильина ответ на вопрос: «В какой мере классовый анализ актуален для постсоветской России?» зависит от двух факторов. Во-первых, классовый анализ актуален для России в той мере, в какой в ней сформировалось общество с экономикой опирающейся на рыночные отношения и частную собственность на средства производства. Во-вторых, классовый анализ актуален для исследователей, которые считают, что распределение капитала в обществе оказывает мощное воздействие на формирование его социальной структуры, соответственно, исследователи, не придерживающиеся такого мнения, могут использовать другие категории.

В качестве ключевого фактора формирования классовой структуры, по мнению В. Ильина, выступает капитал, соответственно классы – это социаль-

ные группы, различающиеся своим отношением к капиталу: у одних он есть, у других нет, у одних это средства производства или финансовый капитал, у других – капитал культурный [21]. Следует отметить, что еще в классических теориях XIX в. капитал ограничивался конкретными материальными формами: деньгами и средствами производства. В XX в. были сделаны попытки расширить понятие капитала на новые объекты. Так, появились понятия «человеческого», «социального», «культурного» и «организационного» капитала. Однако расширение списка материальных форм капитала только подчеркивало необходимость определения сущности этого явления. Согласно оценке К. Маркса, капитал – это процесс и «объективное содержание этого процесса – возрастание стоимости», при этом капитал представляет своего рода коэффициент перед показателем простого труда, который в определенном рыночном контексте может вести к возрастанию стоимости продукта простого труда. Роль такого коэффициента выполняют не только средства производства, но и знания, опыт, связи, имя и т.д. Так, хорошо обученные и опытные рабочие построят дом гораздо быстрее и качественнее, чем строитель-дилетант, не имеющий ничего, кроме рук и намерения. При этом капитал, трансформирующийся в элементы социальной структуры, размещен в обществе очень неравномерно.

Используя капитал как основной критерий стратификации, В. Ильин разделил социально-классовое пространство на четыре основных поля [21]:

1. Социальное поле рабочего класса, состоящее из статусных позиций, занимаемых простой наемной рабочей силой, продающейся и покупающейся как товар. Идеальным типом рабочего в этом пространстве выступает неквалифицированный работник, продающий свою рабочую силу, основным содержанием которой является данный ему от природы потенциал. В пространстве позиций рабочего класса выделяется и зона относительно квалифицированного труда, удельный вес которой колеблется от страны к стране и зависит от технологической оснащенности производства. При этом квалифицированные рабочие обладают и культурными ресурсами, формальными индикаторами которых являются разряды, стаж работы по специальности и т.д. Удельный вес рабочих, обладающих заметным культурным капиталом, зависит от характера производства: чем более оно технически сложно, тем больше требуются рабочие, подготовка которых занимает достаточно большой промежуток времени.

2. Социальное поле буржуазии опирается на внешние по отношению к индивидам виды капитала – деньги, средства производства, землю. Формой материального вознаграждения в данном случае являются дивиденды на капитал. Идеальный тип буржуа в этом пространственном поле выступают классические рантье и современные акционеры [22].

При исследовании формирующейся сегодня в России социальной структуры, феномен буржуазии создает серьезные методологические проблемы,

поскольку вместо индивидуального хозяина здесь выступает акционерное общество с запутанной многоступенчатой структурой собственности. Однако, как отмечает В. Ильин, методологические проблемы изучения этого феномена можно уменьшить, если отказаться от архаической фигуры индивида-капиталиста как единицы этого класса, поскольку есть класс как пространство позиций, наделенных собственностью на средства производства и денежный капитал, и есть конкретные индивиды, входящие в это пространство (вследствие приобретения акций) и выходящие из него (в результате разорения или продажи акций).

3. Социальное поле традиционного среднего класса состоит из статусных позиций, требующих соединения в одном лице рабочей силы и организационного капитала, а часто и средств производства [22]. Типичная статусная позиция этого поля – работник, непосредственно выходящий на рынок товаров или услуг. Эта позиция часто дополняется средствами производства и денежным капиталом (фермеры, ремесленники, мелкие торговцы и т.д.), однако нередко она может обходиться и без них (адвокат, врач, художник и т.п., имеющие обычно только культурный и организационный капитал). Формой материального вознаграждения является доход, включающий и заработную плату, и разного вида дивиденды. Здесь также различаются классовые позиции и люди, занимающие их, но при таком подходе совмещение одним человеком позиций мелкого собственника и рабочего или служащего не создает для исследователя тупиковой ситуации [21].

4. Социальное поле нового среднего класса, где идеальным типом выступает наемный работник, обладающий большим объемом культурного капитала, дивиденды на который и дают ему основной доход. Типичными представителями этого класса являются менеджеры, разного рода эксперты и консалтеры, работающие в коммерческих фирмах, причем характер труда в данном случае не важен [21]. Представитель нового среднего класса, как и рабочий, обладает рабочей силой, однако компания платит ему основную часть его дохода не за это, а за культурный капитал, предоставляемый в ее распоряжение. Чем сложнее культурный ресурс, тем он дефицитнее, а в условиях рынка превышение спроса над предложением ведет к росту цены. Поэтому чем дефицитнее специалист (больше опыт, лучше образование, репутация), тем больше желающих его нанять, тем больший предлагается денежный доход.

Денежный доход наемного работника в позиции нового среднего класса состоит из двух основных частей: 1) заработная плата, равная стоимости рабочей силы, которая одинакова и у генерального директора, и у грузчика; 2) дивиденды на культурный капитал [21]. У рабочего тоже могут быть дивиденды на культурный капитал (например, плата за разряд, за стаж и т.д.), но основной доход рабочего – это плата за его рабочую силу. Поэтому классовые различия между пролетариатом и средними слоями состоят не в на-

боре элементов их дохода, а в их количественных соотношениях, которые формируют новое качество.

По мнению В. Ильина в условиях рынка один и тот же культурный ресурс может быть капиталом, а может и не быть. Если на специалистов нет спроса, то их культурный ресурс не приносит их обладателям никаких или почти никаких дивидендов. Тогда специалист высокого класса получает заработную плату, сопоставимую с доходом рабочего средней квалификации. Особенность рынка заключается в том, что он способен размывать классовые границы. Диплом любого характера, в т.ч. доктора наук, не гарантирует от попадания в ряды интеллектуального рабочего класса – ситуация, ставшая типичной для современной России. В иной рыночной ситуации тот же человек может оказаться в большой цене и получать дивиденды на культурный капитал. Поэтому сами по себе образование, опыт, знания не являются культурным капиталом, они могут превратиться в капитал лишь в процессе рыночного обмена. Отсюда следует, что профессиональная структура может расходиться с классовой. Это проявляется в том, что в одной стране обладатель культурного ресурса попадает в ряды нового среднего класса, а в другой стране он в рядах рабочего класса. Такие же колебания возможны и между регионами [21].

В оценке В. Ильина, классовая структура является атрибутом только рыночной экономики, результатом конвертирования экономических процессов воспроизводства капитала в социальные процессы его неравного распределения. Если в России есть частная собственность на средства производства, есть свободный рынок труда и капиталов, то здесь есть и классовая структура, а следовательно необходим и классовый анализ как теоретический инструмент ее интерпретации [21].

Таким образом, В. Ильин предложил взять за основу при изучении процессов социальной стратификации и системы социальной структуры в современной России классовый подход с опорой на экономические критерии, основным из которых выступает капитал.

Исследователь Е.Д. Игитханян, при изучении системы социальной стратификации на примере г. Иркутска, выделила иные стратификационные критерии: отношение к собственности, степень автономности труда, материальное положение, характер включения во властные отношения и социальную самоидентификацию [20]. В результате проведенного исследования были определены черты основных страт, существующих в России и охватывающих основную массу населения.

Верхняя, наиболее гомогенная страта, объединяет хозяйственных руководителей, представителей экономических структур. Их характеризует высокий уровень самостоятельности труда и материального положения, они идентифицируют себя со слоями «элита» и «высший слой». Вторая страта консолидирует занятых на государственных предприятиях: руководителей

более низкого уровня, специалистов технического профиля, высококвалифицированных рабочих. Их характеризует умеренно автономный труд, ограниченное участие во властных структурах, худшее материальное положение. Представители этой группы самоидентифицируют себя «между высшим и средним» и «средним» социальными слоями. Третья была определена как маргинальная. Причем, по оценкам Е.Д. Игитханян, состав этой группы неоднороден настолько, что трудно определить «ядро». Входящие в этот слой люди заняты полуавтономным трудом, фактически отстранены от участия в управлении, находятся у черты бедности, идентифицируют себя со слоем «ниже среднего». Четвертую страту образуют работники неквалифицированного физического и умственного труда в городе и деревне: рабочие, сельские специалисты, служащие, крестьяне. Представители этой страты находятся на грани нищеты и идентифицируют себя с «низшим слоем».

Результаты проведенных исследований позволили Е.Д. Игитханян сделать вывод, что, хотя социальная дезинтеграция ранее существовавших групп усиливается (представители интеллигенции присутствуют практически во всех слоях, рабочие в 3-х из 4-х слоев), тем не менее, происходит отчетливое формирование новых слоев с устойчивым наполнением каждого из них.

Результатом другого исследования, проведенного С.С. Балабановым в Нижнем Новгороде, было выделение семи стратификационных групп на основе таких критериев как профессиональный статус, властный ресурс, социально-экономический потенциал и его динамика [2, с. 62-71]. Первая группа (30 % населения) на $\frac{2}{3}$ состояла из женщин, снизивших в ходе реформ свой уровень жизни. Вторая (17,2 %) включала дипломированных специалистов, в том числе руководителей среднего и низшего звена. Этой квалифицированной части населения не хватило инициативности и самостоятельности. Третья группа (16,2 %) включала в себя рабочих и пенсионеров, преимущественно женщин. Четвертая (14,3 %) объединяла молодежь, преимущественно мужчин, не обремененных семьей. Они в полной мере использовали свой шанс на восходящую мобильность, который дала им рыночная экономика. Пятая группа (7,9 %) представляла собой благополучную часть населения, почти $\frac{3}{4}$ из которой были мужчины – высококвалифицированные дипломированные специалисты, руководители, предприниматели, высшие офицеры армии и МВД. Шестая группа (4,5 %) – интеллектуальная элита, не сумевшая найти свою нишу в новых условиях (основная масса – женщины с высшим образованием). Седьмая группа (2,3 %) характеризовалась стремительным восхождением из низов общества к его вершинам, высоким профессионализмом, высоким местом во властных структурах, а соответственно – высокими доходами.

Другой автор – Н.Е. Тихонова, в своих исследованиях использовала такие критерии стратификации как структура потребления и образ жизни [38, с. 25-37]. В марте-апреле 1996 г. – апреле-мае 1997 г. в Мо-

скве, Санкт-Петербурге и Воронеже ею были проведены опросы, имевшие целью определить социальную самоидентификацию населения. Наиболее важными вопросами для определения принадлежности респондентов к различным стратам, были вопросы о возможности и частоте приобретения свежего мяса, овощей, сладкого; о покупке одежды и обуви, мясных или рыбных деликатесов; о пользовании платными медицинскими услугами и о наличии недвижимости. Невозможность приобретения дорогостоящей техники или других дорогостоящих трат (ремонт квартиры, покупка нового автомобиля, строительство загородного дома и др.) стало пороговым показателем, разделяющим благополучную и неблагополучную части респондентов.

В результате анализа полученных данных Н.Е. Тихонова выделила следующие страты с различным уровнем благосостояния [38, с. 28]: нищие (6 %) – не могут позволить купить себе мясо, сладкое, новую одежду для детей, не ходят в гости и не принимают гостей; бедные (13 %) – только изредка могут позволить себе купить мясо, фрукты, сладкое, одежду, не ходят в гости, не покупают газет, не оплачивают занятия детей и лишь изредка покупают им новую одежду; малообеспеченные (25 %) – не покупают бытовой и иной дорогостоящей техники, никогда не позволяют себе деликатесов, ощущают серьезные ограничения при покупке одежды, посещении театров, кино; среднеобеспеченные (34 %) – начиная с этой группы, у респондентов появляются свободные деньги и в соответствии с приоритетами семьи возрастает вариативность трат и стратегий экономии, однако вся группа ощущает ограничения при покупке некоторых продуктов, особенно деликатесов и одежды, посещении театров, приобретении туристических путевок. Обеспеченные (14 %) – ощущают ограничения при приобретении дорогостоящих вещей (автомашина), посещении кафе или ресторана, а также в туристических путешествиях, но почти не экономят на еде и бытовой технике. Состоятельные (8 %) – могут позволить себе многие дорогостоящие покупки, но в основном вся дорогостоящая техника у них уже есть, регулярно покупают деликатесы, ходят в рестораны, путешествуют, хотя и они не могут позволить себе все статьи трат одновременно без экономии на чем-либо из желаемых расходов [38, с. 28].

Различия социального самочувствия и жизненных установок представителей выделенных Н.А. Тихоновой страт различны. Если среди двух беднейших страт 64 % респондентов отметили, что их жизнь в целом складывается плохо и только 2 % – хорошо, то среди наиболее обеспеченных страт плохого мнения о своей жизни были 4 %, а хорошего – 30 %. Остальные считали ее удовлетворительной [38, с. 28].

В исследовании Института Социологии РАН «Трансформации социальной структуры российского общества», проведенном в 1997 г. под руководством З.Т. Голенковой, на основе многоступенчатой комбинированной выборки было выделено 11 групп занятого городского населения: малоквали-

фицированные рабочие, рабочие высокой квалификации, служащие – не специалисты, ИТР, специалисты в сфере образования и науки, специалисты-медики, финансово-бухгалтерские работники, руководители низшего звена, руководители высшего звена, предприниматели, работники органов власти. При анализе были вычленены основные факторы, которые, по мнению опрошенных, стратифицируют современное российское общество, распределяют людей по различным социальным группам. Это – власть (91,3 %), доход (91,2 %), собственность (64,8 %), незаконные действия (52,7 %), образование (35,6 %), талант, способности (34,8 %), профессия (30,1 %), происхождение (25 %), национальность (14,5 %) [9, с. 22-32].

Из полученных авторами данных видно, что большинство опрошенных на первое место ставят традиционные факторы: власть, доход, собственность, которые в любом обществе выступают причиной социального расщепления. При анализе распределения ответов были выявлены различия шкалы приоритетов в зависимости от принадлежности к социально-профессиональной группе. Так у предпринимателей на первом месте находились экономические интересы, распределение собственности, а наиболее важными факторами стратификации были признаны собственность, деньги, талант. Тот же набор факторов характеризовал и руководителей низшего звена. У работников органов власти присутствовал фактор власти, но порядок факторов выглядел иначе: собственность, деньги, власть. Представители массовых групп интеллигенции (гуманитарии, медицинские работники, финансовые работники, ИТР) также видели силу денег и власти, но выделили и такой фактор, как криминальные действия. Высококвалифицированные рабочие среди факторов социальной дифференциации не первое место поставили национальность. Это объясняется тем, что люди, пережившие падение на социальной лестнице, в большей степени проявляют этническую нетерпимость. У неквалифицированных рабочих среди основных факторов стратификации вслед за деньгами и образованием была поставлена профессия [9, с. 22-32].

Следует отметить, что в 1990-е годы в России принадлежность к определенной профессиональной группе приобрела четко выраженное социальное качество, объединив в одну страту людей со сходными экономическими интересами. Сформировались не только различные слои – бедные, зажиточные, богатые, но и произошло агрегирование социальных групп по такому показателю, как отношение к собственности (обладание или распоряжение ей). Возникли новые для российского общества социальные типы личности – собственника и наемного работника. Отражая реальную социально-экономическую ситуацию в стране, действительное положение людей, в массовом сознании сформировалось приятие или неприятие отдельных сторон жизни, сущности статусных и властных групп [9, с. 28].

Изучение особенностей социальной стратификации в России, предпринятое Т.Ю. Богомоловой и В.С. Тапилиной, опирались на материалы Рос-

сийского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ), проведенного в декабре 1994 г., октябре 1995 г., октябре 1996 г. и ноябре 1998 г. Авторами были использованы данные о текущих денежных доходах, полученных домохозяйствами¹ из всех источников в течение последних 30 дней, предшествующих моменту опроса [5, с. 35].

Полученные авторами данные продемонстрировали высокий удельный вес бедных и малоимущих страт в экономической стратификации российского общества, причем наиболее заметный сдвиг в сторону бедных и малоимущих страт населения был отмечен после 1994 г., когда произошла смена модальной страты. В 1994 г. самой многочисленной была относительно благополучная страта с доходами от 1,5 до 2,5 прожиточных минимумов на потребительскую единицу (ПМ/ПЕ), но, начиная с 1995 г., место модальной страты прочно заняла вторая страта с доходами ниже прожиточного минимума (от 0,5 до 1 ПМ/ПЕ). Неуклонно сокращалась численность средних и верхних страт: к концу 1998 г. она составляла менее половины от первоначального уровня. Характерно, что чем более высокодоходной была страта, тем сильнее со временем сжимались ее размеры. На основе полученных данных исследований были выделены следующие слои (страты) [5, с. 35]:

1. Низший слой. В нем оказалась широко представлена наименее образованная часть населения. Профессиональное ядро слоя – разнорабочие в торговле и обслуживании. В связи со снижением жизненного уровня к концу периода наблюдения слой пополнился новыми социальными группами: в 1998 г. в слой попали 70,9 % работников сферы здравоохранения со средним специальным образованием или без специального образования; 56,5 % преподавателей высшей и средней школы; 52,2 % работников науки и научного обслуживания.

2. Нижний средний слой – его типичными представителями на протяжении всего периода наблюдения были работники сферы здравоохранения (специалисты высшей квалификации с базовым образованием в области медицины), работники торговли и общественного питания, а также рабочие точного ручного труда. К 1998 г. сюда переместилась из верхнего среднего слоя довольно многочисленная категория служащих – агенты по торговле, финансам, купле-продаже, мелкие государственные чиновники и др. [5, с. 35].

3. Верхний средний слой – наличие диплома о высшем образовании выступило одним из наиболее значимых факторов принадлежности к этому слою. Прочное место здесь заняли работники с высшим образованием в области точных прикладных наук, специалисты в сфере права, экономики и культуры, преподаватели высшей и средней школы. Однако наиболее высокие шансы занять место в верхнем среднем слое оказались у крупных чи-

¹ Домохозяйством была определена группа лиц, проживающих совместно и имеющих общий бюджет [5, с. 35].

новников и законодателей, генеральных директоров и управляющих, представляющих как государственный, так и частный сектор экономики.

4. Высший слой – малочисленность и нестабильность которого не позволили исследователям уловить его социальный профиль на статистически значимом уровне. Вероятно, текучесть состава самых богатых людей в известной мере является отражением случайности, эпизодичности полученных доходов, по крайней мере, у определенной их части. Получатели самых высоких доходов рассеяны по всему спектру служебных положений, сфер занятости и профессиональных групп.

По мнению другого исследователя, Н.М. Римашевской, социально-экономические трансформации в России привели к тому, что общество оказалось реструктурированным. Вместе с тем, уже к середине 1990-х гг. вывелись зародыши устойчивых групп и слоев – олигархические, региональные и корпоративные элиты, верхний средний класс, средний класс, аутсайдеры, маргиналы, криминалитет, причем между ними происходит постоянный социальный обмен [31, с. 59]. При анализе экономической стратификации населения России, проведенном Институтом социально-экономических проблем народонаселения РАН по руководством Н.М. Римашевской, в качестве основного признака была выбрана материальная обеспеченность, измеряемая на шкале доходов от 50 до 3000 долларов США и выше в месяц на душу населения. Доллар США, а не рубль был взят в силу устойчивости курса валюты в 1990-е гг. за единицу измерения.

Согласно полученным данным, в структуре населения России в качестве фундамента рыночных отношений средний класс к середине 1990-х гг. практически отсутствовал. Лишь пятая часть населения оказалась в интервале от 100 до 1000 долларов США в месяц на душу населения, т.е. в границах с десятикратной разницей. Такое состояние было определено Н.М. Римашевской как поляризация доходов. Автор отметила наличие в России двух расходящихся в разные стороны групп, определив их как «две России», которые резко отличаются поведением, предпочтениями, ориентациями. Возникли два потребительских рынка, существенно отличающихся не только ценами, но и набором потребительских благ. При этом, отсутствие среднего класса и две уходящие друг от друга России стало выступать как источник социальной напряженности [31, с. 7-15].

В середине 1990-х гг. Т.И. Заславской удалось обобщить собранные другими исследователями многочисленные эмпирические данные, благодаря которым автор предложила свой вариант социальной стратификации российского общества. Основная часть населения России была разделена ею на четыре слоя: верхний – 1,4 %, средний – 28,3 %, базовый – 64,3 % и нижний – 6 % [14, с. 7-15]. Кроме того, в общую картину социальной иерархии в России автор включила политическую и экономическую элиту, а так же «социальное дно». Для идентификации социальных слоев было использовано 10 статусных

переменных: основное занятие, основной род деятельности, отрасль занятости, сектор экономики, размер организации, профессионально-должностное положение, уровень образования, самооценка квалификации и уровень доходов, которые в совокупности позволяли измерить экономический, властный и социокультурный потенциал.

Согласно авторской концепции, верхний слой (элиты и субэлиты) был представлен собственниками (они же руководители) крупных и средних фирм, которые почти на 90 % были мужчинами молодого и среднего возрастов. Уровень их доходов в 10-15 раз превышал доходы нижнего слоя, и в 6-7 раз – доходы базового слоя.

Средний слой состоял из мелких предпринимателей, менеджеров, высшей интеллигенции, рабочей элиты, работников силовых структур, из которых $\frac{3}{5}$ оказались заняты в негосударственном секторе. Уровень образования среднего слоя был намного выше базового, но ниже верхнего, а уровень благосостояния значительно ниже, чем у верхней части среднего слоя, причем 14 % оказались уровне бедности. В основном здесь были представлены мужчины среднего возраста.

Базовый слой состоял из людей, занятых квалифицированным исполнительским трудом, преимущественно в госсекторе. Около 60 % этого слоя составляли женщины среднего и старшего возраста, высшее образование имели 25 %. В основном сюда вошла массовая интеллигенция, рабочие индустриального типа, крестьяне, работники торговли и сервиса [14, с. 6-8].

Наконец, нижний слой был представлен наименее квалифицированной и наиболее бедной частью населения. $\frac{2}{3}$ этого слоя живут за чертой бедности, из них четверть – на уровне нищеты. 70 % – женщины, а доля пожилых людей в 3 раза выше, чем в среднем слое [14, с. 8-12].

Верхние ступени социальной лестницы в теории Т.И. Заславской, как было отмечено выше, заняла элита – правящий слой общества, состоящий из лиц, принимающих решения общегосударственного значения. Заславская Т.И. выделила в составе этого слоя пять групп, существенно различающихся характером и направлениями своей трансформационной активности [15, с. 6-9]:

1. Консервативно ориентированная часть бюрократической и военной элиты, которая представлена государственными чиновниками, обладающими наиболее важными распорядительными и распределительными функциями, а так же генералитетом силовых структур. Поскольку у этой общественной группы сосредоточены ключевые управленческие функции, то она выступает главным субъектом в подготовке и принятии властных решений, политического контроля и силового обеспечения их исполнения. В своих политических интересах данная группа ориентируется на усиление государства как социального института.

2. Группа новой экономической элиты охватывает представителей крупного капитала – «олигархов», собственников и менеджеров финансово-про-

мышленных групп, банков, крупных предприятий и фирм. Эта группа заинтересована, прежде всего, в сохранении, легитимизации и прочных гарантиях той собственности, которую она приобрела в процессе реформ. В более широком плане интересам этой группы отвечает подъем российской экономики и ее интеграция в мировую систему, дальнейшее развитие рыночных институтов, укрепление правопорядка, социальная стабильность.

3. Входящая в элиту «верхушка» коммунистических сил, в основном оказалась представлена бывшей номенклатурой, декларирующей коллективизм, социальную справедливость, равенство жизненных шансов, трудовой характер доходов и др. Характерно, что многие представители этой группы успели приобрести достаточно крупную собственность.

4. Либеральная элита, в составе общей элитной группы тяготеет к правым партиям и движениям, выступая за последовательное развитие рынка и дальнейшее ослабление государственного вмешательства в экономику. Их деятельность носит разрозненный и малоконструктивный характер, а их политическое влияние невелико.

5. Пятая группа была представлена лицами, активно сотрудничающими или даже принадлежащими к криминальному миру. Именно эта группа была ответственна за незаконный вывоз российского капитала, нелегальную торговлю оружием и многое другое.

В дополнение к теории Т.И. Заславской, исследователь В.Н. Титов в своей характеристике российской элиты отметил, что как в дореволюционной, так и в советской России элита представляла собой верхнюю часть военно-государственной, а затем партийно-государственной бюрократии. Специфика же политической системы современной России, состоит в неясности границ между элитой и бюрократией [37, с. 109]. Созвучно с данной характеристикой элиты и представление об элите О.И. Шкаратана, которые определил элиту как высший привилегированный слой общества, являющийся властвующим меньшинством [45, с. 42].

По мнению Л.А. Беляевой, элита в советском обществе включала в себя партийно-бюрократический аппарат, руководителей отраслей, крупных предприятий, незначительную часть ученых и технических специалистов, часть гуманитарной интеллигенции и тонкий слой рабочего класса выполняющего партийно-административные функции, часть работников торговли. Этот слой составлял 15 % населения и получал доходы сопоставимые с доходами среднего слоя в развитых странах, он был селен корпоративными связями, но слаб профессионально [4, с. 17-18].

По данным О. Крыштановской, правящая элита в 1990-е годы на 69,9 % сформировалась из субэлиты старой номенклатуры [25, с. 51]. В исследовании «Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту» О. Крыштановской были выделены брежневская, горбачевская, и ельцинская элита, между которыми была обнаружена кадровая преемственность [25, с. 51-65].

Так, 37 % ельцинской элиты входило в круг приближенных лиц при Брежнев, 39 % – при Горбачеве, 70 % действовавших глав администраций занимали руководящие посты в бывшей партийно-советской номенклатуре [25, с. 51-65].

Еще в апреле 1993 г. в газетных публикациях, посвященных анализу участия деловых кругов России во власти, была выдвинута гипотеза о том, что обеспечение доминантного положения новых финансовых групп во всех сферах общества может привести в обозримой перспективе к становлению финансовой олигархии, т.е. такого типа власти, при котором основную роль в принятии государственных решений играют, прежде всего, собственники и распорядители финансовых ресурсов, а финансовые методы являются основными в управлении экономикой и обществом в целом. Спустя пять лет об олигархах – как основном субъекте российской политики – заговорила вся страна [26, с. 74].

В данном случае представляется необходимым отметить общие черты олигархии не как социального слоя, а как политической системы, в которой этот слой существует. Согласно общей политологической теории, для олигархии характерны: большее или меньшее влияние на политику страны нелегитимных органов власти; способность олигархических группировок к трансформации и адаптации к новым политическим и экономическим условиям; наличие в правящем клане противоречивых тенденций и интересов, выливающихся нередко в острые противоречия; особая роль в правящем клане узкого круга лиц, связанных между собой тесными узами, в первую очередь экономическими интересами; проявление семейственности – «соправителями» чаще всего выступают жены, дочери, другие ближайшие родственники; расцвет коррупции, во многих случаях олигархический клан опирается на поддержку силовых структур и собственной службы безопасности, держит под своим контролем прессу [24, с. 20].

В 2000 г. Фонд «Общественное мнение» провел опрос на тему «Кто такие олигархи?». 64 % опрошенных затруднились сформулировать свое мнение, 25 % респондентов назвали 51 фамилию тех, кто, по их мнению, является «олигархом», но разошлись во мнениях относительно критериев. Среди наиболее образованной части опрошенных 37 % связывали «олигархию» с «деньгами», 18 % – с соединением капитала и власти. В то же время многие из респондентов отождествляли понятие «олигархия» не с деньгами, а с самой властью. В результате к олигархам были причислены банкиры, промышленники, политические деятели [29, с. 62].

Почва для возникновения олигархии была заложена в ходе крупномасштабного передела собственности в пользу так называемого «нового класса». Так, за период с 1992 по 1994 г. в частные руки перешло не менее 70 % собственности страны и к 1996 г. олигархия в России практически уже была сформирована [24, с. 27]. В неё вошли крупные банкиры, руководители финансово-промышленных групп, уже сросшихся с властью, имевшие в своем

непосредственном распоряжении ведущие центральные СМИ или оказывающие на них сильное влияние с помощью различных рычагов, по преимуществу финансовых.

Рангом ниже, в системе социальной иерархии, российскими социологами был определен средний класс (слой).

Традиционно, именно средний класс играет в обществе особую стабилизирующую роль в социальной и политической обстановке. Его специфическая функция – стабилизатор общества: он разводит два полюса – бедных и богатых – и не дает им столкнуться. Чем он больше, тем меньше вероятность, что общество будут сотрясать революции или иные социальные конфликты. В индустриально развитых странах он составляет большинство населения от 60 до 80 %. К среднему классу принято относить врачей, преподавателей и учителей, ИТР, предпринимателей, высококвалифицированных рабочих, руководителей. В российском обществе доля этой социальной группы невысока и составляет по разным оценкам от 12 до 25 % [31, с. 59].

В исследовании под руководством М.К. Горшкова, проведенном специалистами Российского независимого института социальных и национальных проблем (РНИСиНП) в октябре 1998 г. и в феврале-марте 1999 г. были изучены размер, состав, уровень и образ жизни, ценностные ориентации, особенности экономического поведения и политические предпочтения среднего класса в России [11, с. 3-10].

В ходе исследования было выделено три слоя среднего класса – верхний, по своему положению являющийся переходным к элите; средний – собственно средний класс и нижний – ввиду его многочисленности определенный как «базовый».

Верхний слой среднего класса – это в основном высокообразованные люди. 14,6 % из них имеют ученую степень или законченную аспирантуру, еще 55,2 % – высшее образование, а 27,1 % – средне-специальное. По должностному статусу представители верхнего среднего класса более чем на половину (51,1 %) представлены руководителями высшего звена на предприятиях и в организациях, предпринимателями, имеющими наемных работников, также сюда вошли высшие офицеры (21,9 %) [11, с. 4-8]. Как показало исследование, представители верхнего слоя среднего класса не только живут заметно лучше окружающих и в значительно большей степени удовлетворены своей жизнью, их взгляды на будущее отличает гораздо больший социальный оптимизм.

Собственно средний класс, т.е. средний слой среднего класса, также достаточно высокообразован. Хотя здесь ученую степень имели уже всего 4,2 %, число лиц с высшим образованием составляло 55 %, со средним специальным образованием – 31 %, со средним и неполным средним более 10 %. В этом слое преобладают квалифицированные специалисты (30,1 %) и рабочие (22,2 %). Он не столь оптимистичен, как предыдущий, хотя половина

его все же рассчитывает на сохранение достаточно высоких статусных позиций в будущем [11, с. 5].

В целом же социологи к среднему классу относят научных и инженерно-технических работников, управленческий и административный персонал, не занимающий высоких постов, работающую по найму интеллигенцию, городских и мелких сельских собственников, рабочих высокой квалификации, работников сферы обслуживания и др. [11, с. 7-9].

Заславская Т.И. к срединной части общества отнесла среднее звено бюрократии; бизнес-слой, состоящий из мелких и средних предпринимателей (собственники и менеджеры предприятий и фирм, профессионалы делового профиля – банковские работники, риэлтеры, коммерсанты, дилеры, брокеры и т.д.); профессионалов (более квалифицированная, социально востребованная и в основном адаптировавшаяся к рыночным условиям часть специалистов технического, социального и гуманитарного профиля) [16, с. 8-14].

При этом, как отметила Т.И. Заславская, необходимо различать предпринимательство в узком и широком смыслах: к собственно предпринимателям (в узком смысле) относить ядро группы, отвечающее всем базовым признакам предпринимательства. Для определения более широкого круга лиц, причастных к предпринимательской деятельности, Т.И. Заславская предложила ввести термин «бизнес-слой» как родовое понятие, объединяющее всех россиян, в той или иной степени занятых бизнесом, начиная с собственников предприятий, банков и фирм, кончая наемными работниками. В целом же бизнес-слой можно определить как совокупность объектов производительной, коммерческой или финансовой деятельности, осуществляемой с целью получения прибыли, автономно принимающих экономические решения и несущих за них личную ответственность. Причем бизнес-слой неоднороден, – он распадается на ряд групп: собственно предприниматели (11 %); самозанятые (11 %); бизнесмены-менеджеры (7 %); менеджеры-совладельцы (7 %); «классические менеджеры» (18 %); полупредприниматели, занимающиеся предпринимательством лишь часть времени (46 %) [16, с. 18].

Согласно социологической теории, конституирующими признаками предпринимательства выступают деятельность, направленная на получение прибыли; свобода и автономность экономических решений, самостоятельный характер деятельности, выражающийся в личном риске и личной ответственности. Предприниматели как самостоятельная социальная группа российского общества анализируется по таким критериям как: политический потенциал (объем властных и управленческих функций), экономический потенциал (масштаб собственности) и социокультурный (уровень образования и квалификации) [18, с. 144].

Как показали исследования Института социологии РАН, проведенные в 1993 г., в качестве социальной базы формирования прослойки предпринимателей выступили три группы. Первая – управленцы. Их переход в пред-

принимательство был логичен, т.к. это одна из наиболее влиятельных групп, в чьих руках были сосредоточены не только материальные ресурсы, но и социальные связи, выступающие основным гарантом любой предпринимательской деятельности. Вторая группа – специалисты, чей переход в предпринимательство был связан с сокращением финансирования бюджетных организаций. Третий источник – молодые специалисты, причем именно среди молодых людей процесс социального расслоения традиционно нарастает быстрее, чем в обществе в целом.

В 2008 г. З.Т. Голенкова и группа авторов дополнила средний класс высококвалифицированным слоем рабочих, представителями управленческо-административного аппарата. Отмечая, что критерий занятости в том или ином экономическом секторе не имеет значения [6, с. 98]. Был отмечен постоянный рост среднего класса в количественном отношении. Исследование, проведенное авторами в 2005 году в Рязани, показало, что «существует достаточно большая прослойка потенциальных предпринимателей, состоящая из молодых, высокообразованных людей с достатком выше среднего, оптимистично настроенных на инновационную деятельность.

Наконец, в базовом слое Т.И. Заславская выделила три группы: представители бывшего советского среднего слоя (массовая интеллигенция, когда-то поддерживавшая перестройку и ставшая ее социальной опорой, а позже вытесненная номенклатурой и бюрократией из сферы политической активности); относительно адаптировавшиеся к новым условиям рабочие, крестьяне, служащие, а так же часть специалистов, которая не смогла удержаться в среднем слое и вынуждена была спуститься в базовый; и наименее образованные, социально слабые представители базового и нижнего слоев, определяемые как «консервативно-периферийная» часть российского общества – люди, не сумевшие адаптироваться к общественным переменам [18, с. 56]. В данном слое выделялась и группа, определяемая как бедные.

Римашевская Н.М. выделила две формы бедности: «устойчивую» и «плавающую» [31, с. 56]. Первая связана с тем, что бедность, как правило, рождает бедность. Низкий уровень материальной обеспеченности ведет к ухудшению здоровья, деqualификации, депрофессионализации, а, в конечном счете – к деградации и переходу в слой маргиналов. Вторая, более редкая, связана с тем, что бедные, предпринимая усилия, выходят из замкнутого круга и, адаптируясь к новым условиям, отстаивают право на лучшую жизнь. Разумеется, для такого «прыжка» нужны не только субъективные, но и объективные условия, создаваемые обществом.

Наряду с традиционной бедностью выделяются и так называемые «новые бедные» [31, с. 56-57]. К «новым бедным» относятся те слои населения, которые по своему образованию и квалификации, социальному статусу и демографическому положению никогда ранее не относились к низшим слоям общества. Их низкие доходы обусловлены небольшой зарплатой в бюджетных организациях, безработицей и частичной занятостью.

Различие между старыми и новыми бедными в российском обществе носит принципиальный характер. Старые бедные не имеют того, что составляет социальный, культурный и экономический фундамент новых бедных – это интеллектуальный капитал, основой которого выступает высшее и среднее специальное образование. В переходном обществе, когда происходит коренное изменение экономической и социальной структуры, смена политических режимов, образование не может оплачиваться достаточно высоко. У старых бедных такого капитала нет и получить его в перспективе невозможно, поскольку стоимость обучения с каждым годом возрастает, а доступ к образованию постепенно сужается [31, с. 56-57].

Другая отличительная черта новых бедных заключается в том, что субкультура бедности, нормы жизни на «социальном дне» не передается по наследству. Они прилагают все усилия для того, чтобы дать своим детям наилучшее из доступного им образования. Воспитывают у них достигательную мотивацию, передают традиции и ценности российской интеллигенции. Даже находясь сами в зоне бедности, новые бедные стремятся к тому, чтобы их дети выбрались из нее. Это характерное черта только российского общества. Ни в одной стране мира бедные, во-первых, не расколоты на «старых» и «новых», во-вторых, новые бедные не способны, при изменении ситуации, совершить быструю восходящую мобильность и в короткие сроки занять место в среднем слое [40].

Давыдова Н.М., используя при изучении бедности депривационный подход (оценка бедности через испытываемые лишения), выделила четыре степени депривации [12, с. 93]:

IV степень депривации – степень нищеты, когда ресурсов не хватает на нормальное питание (в семье недоедают, практически не едят свежее мясо, рыбу), семья экономит на предметах гигиены, не обновляет одежду для детей по мере их роста, отказывает им в покупке фруктов, соков, не имеет таких предметов длительного пользования, как телевизор и холодильник;

III степень депривации – степень острой нуждаемости (бедности), когда лишения продолжают концентрироваться на качестве питания (ограничения в лакомствах, шоколаде, конфетах для детей, свежих овощах и фруктах для взрослых), нехватке одежды и обуви (взрослые члены семьи вынуждены отказываться от их обновления); семье трудно поддерживать жилье в порядке, иметь в достаточном количестве простую повседневную мебель, организовать в случае необходимости соответствующий ритуальный обряд (похороны, поминки), приобрести жизненно важные лекарства и медицинские приборы; ограничиваются возможности приглашения гостей и выхода в гости;

II степень депривации – степень стесненности (малообеспеченности), когда не хватает средств на любимые в семье деликатесы, подарки для близких, газеты, журналы, книги; снижается качество досуга взрослых и детей; семья не может позволить себе приобрести стиральную машину, посетить

далеко живущих родственников; отказывается от платных услуг, в первую очередь, необходимых медицинских;

I степень депривации – ступень, характеризующая близкие к средним жизненные стандарты и не означающая существенных отклонений от общепринятого в российском сообществе образа жизни. Семьи, благосостояние которых находится на этой ступени, нуждаются в улучшении жилищных условий (не обеспечены социальной нормой жилья), экономят на приобретении современных дорогих предметов длительного пользования, платных образовательных, рекреационных услугах, семейном отдыхе и развлечениях.

Овчарова Л.Н. проанализировав состав и структуру населения с доходами ниже прожиточного минимума в сравнении со структурой населения в целом выделила следующие особенности российской бедности [28, с. 26]:

- семьи с детьми и, соответственно, дети в возрасте до 16 лет по сравнению с другими социально-демографическими группами отличаются максимальным риском бедности, который, по последним данным, в 1,4 раза выше среднероссийского уровня. При этом риск бедности увеличивается с ростом числа детей в домохозяйстве, и неполные семьи с детьми чаще попадают в число бедных, чем полные;
- у пенсионеров, наоборот, риск попадания в число бедных существенно ниже, особенно, когда речь идет о работающих пенсионерах. У неработающих пенсионеров вероятность оказаться среди бедных длительное время была выше среднероссийского уровня, но за последние три года резко сократилась;
- сельские жители в два раза чаще оказываются в числе бедных, и разрыв между рисками бедности проживающих в городе и на селе увеличивается, однако в общей численности бедных все еще преобладают городские жители;
- безработные, экономически неактивные, получатели социальных пенсий и пенсий по инвалидности отличаются высокими рисками бедности.

Гендерно-возрастной анализ динамики состава бедного населения свидетельствует о том, что увеличивается представительство молодежи в возрасте от 16 до 30 лет, женщин пенсионных возрастов и мужчин в трудоспособном возрасте.

Изучив данные выборочного обследования «Кризис и поведение домашних хозяйств», Л.Н. Овчарова пришла к выводу, что к 2010 г. абсолютная монетарная бедность пожилых практически была ликвидирована, но масштаб немонетарной бедности не сокращается. Многие пенсионеры смирились с лишениями в потреблении и не воспринимают их как бедность. В то же время семьи с детьми стали лидерами по субъективной бедности. Бедные семьи с детьми пессимистично оценивают свои шансы дать детям образование и улучшить жилищные условия [28, с. 26].

Общероссийское социологическое исследование «Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя», которое проводилось Институтом социологии РАН в апреле-мае 2013 года показало, что для населения в целом бедным, на данный период, является человек среднемесячный душевой доход в семье которого составляет 8848 рублей, а это почти четверть россиян (23 %) [3, с. 11]. Подводя итог исследованию «Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя», Тихонова Н.Е. отмечает, что за 10 лет почти в два раза выросла и составила 4 % населения (6 млн. человек) группа глубокой и застойной бедности, когда человек придерживается стратегии «ничего не делать вообще. Будь что будет». Автор резюмирует: «Ситуация кажется бедным слоям общества безвыходной» [3, с. 18].

Согласно теории Т.И. Заславской в российском обществе можно выделить и такой обширный слой как «социальное дно», разделяемое на две большие группы [18, с. 9]. Первой является люмпенизированная маргинально-периферийная группа, представители которой в целом не нарушают законов (во всяком случае, злостно), но социально и культурно отчуждены от «большого общества» и им отвергнуты. В этой среде преобладают регрессивные, деградационные способы поведения, связанные с потерей социального статуса, разрывом социальных связей, примитивизацией образа жизни. Будучи поставлена на порог выживания, эта группа служит питательной средой и ресурсной базой преступности. Другая часть социального дна составляет широкое основание криминального мира. Его составляют люди, занятые сравнительно мелкой и исполнительской криминальной деятельностью. Многие из них участвуют на второстепенных ролях в организованной преступности.

По мнению Н.М. Римашевской бедность, безработица, экономическая и социальная нестабильность, несбыточность надежд, крушение планов интенсивно раскручивают процесс маргинализации населения, в результате которого появляется устойчивый слой социальных пауперов [31, с. 57]. Так формируется «социальное дно», которое включает: нищих, просящих подаяния; бомжей, беспризорных детей, алкоголиков, наркоманов и проституток. Разумеется, эти группы населения были в российском обществе и до начала экономических реформ, но масштабы явления были иными, к тому же, власти стремились их как-то минимизировать.

Российский исследователь Е. Стариков рассматривает российскую маргинальность как феномен размытого, неопределенного состояния социальной структуры общества и приходит к выводу о том, что ныне понятие «маргинализация» покрывает практически все современное российское общество [35, с. 14]. Другой отечественный исследователь А.И. Атоян под маргинальностью понимает разрыв социальных связей между индивидом и обществом, а процесс демаргинализации трактует как восстановление социальных связей между людьми и стабилизацию общества [1, с. 38].

Сегодня одной из основных характеристик маргинального положения личности или группы признается неопределенность самоидентификации личности (группы) при попытке самоотнесения к общепринятым, «нормативным» социальным группам. Именно в этом плане было проведено исследование З.Т. Голенковой, Е.Д. Игитханян, И.В. Казаринова [8, с. 14]. Причиной возникновения маргинальных групп, по мнению социологов, служит переход общества от одной социально-экономической системы к другой, неуправляемые перемещения больших масс людей в связи с разрушением устойчивой социальной структуры, ухудшение материального уровня жизни населения, девальвация традиционных норм и ценностей. Люди оказались вытолкнуты из круга ранее существовавших социальных стереотипов, привычных норм, представлений, им пришлось встраиваться в новые, еще не устоявшиеся. Все это вместе означает маргинализацию, хотя и временную, но огромных масс населения. Образуются, увеличиваясь количественно, стойкие маргинальные социальные группы («бомжи», беженцы, беспризорные, наркоманы и т.д.).

Следует отметить, что к маргиналам могут принадлежать не только социальные аутсайдеры, но и люди вполне благополучные, но не определившиеся в нынешней социальной структуре. В своих практических исследованиях социологи выделяют их по ответам на вопрос анкеты: «К какому социальному классу вы относите себя: к рабочим, крестьянам служащим, интеллигенции, управляющим, людям, занятым собственным делом?» Отметившие позиции «в настоящее время такой группы нет» или «затрудняюсь ответить» и входят в состав маргиналов [8, с. 12-18].

В динамике маргинальной ситуации в стране, по мнению исследователя И.П. Поповой, можно выделить два этапа: 1991 – середина 1990-х гг. и середина 1990-х гг. – 1999 г. Статистические данные свидетельствуют, что именно к этому времени стабилизируются основные показатели структуры занятости – соотношение занятых в экономически активном населении, по отраслям экономики, в государственном и негосударственном секторах экономики, структура безработного населения, структура населения по доходам и т.д. Но основные тенденции – изменения в отраслевой структуре экономики, углубление региональной дифференциации, рост имущественного расслоения – устойчивы и продолжают оставаться маргинализирующими факторами и до настоящего времени [30, с. 66].

Кардинальные изменения, происходящие в социальной структуре в результате экономических реформ, послужили причиной появления так называемых «новых маргинальных групп». В отличие от традиционных, новые маргиналы – жертвы кризиса занятости, в этом случае критериями служит: глубокие изменения в социальном положении.

Изучая новых маргиналов, И.П. Попова выделила «зоны маргинальности» – те сферы общественной жизни, отрасли народного хозяйства, а также

сегменты рынка труда, где наблюдается максимально высокий уровень социально-профессиональной маргинальности: легкая пищевая промышленность, машиностроение, бюджетные организации, здравоохранение, культура, образование, армия, малое предпринимательство, депрессивные регионы, люди среднего и пожилого возраста, выпускники школ, вузов, неполные и многодетные семьи.

Состав новых маргинальных групп весьма разнороден. В нем можно выделить, по крайней мере, три категории [30, с. 69]. Первую и самую многочисленную составляют так называемые «постспециалисты» – лица с высоким уровнем образования, знания которых оказались невостребованными. К этой категории относятся и работники «неперспективных» отраслей. Вторая группа «новых» маргиналов названа «новыми агентами». К ним относятся представители малого бизнеса и самозанятое население. Предприниматели как агенты формирующихся рыночных отношений находятся в пограничной ситуации между легальным и нелегальным бизнесом. К третьей группе относятся «мигранты» – беженцы, вынужденные переселенцы, а также трудовые мигранты из стран ближнего зарубежья. Как неоднократно отмечали в своих исследованиях российские социологи, шанс «опуститься на дно» среди средних слоев населения равняется: у трудовых мигрантов – 83 %, у одиноких пожилых людей – 72 %, у инвалидов – 63 %, у многодетных семей – 54 %, у безработных – 53 %, у матерей-одиночек – 49 %, у беженцев – 44 % [32, с. 7-8].

Многие исследователи в своих публикациях еще в начале 1990-х гг. отмечали, что российское общество резко поляризовано. Понятие «поляризация» является производным от полярности и, вместе с тем, отличным от него. Оно употребляется в двояком смысле: статическом, тождественном полярности, когда фиксируется наличие полюсов и взаимосвязь между ними, и динамическом, когда изучается процесс нарастания полярности, или, иначе говоря, роста напряженности во взаимодействии полюсов [33, с. 81].

Процесс имущественной поляризации стремительно развернулся с 1991 г. и был вызван либерализацией цен, приватизацией государственной собственности, монополизацией промышленности, реформой кредитно-банковской системы, развитием негосударственного сектора экономики [13, с. 81].

В первые месяцы 1992 г. цены были повышены в 10-20 раз, выросли тарифы, инфляция составляла примерно 1 % в день. Это нанесло подавляющей массе трудящихся сильнейший удар. Если принять уровень жизни в 1986 г. за 1,0, то в октябре 1991 г. он составил 0,6, а к февралю 1992 г. упал для рабочих и служащих до 0,2 [27, с. 13]. Тогда же изменилась и структура потребления. Если раньше на продовольствие затрачивалось в среднем до половины зарплаты рабочих и служащих, то в экстремальных условиях доля этих затрат резко возросла, у некоторых групп до 80-90 % [33, с. 5]. Предметы длительного пользования, даже одежда и обувь, стали для них недоступ-

ны. Ухудшилось финансовое положение предприятий, что вело к увеличению численности безработных. Вклады граждан в сберкассах обесценились и уже не могли служить амортизатором.

В ноябре 1993 г. минимальная зарплата была определена 14 620 руб., а потребительская корзина превышала ее в 5 раз. В России произошло беспрецедентное падение цены рабочей силы: за 1992-1993 гг. зарплата по отношению к уровню декабря 1991 г. увеличилась в 130 раз при росте цен за этот же период в 260 раз, т.е. снижение реальной зарплаты составило 50 % [36, с. 128].

Одновременно на другом полюсе общества происходило ускоренное накопление богатства: наличного имущества и получаемых доходов. Если исходить из дифференциации граждан по благосостоянию, то различие в доходах самых богатых и самых бедных групп населения в начале 1990-х гг. соотносилось как 1 : 3. Но к 1994 г. экспертные оценки фиксируют, что дифференциация по доходам вышла на уровень 1 : 50 и выше. Низшие слои населения оказались на грани выживания. В «нижний слой» попали обнищавшие пенсионеры, рабочие, служащие, врачи, педагоги, научные работники и т.д.

8.2. Трансформация критериев социальной стратификации и изменения в слоевых характеристиках российского общества в 2000-2010-х годах

В мае 2003 г. журнал «Forbes» опубликовал результаты своих исследований относительно богатства российских бизнесменов. Как показали исследования «Forbes», капитал в России оказался сконцентрирован в руках небольшой группы людей, большинство из которых связаны с одним городом – Москвой. Никакой другой город мира не может похвастаться таким обилием миллиардеров, считают в «Forbes». Эксперты журнала подсчитали, что совокупное состояние русской «золотой сотни» составляет $\frac{3}{4}$ валового внутреннего продукта России, в то время как совокупное состояние американских капиталистов едва дотягивает до 6 % ВВП США [19, с. 49-78].

При этом поляризация населения России по уровню доходов постоянно увеличивается. Голенкова З.Т. отмечает, что в 2010 году на долю 10 % наименее обеспеченных приходилось 5,2 % общего объема денежных доходов, тогда как на 10 % наиболее обеспеченного населения – почти треть (30,9 %) [7, с. 384].

Сложившись в 1990-е годы, социальная структура российского общества к 2010-м годам углубилась по основному пирамидальному профилю.

Используя энтропийный анализ при изучении социально-экономического неравенства населения в 2012 году, О.И. Шкаратан выстроил кластерную модель социальной структуры современного российского общества, выделив следующие социальные слои и объединив их в кластеры [45, с. 384-385]:

- низшие и промежуточные слои, представленные массовой группой населения (кластер 1 – 74 % респондентов), практически не владеющего никакой собственностью и не располагающего какой-либо властью на рабочих местах;
- средние слои (кластеры 4-8 и 10 – 22 % респондентов), для представителей которых характерны средние показатели индекса власти;
- высшие и высшие средние слои (кластеры 2, 3 и 9 – 4 % респондентов), включающие в себя реальных собственников и управляющих наиболее высокого звена.

Шкаратан О.И. также предложил для понимания социальной структуры применить термин «протореальная группа», считая, что на постсоветском пространстве все реальные группы все еще проходят процесс формирования [45, с. 384-385]. Используя индикаторы (власть, объем и характер собственности) автор распределил респондентов по шести протореальным группам – собственники-бизнесмены (4,1 %), менеджеры-миноритарии (1,7 %), мелкие собственники и самозанятые (1,6 %), супервайзеры-несобственники (15,8 %), исполнители-миноритарии (3,2 %), исполнители-несобственники (73,6 %).

Шкаратан О.И. обосновал также дуалистическую социальную стратификацию в России, указав, что тип социального неравенства представлен в виде «переплетения сословной иерархии и элементов классовой дифференциации» [45, с. 391].

Стратификация современных постиндустриальных обществ стран ЕС и США позволила исследователям, в дополнение к уже существующим, выделить в 2013 году новую группу – прекариат. З.Т. Голенкова и Ю.В. Голиусова определили новую стратификационную группу как группу индивидов, которые независимо от размера их дохода, образования, самоидентификации и других характеристик, не имеют формальной занятости, т.е. эта группа не имеет стабильного положения на рынке труда, не имеет гарантий занятости [10, с. 6].

В данную группу авторы включили работающих индивидов, которые не оформили с работодателем трудовые отношения; временных работников; работников с частичной занятостью, не заключивших с работодателем трудового договора [10, с. 12]. Авторы отмечают, что в отличие от Западных стран, где в составе прекариата преобладают молодежь, женщины, пожилые люди и мигранты, в России в данную группу может попасть любой человек независимо от возраста, пола, гражданской принадлежности. По оценкам некоторых экспертов около 30 % трудоспособного населения России может быть отнесено к данной группе. Исследователи отмечают, что прекариат может стать основой экономической и социальной нестабильности в обществе [10, с. 8].

В работе «Социальная структура России: теории и реальность» Н.Е. Тихонова, анализируя социальную стратификацию российского общества

2010-х годов, акцентировала внимание на том, что определенная модель социальной стратификации является характеристикой конкретного общества с характерной для него системой отношений [10, с. 12].

Тихонова Н.Е. указывает на пять так называемых «поворотных точек», которые необходимо учитывать каждому исследователю социальной структуры общества при осмыслении теоретических и методологических подходов к стратификации. Во-первых, элементами социальной структуры выступают как «группы людей, занимающих определённые позиции «социального поля» и выделяемых по различным критериям, так и определённые типы отношений». Во-вторых, анализируя социальную стратификацию, исследователь должен определиться с методологией и изучать неравенства общества, обеспечивающие либо вертикальную иерархию, либо горизонтальную, либо комбинированные варианты двух подходов. В-третьих, при исследовании социальной структуры важно определиться с подходом изучения – одномерная или многомерная стратификация будет находиться в основе анализа. В-четвертых, при анализе изучается статус индивида или семьи, члены которой проживают совместно. В-пятых, исследователь должен определиться изучать или нет «характер зависимости между выделенными элементами социальной структуры» [10, с. 10, 20-26].

На основе теоретико-методологического подхода, статистических показателей и результатах общероссийских опросов 1992-2013 годов Н.Е. Тихонова пришла к выводу, что процесс формирования новой структуры российского общества практически завершился.

В соответствии с предложенными критериями методологического обоснования социальной стратификации населения России Н.Е. Тихонова предложила следующие социальные структуры современного российского общества:

- социальная структура российского общества в оценке россиян;
- социальная структура через призму «одноступенчатых» классовых подходов;
- социальная структура через призму «многоступенчатых» классовых подходов;
- социальная структура через призму ресурсного подхода.

Используя результаты тестов, полученных в ходе общероссийских опросов РНИСНП, Институтом социологии РАН, и данных исследования ISSP (The International Social Survey Programme «Social Inequality»), в которых респонденту предлагалось выбрать графическую модель структуры общества, было выявлено: 56 % респондентов в 1998 году, и 57 % – в 2012 году выбрали пирамидальную модель, когда большинство населения сосредоточено в наиболее бедных слоях. Примечателен тот факт, что 29 % россиян выбрали в качестве идеальной модели – модели социальной структуры с глубокой степенью неравенства, в которой высока доля населения на «социальном дне».

Проведенный анализ данных о представлении людей в 1992, 1998 годах об их месте в обществе подтвердил модель социальной структуры России по оценке россиян и отражал общую картину, ставшую результатом реформ. Значительные изменения в самооценке россиян своего социального статуса произошли в начале 2000-х годов. Модели социальной структуры российского общества, построенные на основе самооценок респондентами своего социального статуса 2003 года, 2009 и 2013 года имеют заметные изменения. Так, доля людей идентифицирующих свой социальный статус на четырех срединных позициях из предложенных десяти увеличилась с 53,4 % в 2003 году до 66 % в 2009 году и 72,3 % в 2013 году. К трем низшим позициям отнесли себя 43,7 %; 29,2 %; 22,1 % соответственно.

Используя индекс уровня жизни, в составе населения до 55 лет, Н.Е. Тихонова выделила 5 слоев / классов, объединяющих 10 страт. В результате социальная структура российского общества через призму «одноступенчатых» классовых подходов выглядит следующим образом: бедствующие (7 % россиян до 55 лет включительно и 8-9 % населения в целом), малообеспеченные (48 % и чуть более половины населения соответственно), среднеобеспеченные (23 % и 21 % соответственно), обеспеченные (19 % и 15 %) и высокообеспеченные (3 % и 1 %) [42, с. 115-116].

Совсем иначе выглядит социальная структура при многоступенчатом классовом анализе. Используя концепцию Э. Райта, получается, что в России к классу эксплуатируемых относится 81 % населения, из них 45 % занимают позиции неквалифицированных работников. В классе эксплуатирующих – 9 %, из них 5 % весьма условно могут быть отнесены к капиталистам в российском обществе – эксперты-супервайзеры, квалифицированные менеджеры и др. Средний класс, по методологии Э. Райта составляет лишь 10 %¹. Таким образом, данная модель классового анализа стратификационной иерархии в стране позволяет получить представления только о масштабах эксплуатации в российском обществе.

Более 30 лет назад Европейское общество по опросам общественного мнения и маркетинговым исследованиям (ESOMAR) разработало методiku с использованием специального индекса TGI – Target Group Index (Индекс целевых групп). Данный индекс на сегодняшний день один из важнейших источников информации для крупнейших мировых компаний. Тихонова Н.Е. представила следующее распределение россиян по классам согласно показателям индекса TGI в 2005 году.

Представители шести классов были объединены в две группы. Первая группа включила классы от А до С1 и была представлена на 56-65 % работающими в госсекторе, способными повлиять на принятие решений от 53 %

¹ По материалам материалах ESS (European Social Survey – Европейское Социальное исследование).

в классе С1 до 84 % в классе А. Вторая группа состояла из классов от С2 до Е и включала от 59 % до 87 % рабочих квалифицированных и неквалифицированных. Показатели властного ресурса колебались от 27 % до 3 %, характеризую данную группу как классы рядовых исполнителей. Данный подход, по мнению Н.Е. Тихоновой, информативен при анализе социально-профессиональной структуры и показывает, что зависимость уровня жизни населения в России от профессионального статуса меньше, чем в развитых странах [42, с. 232].

Таблица 8.1

**Распределение россиян по классам в 2005 году,
по материалам работы Н.Е. Тихоновой [42, с. 226]**

Класс	По всему населению, %	По работающему населению, %
Класс А (руководители высшего уровня и профессионалы с высоким уровнем образования)	10	11
Класс В (руководители среднего звена с высшим образованием и высшего звена без высшего образования)	8	9
Класс С1 (работники умственного труда, квалифицированные рабочие и мелкие предприниматели, имеющие высшее образование)	17	17
Класс С2 (квалифицированные рабочие и служащие, имеющие среднее специальное образование)	31	34
Класс D (рабочие и подсобные рабочие, служащие без специального образования)	20	20
Класс Е (неквалифицированные рабочие и мелкие предприниматели с низким уровнем образования)	14	9

Тихонова Н.Е. пришла к выводу, что многоступенчатый классовый анализ не позволяет изучить социальную структуру российского общества, так как веберианские / неовеберианские и марксистские / неомарксистские модели используют индикаторы классовой принадлежности, не отражающие специфику российского общества.

Используя ресурсный подход к стратификации, Н.Е. Тихонова выделила несколько основных классов в России 2010-х годов. Класс исполнителей по оценке автора находится в невыгодном положении и является объектом эксплуатации. Значительные объемы и различные виды капитала концентрируются у малочисленной группы людей, которые представляют класс капиталистов. Средний класс, по мнению Н.Е.Тихоновой, сформировался из низкоресурсных «новых капиталистов» и среднересурсных «рядовых исполнителей». Данный подход делит общество на две части неблагополучного и относительно благополучного населения (60 : 40) и позволяет объяснить причины устойчивых социальных неравенств в современном российском обществе.

По мнению автора, на сегодняшний день главным фактором стратификации является статус родительской семьи, что свидетельствует о все боль-

шей межгенерационной консервации статусов в современной России, закрытии в ней «лифтов» социальной мобильности и усилении конкуренции за благоприятные для человека структурные позиции [42, с. 232].

Определив основные особенности социальной структуры современной России, Н.Е. Тихонова прогнозирует два пути ее развития в зависимости от экономической специализации страны в будущем. «Сырьевая» специализация приведет к «сокращению численности среднего класса, относительному обнищанию рабочего класса и люмпенизации примерно трети населения с одновременным углублением социального неравенства и серьезными политическими катаклизмами». Благоприятный исход возможен при «наукоемкой» специализации, когда увеличение численности среднего класса приведет к изменениям пропорций относительно благополучного и неблагополучного населения [42, с. 232].

Таким образом, в результате изменений, обусловленных социально-экономическими трансформациями, в 1990-е – 2010-е годы происходили и изменения в социальной структуре Российского общества. Менялись также и методологические подходы и ориентиры, используемые исследователями при анализе социальной стратификации. При выделении социальных слоев и групп российского общества, различными авторами использовались самые разнообразные критерии, что в целом препятствовало выделению стройной системы социальной иерархии. Так, Т.Ю. Богомолова и В.С. Тапилина в своих работах использовали количество прожиточных минимумов, приходящихся на одну потребительскую единицу. Тихонова Н.Е. опиралась на структуру потребления и образ жизни (формы социального участия) и т.д. В большинстве же работ наряду с объективными критериями (доход, владение частной собственностью, профессия, квалификация) использовались и субъективные оценки респондентов их социального и материального положения. Отсутствие же единого методологического подхода к выделению критериев социальной стратификации и построению социальной иерархии в России, во многом выступает сегодня препятствием к созданию механизмов регулирования стратификационных процессов, препятствует построению единой реальной теории социальной стратификации российского общества.

Библиографический список к главе 8

1. Атоян А.М. Социальная маргиналистика. О предпосылках нового междисциплинарного и культурно-исторического синтеза / А.М. Атоян // Полис. – 1993. – № 6. – С. 34-42.
2. Балабанов, С.С. Трансформация социальной структуры и социальный конфликт / С.С. Балабанов. Кн. 1. – М., 1995.
3. Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя Аналитический доклад. – М., 2013. – 168 с.

4. Беляев Л.А. Средний слой российского общества: проблема обретения социального статуса / Л.А. Беляев // Социологические исследования. – 1993. – № 10. – С. 72-77.
5. Богомолова Т.Ю. Экономическая стратификация населения России в 90-е годы / Т.Ю. Богомолова, В.С. Тапилина // Социологические исследования. – 2001. – № 6. – С. 32-43.
6. Голенкова З.Т. Модернизация социальной структуры российского общества / З.Т. Голенкова. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 2008. – 287 с.
7. Голенкова З.Т. Избранные труды / З.Т. Голенкова. – М.: Новый хронограф: Ин-т социологии РАН, 2014. – 272 с.
8. Голенкова З.Т. Маргинальный слой: феномен социальной самоидентификации / З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитханян, И.В. Казаринова // Социологические исследования. – 1996. – № 8. – С. 3-26.
9. Голенкова З.Т. Процессы интеграции и дезинтеграции в социальной структуре российского общества / З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитханян // Социологические исследования. – 1999. – № 9. – С. 22-33.
10. Голенкова З.Т. Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества / З.Т. Голенкова, Ю.В. Голиусова // Социологическая наука и социальная практика. – 2013. – № 3. – С. 5-15.
11. Горшков М.К. Некоторые методологические аспекты анализа среднего класса России / М.К. Горшков // Социологические исследования. – 2000. – № 3. – С. 4-12.
12. Давыдова Н.М. Депривационный подход в оценках бедности / Н.М. Давыдова // Социологические исследования. – 2003. – № 6. – С. 88-96.
13. Денисова Г.С. Социальное расслоение как фактор напряженности в городе Г.С. Денисова // Социологические исследования. – 1992. – № 9. – С. 81-61.
14. Заславская Т.И. Стратификация современного российского общества / Т.И. Заславская // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. – 1996. – № 1. – С. 7-15.
15. Заславская Т.И. Социоструктурный аспект трансформации российского общества / Т.И. Заславская // Социологические исследования. – 2001. – № 8. – С. 3-11.
16. Заславская Т.И. Бизнес-слой российского общества: понятие, структура, идентификация / Т.И. Заславская // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. – М., 1994. – № 5. – С. 8-14.
17. Заславская Т.И. Бизнес-слой российского общества: сущность, структура, статус / Т.И. Заславская // Общественные науки и современность. – 1995. – № 1. – С. 17-32.
18. Заславская Т.И. Об изменениях критериев социальной стратификации российского общества / Т.И. Заславская // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. – М., 1994.

19. Золотая сотня // *Forbes*. – 2004. – № 2. – С. 49-78.
20. Игитханян Е.Д. Процессы социального расслоения в современном обществе / Е.Д. Игитханян. – М., 1993.
21. Ильин, В. Классовая структура: классические концепции и современная Россия [Электронный ресурс] / В. Ильин. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/oz/2003/4/2003_4_52.html.
22. Ильин В. Теория социального неравенства [Электронный ресурс] / В. Ильин. – Режим доступа: <http://www.socnet.narod.ru/library/authors/Ilyin/neravenstvo/1.htm>.
23. Ильин В. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского общества [Электронный ресурс] / В.Ильин. – Режим доступа: <http://socnet.narod.ru/library/authors/Ilyin/strata/2.hnm>.
24. Кива А.В. Российская олигархия: общее и особенное / А.В. Кива // *Общественные науки и современность*. – 2000. – № 2. – С. 18-28.
25. Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту / О.В. Крыштановская // *Общественные науки и современность*. – 1995. – № 1. – С. 50-65.
26. Лепехин В.А. От административно-политической диктатуры к финансовой олигархии / В.А. Лепехин // *Общественные науки и современность*. – 1999. – № 1. – С. 67-81.
27. Можина, М. Бедные, где проходит черта? / М. Можина // *Свободная мысль*. – 1992. – № 4. – С. 13.
28. Овчарова Л.Н. Социально-демографический профиль, факторы и формы проявления бедности российского населения: автореф. дисс. ... доктора эконом. наук / Л.Н. Овчарова. – М., 2011. – 50 с.
29. Плискевич Н.М. Российское общество в новых социологических исследованиях / Н.М. Плискевич // *Общественные науки и современность*. – 2000. – № 2. – С. 29-36.
30. Попова И.П. Новые маргинальные группы в российском обществе / И.П. Попова // *Социологические исследования*. – 1999. – № 7. – С. 62-71.
31. Римашевская Н.М. Социальные последствия экономических трансформаций в России / Н.М. Римашевская // *Социологические исследования*. – 1997. – № 6. – С. 55-65.
32. Руткевич М.Н. Процессы социальной деградации в российском обществе / Н.М. Руткевич // *Социологические исследования*. – 1998. – № 6. – С. 3-12.
33. Руткевич М.Н. Социальная поляризация / Н.М. Руткевич // *Социологические исследования*. – 1992. – № 9. – С. 5-24.
34. Рывкина Р.В. Экономическая социология переходной России / Р.В. Рывкина – М., 1998.
35. Стариков Е. Социальная структура переходного общества / Е. Стариков // *Полис*. – 1994. – № 4. – С. 10-16.

36. Сычева В.С. Проблемы имущественного неравенства в России / В.С. Сычева // Социологические исследования. – 1995. – № 5. – С. 128-130.
37. Титов В.Н. Политическая элита и проблемы политики / В.Н. Титов // Социологические исследования – 1998. – № 7. – С. 107-123.
38. Тихонова Н.Е. На пути к новой стратификации российского общества // Общественные науки и современность / Н.Е. Тихонова. – 1998. – № 2. – С. 24-37.
39. Тихонова Н.Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике: дисс. ... д-ра социол. наук. – М., 2000.
40. Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в России / Н.Е. Тихонова. – М., 2003. – 224 с.
41. Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа / Н.Е. Тихонова. – М.: Институт социологии РАН, 2007. – 320 с.
42. Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность / Н.Е. Тихонова. – М.: Новый хронограф: Ин-т социологии РАН, 2014. – 408 с.
43. Тихонова Н.Е. Средний класс: теория и реальность / Н.Е. Тихонова, С.В. Мареева. – М.: Альфа-М, 2009. – 320 с.
44. Шкаратан О.И. Российское неэтакратическое общество и его стратификация / О.И. Шкаратан, Г.А. Ястребов // Социологические исследования. – 2008. – № 11. – С. 40-50.
45. Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность / О.И. Шкаратан. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 526 с.

**ПРОТЕСТ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ:
СЕТЕВИЗАЦИЯ И ИНТЕНСИФИКАЦИЯ
СОЦИАЛЬНОГО УЧАСТИЯ**

Современное общество, развитие которого корреспондирует постиндустриальной перспективе, сложно для научного анализа и концептуального описания. Отсюда крайне разнообразный интеллектуальный опыт его означивания, приложения к нему таких категорий, как постэкономическое, информационное, электронно-цифровое, коммуникационное, сетевое, программированное, мега-общество и др.

Очевидно, что в своем стремлении подобрать адекватный терминологический аппарат, отражающий природу новой реальности, исследователи в каждом конкретном случае высвечивают ключевые принципы, процессы, отношения, составляющие, на их взгляд, ее кодовый характерологический минимум. Генерализация дисперсной авторской рефлексии позволяет вычленил ряд мировых эволюционных закономерностей, которые используются для аргументации сформулированных понятий и операционализации того или иного видения.

Так, проведенный теоретический анализ показывает, что значительная часть научного дискурса посвящается экономическому блоку аспектов. Признается первостепенность научно-технического прорыва в области высоких технологий и информационно-коммуникационного обеспечения, запустившего процессы тотальной общественной трансформации. Внимание при этом акцентируется на модификации общепланетарного хозяйственного порядка, выходе производительных сил и производственных отношений на качественно новый уровень. Речь идет о вытеснении с доминирующих позиций сырьевого и индустриального производств информационным, переориентации на инвестирование в знания, наукоемкий продукт и сложные управленческие системы, расширении сервисного сектора, формировании супранациональных экономических структур, находящихся в инклюзивной связи, опирающихся на международную банковскую систему и соответствующее политико-правовое регулирование, ограничении государственного суверенитета, а также сдвигах в социальной структуре, вызванных статусно-ролевыми перегруппировками в деятельности-рыночной системе, возвышением класса менеджеров и интеллектуалов, устанавливающих контроль над производством и потреблением [12; 35, с. 342, 347; 52, р. 23-25; 54, р. 17, 36-38].

В качестве следующего кластера примечательных особенностей современности исследователями называются процессы, связанные с расширени-

ем и интенсификацией социальных интеракций, появлением активной, рефлексивной личности с альтернативными ценностными ориентирами и нормами поведения [37, с. 411; 49, р. 117-118].

К примеру, в исходном пункте теории М. Кастельса, представленном концептом «общество сетевых структур», содержится указание на основную характеристику глобализирующейся социальной организации: замещение прежних, темпорально и географически ограниченных форм связей иными, построенными по принципу узловых, паутинообразных переплетений взаимных интересов, обязательств, признаний, ресурсов, отношений, действий акторов вне зависимости от культурных, национальных и иных барьеров. Сеть распространяется на все виды человеческих интеракций и активности, задавая общественные изменения и властное господство [15, с. 495]. Кастельс М. пишет: «Включение в сетевые структуры или исключение из них, наряду с конфигурацией отношений между сетями, воплощаемых при помощи информационных технологий, определяет конфигурацию доминирующих процессов и функции в наших обществах» [15, с. 496].

При этом автор подчеркивает, что эффект сетевизации носит эклектичный характер. В мировой экономической системе углубляются процессы дивергенции: концентрация и глобализация капитала, циркуляция потоков и приращение объемов которого перемещается в сферу транснационального обращения, сопровождаются одновременной сегрегацией и диверсификацией труда, деколлективизацией человеческой деятельности. В амбивалентные трансформации вовлекаются также социальный, культурный и политический сегменты. Отторжение от исторических истоков и географических привязок, коммуницирование в электронно-оцифрованном измерении обуславливают, с одной стороны, разрастание метасети, а с другой – распад национальных образований и обесценивание связанных с ними культурных кодов и поведенческих кодексов. Политика все более виртуализируется, конвертируясь в символическую активность, борьбу языковых и знаковых конструкций, замещающую реальный политический процесс [15, с. 497].

Турэн А. также считает, что определять современное общество только в терминах технологизации и компьютеризации является поверхностным и необоснованным. Есть смысл говорить о возникновении нового социального типа, формировании тесной, основанной на интенсивных коммуникациях и обменах социальной общности с атомизированной системой центров в противовес пирамидальной модели жизнеустройства, его упорядочивания и управления [37, с. 414-415].

Более того, автор вводит понятие «общество протеста», фиксируя в нем тенденции роста политической субъектности индивидов. По его мнению, доступ к неограниченному объему информации и иным культурам, расширенная свобода выбора обуславливают актуализацию проблемы воспроизводства традиционных идей, официально культивируемых установок и предписанных поведенческих стандартов, ведут к осознанию личностью собст-

венной уникальности и агентности, стимулируют к инаковости и участию в движениях, направленных на коррекцию либо демонтаж сложившегося порядка [37, с. 415, 428].

Роллер Е. и Вэссельс Б. солидарны с Турэнном А., полагая, что факторы современности являются важнейшими коррелятами, кратнo увеличивающими социальное участие в протесте. По мысли авторов, благодаря модернизационным процессам формируются условия, в которых граждане могут не только полагаться на представительские институты для артикуляции своих интересов – включенность в менее структурированные, самоорганизующиеся образования, позволяет им ясно формулировать совместные требования и инициативно действовать в целях их исполнения на властном уровне. Результатом развития высшего образования, производящего потенциальных агентов социальных изменений, и сектора услуг, который основывается исключительно на информации и общении, являются интеграционная и мобилизационная активизация, что открывает новые возможности для организации коллективных действий [55].

Аргумент, связанный с влиянием образовательной переменной на рост гражданской протестной активности, считают справедливым Ф. Кампантэй и Д. Чорц. Исследовав революционные события 2010-2011 гг. в арабских странах, они приходят к выводу, что в комбинации с неудовлетворительными экономическими обстоятельствами оптимизация развития человеческого капитала, вызвавшая резкое увеличение в социальной пропорции доли высокообразованных молодых людей, владеющих компьютерной грамотностью, образует совокупность фундаментальных детерминант широкоформатных неконвенциональных выступлений [47].

Более детальное объяснение тесной положительной корреляции между технологическим прогрессом и интенсификацией практик неинституционализованного политического выражения можно найти у Р. Гарретта, П. Норрис, С. Тэрроу и других авторов.

Авторы выдвигают и доказывают идеи о том, что при информационном состоянии общества объективно создаются предпосылки для следующих подвижек:

1. изменения значений в плане финансовых затрат, предпринимаемых физических и когнитивно-психологических усилий, возможных рисков для жизни и благополучия протестующих в сторону их снижения;
2. упрощения и катализации процессов нетрадиционной коллективной идентификации, формирования альтернативных солидарностей и рекрутации в самоорганизованные сообщества новых членов;
3. появления дополнительных каналов и пространств протестного выражения, а также точек доступа к ним;
4. совершенствования инструментов и способов моделирования и успешного осуществления протестных проектов.

Внимание, в первую очередь, фокусируется на том, что появление универсальной скоростной и гибкой Интернет-среды, представленной текстовым, аудио- и видео-форматами, агрегирующей информацию, в том числе социально-политического содержания, из бесчисленного множества источников и от разных носителей, облегчает ее глобальное распространение, изучение, перекрестную проверку достоверности, обсуждение. Это благоприятствует повышению общей политико-идеологической осведомленности, развитию критического мышления и нередко конфликтного сознания, способности разбираться в доктринах и общественно-политических процессах, стимулирует интерес к альтернативным парадигмам общественного устройства. Таким образом, по мере роста образовательной и политической компетенции субъектов их установки на протест могут обнаруживать тенденцию к усилению [50; 53].

Каузальность существенной модификации политического поведения в информационную эпоху интерпретируется и с точки зрения кризиса традиционной идентификационной системы [16; 30, с. 9-10; 36, с. 104-105]. Подобное понимание выводится из презумпции регулирующего воздействия на выбор поведенческой стратегии фактора принадлежности индивида к определенной социальной общности, соотнесения себя с принятыми в референтной среде культурными паттернами, действующими институтами и отношениями. Согласно И. Семененко, «вектор развития всех без исключения сообществ ... определяет коллективную идентичность их членов – комплекс представлений, образующих согласованную, солидарную мотивацию индивидуального и группового поведения» [31, с. 9].

Данное утверждение справедливо и применительно к политической идентификации, предполагающей ориентацию субъекта на близкие ему политические силы, принятие их идеалов, позиций, целей и дистанцирование от контрагентных полей [31, с. 10; 26, с. 18-19].

Однако в условиях глобализационных тенденций, когда жизненно значимые привязки с нацией и государством разрываются, уступая место основанному на частных интересах космополитическому блоку, максимально фрагментирующему общество, личность начинает испытывать чувство анонимии, связанное с потерей устойчивой социальной опоры. Преодоление психологического дискомфорта и обретение себя достигается путем обращения к локальному и автономному уровню идентичности, позволяющей компенсировать утерянное ощущение коллективной близости, сопричастности, признания [31, с. 10; 21, с. 37-39; 32, с. 86]. Неудивительно, что результаты исследования, проведенного Дж. Валенция, Е. Коэном и Д. Гермоцилла, показали положительное влияние социального доверия индивида на его решение участвовать в политическом протесте [48, р. 61, 79-80].

Приоритетное место в данном ряду заменителей занимают этнические, конфессиональные, кланово-корпоративные, политико-идеологические и

иные формы самоидентификации. Одни из них в своей функциональной направленности отличаются конструктивностью, другие – деструктивным действием. Попова О. к негативной идентичности относит сегмент, формируемый оппозиционными политическими акторами, отвергающими действующий порядок осуществления власти и стремящимися с помощью символики и ритуалов, концептов противопоставления и конфронтационной лексики консолидировать представителей социума вокруг декларируемой парадигмы более совершенного жизнеустройства и достичь собственных политических целей [26, с. 19].

Лекторова Ю. раскрывает механизм того, как с помощью тиражируемых электронной системой потоков информации в Интернет-сфере осуществляется искусственное конструирование атомизированных, в том числе протестных идентичностей. По словам автора, центральным пунктом формирования подобных солидарностей является информационная повестка дня, содержащая наиболее актуальную проблематику. Уже на стадии поиска материалов у пользователя выстраивается на подсознании идентификационная матрица, поскольку виртуальное меню структурируется темами, за которыми скрываются подготовленные сюжеты, интерпретации, смыслы. Разгорающийся впоследствии в цифровом пространстве дискурс влечет самоопределение реципиента в отношении занимаемой диспозиции [20, с. 62].

Символическая продукция, производителями которой могут выступать любые заинтересованные акторы и агенты, в комбинации с параметрами аккаунта и уникальным никнеймом образует комплементарную совокупность идентификационных маркеров. При этом спектр разыгрываемых сценариев ограничивается исключительно материальными ресурсами индивидуальных и коллективных инициаторов и колеблется в диапазоне от личных комментариев в блогах до видеосюжетов [20, с. 63].

Лекторова Ю. отмечает, что несмотря на простоту создания online-идентичностей, возникает проблема с их стабильным продолжительным существованием. В силу динамичности обновления информационного потока, идентификационные ориентиры, как правило, меняются в сторону новаций [20, с. 64].

Таким образом, благодаря проницаемости цифрового дискурсного пространства для практически нелимитированных поступлений конкурирующих мнений, смыслов, интерпретаций возможно достижение целей тотальной суггестии, имплементации в массовое сознание запрограммированного понимания действительности, заданных ценностных ориентиров и позиционных установок. Носители дискурсов – отдельные лица, группы интересов, официальные и общественные институты, политические организации и социальные движения, группировки радикальной модальности – конструируя и продвигая собственную ментальную продукцию, осуществляют не только саморепрезентацию и легитимацию, но и решают задачи социализирующего и идентификационного характера.

Эмпирическим подтверждением сказанного может служить исследование, проведенное Н. Красниковой. Детально изучив сайты, кооптированных в систему и неинституционализованных молодежных политизированных структур, она приходит к выводу, что их электронная активность подчинена логике «агитации, рекрутинга, политического PR, обсуждения, обобщения и учета информации..., анализа мнений и настроений» [17, с. 5].

Материалы на сайтах, раскрывающие функциональный характер обозначенных структур, сведения о структурных и организационных аспектах, доктринальных основаниях деятельности, целях и задачах, контактах, сюжеты исторического экскурса дополняются новостными сообщениями об общественно-политических событиях, которые сопровождаются комментариями идеологов движений, лидеров и активистов. Благодаря форумам и чатам, устанавливается обратная связь с политически нейтральной адресной аудиторией, рассматриваемой в качестве потенциальной социальной ниши поддержки и будущего кадрового резерва [17, с. 6-7].

Плотников Д., изучив проблему роста ксенофобных настроений в России в 2000-х гг., констатирует, что транслируемая в блогах, на форумах и поисковых системах информация, оказывает значительное влияние на сознание, прежде всего, молодежной когорты, определяя опасную тенденцию к консолидации вокруг группировок ультранационалистического толка [25, с. 47].

Кроме того, безличное кибер-пространство с его сравнительно мало затратными возможностями коммуницирования, оперативностью, свободой самовыражения и творческого подхода в отношении продуцирования собственных правил политической игры, сложностью для официального надзора и репрессивных мер становится востребованной площадкой online-партиципации для групп, не вписывающихся в механизмы конвенционального участия. Мэриен С., Худж М. и Квинтелер Е. при сравнении данных, взятых в разрезе по двадцати пяти странам мира, выявили проблему неравенства, безусловно присутствующую как в случае с институционализированным, так и неинституционализированным участием, реализуемом в режиме реального времени [51, р. 189-190, 211-213]. В то же время, социальные сети Интернет-среды отличаются информационным и коммуникационным потенциалом независимого паритетного участия и демократического влияния, поскольку в их построении участвуют представители разных социальных страт, статусов, гендерных и демографических групп, профессионального и образовательного уровней, обладающие нетождественными познавательными, эмоционально-мотивационными, личностными характеристиками, конкурентным видением мира, полярными либо сходными мнениями и суждениями.

Используя алгоритм, предложенный политологами Е. Андруза и А. Галлего [46, р. 872-873], можно построить трехуровневую модель протестной активности, подверженной эффекту использования Интернета.

Первый уровень включает в себя действия, которые возможны только в online-пространстве: отправление электронных писем с протестным содер-

жанием с целью повлиять на принятие государственных решений, комментари и критика на web-сайтах и online-форумах, хактивизм.

Второй уровень предполагает существование эквивалентов offline-действий на online-сцене: подписание ходатайств, пожертвование вкладов в пользу политических заключенных, установление коммуникаций с политическим деятелем с целью его выступления в Сети.

Третий уровень связан с использованием цифровых инструментов для воздействия на политику, осуществляемую в режиме реального времени. Например, проведение online-кампаний по продвижению оппозиционной политической организации, формированию положительного имиджа ее лидера, стимулированию к протестному участию посредством презентации образа врага позволяет достигать расширение масштаба протестных акций. Осуществлению акций гражданского неповиновения, определяемых как ненасильственное неподчинение правовому предписанию и административному порядку [11, с. 259; 23, с. 158; 43, с. 51] также предшествует подготовка в блогах, на форумах, социальных сетях.

Новым явлением политического протеста является перенос движения сопротивления в киберпространство. Феномен получил название «хактивизм» и представляет собой синтез политической активности и использования Интернет-технологий. По словам А. Самюэль, тактика хактивистов может иметь больший резонанс, чем обычные формы активности. Автор выделяет следующие виды подобной технологии:

1. «стирание места» (замена web-страницы противника собственной страницей, содержащей необходимую политическую информацию);
2. «нападение на компьютерную сеть или систему оппонента» (разрушение физических компонентов сети, дискового пространства, центрального процессора с помощью вирусов);
3. «информационное воровство» (взламывание сети контрагента и кража его политической информации);
4. «саботаж» (внедрение в сеть противника самовоспроизводящихся и распространяющихся червей и вирусов, влекущих разрушение данных);
5. «активные сидячие забастовки» (перегрузка целевого сервера объекта протеста посредством отправления ему неограниченного числа сообщений политического характера);
6. «переадресация места обслуживания» (замена исходящего адреса оппонента на другой с целью дезориентации постоянных пользователей);
7. «пародия места» (осуществление переадресации друг другу сайтов двух контрагентов, выступающих объектами протеста, с целью их столкновения в физическом пространстве);

8. «разработка программного обеспечения» (создание программ, нацеленных на разблокирование доступа к официально запрещенным сайтам либо осуществление собственной конспирации) [56, p. 5-8, 14-17].

В качестве ярких исторических примеров политического хактивизма можно привести следующие.

В 1998 г. усилиями групп «Milworm» и «Ashtray Lumberjacks» было нарушено функционирование трехсот сайтов, взломана система безопасности провайдера «Easy Space». В результате, пользователи переадресовывались на страницу, где был размещен призыв антивоенного, антиядерного содержания: «Сделай, что можешь, чтобы сохранить мир на Земле...». В 2001 г. в знак протеста против официального запрета в Афганистане публичного пользования Интернет-ресурсами был уничтожен ангажированный движением «Талибан» web-сайт. После его посещения оставлено эмотивно-насыщенное сообщение, отражающее негативное отношение хактивиста к движению и его лидеру. В 2003 г. протест против войны в Ираке получил символическое выражение в форме выставленной на сайтах американских и английских компаний фотографии погибшего ребенка [33]. В 2010 г. известность получили акции представителей хакерской сети «Anonymous», осуществленные в ответ на санкционированные атаки официальных служб США на «Wikileaks» [24].

Активность российских хакеров в значительной степени определяется идеологическими основаниями, в отличие от их зарубежных соратников. Аргументацией служит пример взлома сайтов ФБР США в период, когда наносились бомбовые удары по территории Югославии, критика деятельности компании «Microsoft», ответственной за выпуск и тиражирование проблемной с точки зрения безопасности информационной продукции, перманентные массированные компьютерные атаки на официальные информационные ресурсы органов государственной власти Российской Федерации, в том числе Президента Российской Федерации, систему электронного опроса избирателей российских регионов во время выборов, а также сайты политических партий и общественно-политических движений [27; 28; 39; 40; 41; 42].

Появление IP-телефонии, электронной почты, Интернета С. Тэрроу считает значимым фактором, обусловившим усиление процесса международной интеграции социальных движений. С точки зрения исследователя, созданное техническое обеспечение и сформированные социальные сети являются достаточным основанием для мобилизации людей в транснациональное, одномоментное либо длящееся во времени коллективное действие и успешной координации его осуществления. Автор пишет: «... мир входит в эпоху беспрецедентного роста глобальных движений...» [57, p. 53].

При этом она выделяет три пути указанных объединительных процессов [57, p. 55-56, 61, 63-64].

Первый связывается с масштабным расширением внутристрановых протестных выступлений и их выходом за пределы государственных границ. В

данном случае радикальные формы протеста – бунты, восстания, перевороты, революции – признаются, оправдываются и принимаются в качестве алгоритма от одной страны к другой по принципу циркулярного заражения. Подобный тренд фиксируется, например, в современных событиях на Ближнем Востоке.

Другой вариант протестной интеграции, по мнению С. Тэрроу, реализуется благодаря политическому обмену и взаимодействию между группами оппозиционно ориентированных национальных акторов. Обозначенные протестные движения являются наиболее устойчивыми, так как основываются на сходстве идеологических предпочтений, отношений к властным институтам и принимаемым официальными лицами политическим решениям. К данному классу интернациональной гражданской солидарности автор относит экологические, женские, антиядерные ассоциации.

Наконец, последний тип глобальной консолидированной протестной мобилизации формируется, согласно С. Тэрроу, вокруг актуальной общезначимой проблемы. При таком развитии сценария международные связи, как правило, нивелируются одновременно с устранением конфликтной ситуации.

Следующий круг вопросов, требующий освещения, имеет отношение к повышению организационно-операционализированной оформленности протестного пространства.

В информационном обществе наблюдается усложнение репертуара и совершенствование механизмов протеста за счет смешения методик, отражающих контексты прошлого опыта, и форм, мозаичность которых порождена высокотехнологичным обеспечением. Осуществляется отторжение неактуальных для современного уровня конструкторов протестной стратегии и внедрение приемов, отвечающих специфике политического процесса и статусу рефлексизирующего субъекта. Параллельно реализуется включение экспериментов в традиционную базу, что ведет к их синтезу и получению на выходе новых видов, адаптированных к требованиям реальности.

В этой связи корректно, в первую очередь, акцентировать внимание на отказе от стандартных организационных форм. Они признаются недействительными в условиях мощной индустрии манипуляции коллективным сознанием и эффективно функционирующих карательных институтов. На смену партиям с централизованным управлением, иерархией подчинения приходят сетевые структуры, атомизированные мобильные группы. Автономные и гибкие в принятии решений, они состоят из идеологически приверженных, физически подготовленных и, как правило, обладающих навыками владения оружием, боевыми искусствами, теоретическими знаниями членов. Последние осуществляют подрывную деятельность, используя легальные и запрещенные средства, предпочитая акции, престаупающие контекст рамочного политического поведения.

Нередко, основываясь на стратегии, предложенной адептом цветных революций Дж. Шарпом [45], выбирается технология ненасильственного противостояния, предполагающая сочетание анархизма с тактикой ведения психологической войны. Суть технологии состоит в методичном разрушении с использованием сатиры и критической иронии ценностного, задающего устойчивость политической структуры комплекса с последующим культивированием либеральных взглядов, установок на европейскую модель и одновременной реорганизацией институциональных основ. Ставка делается на Интернет- и масс-медийные средства, что обеспечивает в высокоскоростном режиме вторжение новых дискурсов в общественное пространство, вызывая ожидаемую когнитивную реакцию [1, с. 384; 13; 18, с. 11-16; 19, с. 31-53].

Распространение получают сетевые войны и роевая тактика, разработанные с учетом возможностей новейших вычислительных систем, Интернета, спутниковой связи, беспроводных нательных устройств и телефонов. Посредством их обеспечивается инспирирование, динамичное слияние рассредоточенных субъектов «умной толпы», локализация групп лиц в реальном времени и пространстве и управление массой в режиме жесткой иерархии.

Рейнгольд Г., вводя понятие «умная толпа», определяет последнюю как динамичный, сплоченный ситуативный союз субъектов, вооруженных сотовыми телефонами, радиопередатчиками, устройствами для прослушивания, переносными компьютерами, и представляющих силу, преодолевающую общественные и временные рамки [29, с. 301].

С помощью арсенала технической инфраструктуры участники уличного протеста поддерживают связь друг с другом, освещают происходящее, отслеживают действие сил правопорядка, оповещают об изменениях ситуации. Кроме того, организаторами сообщения о событиях и видеоматериалы передаются в Интернет и независимые СМИ.

Рейнгольд Г. приводит первые примеры успешных действий «умной толпы» [29, с. 301-302].

1. Свержение Президента Филиппин Дж. Эстрада в 2001 г., когда в течение часа после получения первым абонентом сообщения о проведении мирной демонстрации несколько десятков тысяч жителей Манилы сконцентрировались на бульваре «Эпифанио де лос Сантос». За четыре дня это количество увеличилось до миллиона человек.
2. Социальный протест 1999 г. против проведения в Сиэтле встречи членов «Всемирной торговой организации». Демонстрантами применена роевая тактика, задействованы мобильные телефоны, web-узлы, переносные персональные компьютеры.
3. Блокировка отпуска бензина на британских автозаправочных станциях в 2000 г. в знак протеста против резкого увеличения цен на топливо. Тысячи участников акции использовали мобильные телефоны, SMS-сообщения, электронную почту и радиосвязь в такси для координации поведения атомизированных групп.

В последние несколько лет популярность получил проект «Оссуру», в основу организации и проведения которого положены вышеобозначенные принципы. Показательны в этом отношении массовые митинги на «Wall Street» в Нью-Йорке и центре Чикаго в 2012 г. Объектом первого протеста стала банковская система, второго – деятельность «Североатлантического альянса», направленная на увеличение милитаризованных расходов и разжигающая военные конфликты в разных точках планеты [22].

Акция «Оссуру Central» прошла в конце сентября 2014 г. в Гонконге. Темой протеста стало несовершенство существующей избирательной системы и непопулярная политика федеральной власти Китайской Народной Республики. Начавшись с демонстрации студентов, выдвинувших требование демократических реформ, акция переросла в многотысячные демонстрации протеста, к которым присоединились иные социальные группы [2].

Тот факт, что ключевые процессы, характеризующие информационное общество, носят глобальный характер, распространяясь в том числе на регионы Российской Федерации, подтверждается результатами мониторинга сайтов молодежных политизированных объединений и Интернет-сообществ, а также мнений, представленных на форумах и web-страницах, осуществленного автором данного текста в 2011 г. Полученные данные позволили говорить о формировании по состоянию на заявленный год протестной молодежной интерактивной сети, нацеленной на пользователей, проживающих на территории Уральского федерального округа (далее – УрФО). Ее объединяющей основой выступила позиция противостояния полю официальной политики и администрирования, а индикаторами послужили: взаимная заинтересованность, общая цель, ресурсная зависимость, горизонтальный тип отношений, договорная культура консенсуса, особые правила политической игры и коммуникаций, отсутствие единой модели поведения. Несмотря на крайнюю подвижность из-за динамичности состава присоединяющихся или выбывающих участников, структура продемонстрировала высокую степень устойчивости, обусловленную воспроизводством отношений и их модификацией, неизбежными в ситуации нормативных запретов и сужения пространства политических возможностей.

Интегрированная в более широкую общероссийскую зону сеть организовывалась конкурирующими и солидаризирующимися доменами разного уровня влияния, действия и политико-идеологической направленности. Домены формировались узлами доверия, контактов и ресурсов, дифференцировавших отдельные сетевые образования.

Домены низшего уровня представляли собой эгоцентричные микросети, состоявшие из конгломерата неэквивалентных графов, включавших акторов и их произвольное множество неформальных и неподконтрольных государству связей, образующих массовую базу молодежной неконформности. Основу микросетей составили устоявшиеся личные off- и online-отно-

шения, опосредованные через третьих лиц трансакции, а также off- и online-консультации.

Были выделены три группы акторов, включенных в данный домен.

Первую группу образовывали сетевые агенты, устанавливающие связи по собственной инициативе и стимулирующие тем самым развитие протестного сетевого предприятия: автономные мобберы, хакеры, модераторы групп, лидеры мнений. Активируя имманентно иммобильных ближайших знакомых из молодежной среды, они продуцировали изменения в их отношении к реальности и запускали реакцию протестного заражения.

Во вторую группу вошли субъекты, не принимающие участие в коллективных действиях, однако находящиеся в режиме постоянного общения и обсуждения вопросов, связанных с политикой. Одновременное включение их в обменные коммуникации способствовало формированию собственной гражданской позиции, стимулировало к агрегации и артикуляции интересов в пространство публичной сферы.

Третью группу образовывали внесетевые акторы, политически индифферентные, однако оказывающие влияние своими действиями на вступление других субъектов в общую протестную сеть. Например, студенты или выпускники физических и химических факультетов, военных институтов нередко давали инструкции по изготовлению дымовых шашек, взрыв-пакетов, бомб [14; 34; 44]. Лица, получившие образование в юридических вузах, осуществляли консультации по административному и уголовному праву, организации и проведению протестных мероприятий [38].

Таким образом, характерными чертами рассматриваемых микросетей были определены следующие: неограниченное число участников с минимальной степенью взаимозависимости, дискретность контактов, высокий уровень непредсказуемости, асимметричность ресурсов. Важной составляющей являлся кредит доверия. Дефицит уверенности в партнере препятствовал накоплению протестного капитала. В этом смысле значение приобретало сокращение дистанции между участниками интеракций.

В построении доменов среднего уровня участвовали протестные сообщества клубного типа, возникающие на web-сайтах, таких как «ВКонтакте», «В моем мире», «Одноклассники», и включавшие субъектов, напрямую взаимодействующих друг с другом. Обозначенные сетевые узлы объединяли относительно однородные молодежные группы, имеющие финансовые средства, дающие возможность выхода в Интернет, либо пользующиеся ресурсом внутривузовского технологического обеспечения образовательного процесса. В данном случае постоянство и последовательность обменов между физически разъединенными позициями акторов достигались через высокоскоростные технологии коммуникации. Информация выступала базисом мотивации контактов и поведения.

Сеть развивалась в двух направлениях. Первое было представлено исключительно информационным online-взаимодействием, имеющим закры-

тый или открытый характер, выходящим за территориальные пределы УрФО или ограниченным зоной города, района, округа в целом.

Конвертация политического капитала в протестный осуществлялась в нем через рекрутирование на основе персонифицированных связей. Приоритет отдавался установлению и поддержанию постоянных коммуникаций между сторонами, в системах, сознательно ограниченных узким членством – сохранению устойчивого характера связей между участниками сформированного и проверенного сообщества. Обязательным требованием выступала общность взглядов, политико-идеологическая или национальная идентичность. Внутри доменов циркулировали в основном эмоциональные потоки ресурсов – сочувствие, поддержка, гнев, а также символические, связанные с обменом информацией и выражением позиции.

Примером послужили этноцентричные политические сети с дозированной восприимчивостью к иной культуре и гражданственности. Первая из них была репрезентирована русофобными образованиями, такими как: «Геноцид чеченского народа» (г. Челябинск) [3], «Мусульманский союз» (г. Миасс, г. Свердловск) [4], «Мы кавказцы, а значит непокоримы!» (г. Тюмень, г. Ишим, г. Каменск-Уральский) [5]. На форумах данных сообществ выкладывался материал о геноциде народов азиатских и кавказских национальностей со стороны русского этноса, содержались призывы к смене российской власти и захвату территории страны.

Противостояла ей клубная сеть, отстаивающая идеи сохранения суверенной России, единства славянских народов, национального самоуважения, борьбы с иммигрантами [6].

Среди субъектов сети, межперсональные отношения которой выстраивались на настроениях недовольства общественно-политической системой и ее институтами, выделялись сообщества: «Протест против системы» (г. Тюмень, г. Тобольск) [7], «Социальный протест милицейскому произволу» (г. Тюмень, г. Челябинск, г. Екатеринбург) [8], «Бунтари А.Е.» (г. Екатеринбург) [9]. В задачи сети входил поиск единомышленников и формирование среды сопротивления как начальный этап будущего восстания.

Другое направление предполагало перенос выстроенных Интернет-контактов в offline-пространство публичной политики. В данном случае корректно упоминание о группе «Ситуация в УрГПУ». Сформированная в марте 2010 г., она преследовала цель объединения в Сети в горизонтальную структуру студентов для последующего обмена информацией и координации коллективных действий в практической плоскости [10].

Домены высшего уровня складывались из смежных узлов политического взаимодействия, транскомуникативных центров, посредством которых узлы интегрировались в крупные кластеры, и внешних пограничных звеньев, позволяющих адептам четырех самых влиятельных и непримиримо разнородных формаций участвовать в построении в УрФО единой сети моло-

дежного организованного сопротивления. Объединяющими факторами выступили: модель видения общественного жизнеустройства, организации политического, экономического и культурного порядков в России; политические артефакты, порождаемые коллективными акторами и способствующие усилению процессов идентификации и консолидации разрозненных организационных единиц; обобщенный образ врага в лице действующего политического режима.

Узловое пространство конструировалось молодежными организациями и движениями, различающимися организационно-правовой формой, идеологическим обеспечением деятельности, стилевыми характеристиками, социальной базой поддержки и уровнем легитимации в обществе.

Подсчет зарегистрированных в Сети сайтов и адресов электронной почты позволил установить свыше ста обозначенных образований. Среди них выделились объединения, представленные спектром общенациональных организаций и движений, а также часть, созданная усилиями местной молодежи.

Стратегическое значение УрФО в системе государственного развития обусловило масштаб репрезентации молодежного движения в Интернете, в то время как социально-экономическая ситуация в конкретном регионе, уровень урбанизации и интернетизации, размер центров, их экономический, политический и культурный потенциал, развитие научного корпуса определили особенность дислокации в границах округа.

В результате исследования были выявлены субъекты со слабой представленностью в Рунете молодежных организаций (Курганская область, ЯНАО), средней (Тюменская область, ХМАО) и сильной (Свердловская и Челябинская области). Интернет-активность в ЯНАО носила дуоцентричный характер, связанный с деятельностью национал-патриотических и радикал-националистических образований, а также правой оппозиции. В составе тюменских протестных объединений преобладали организации левой и анархической направленности. Урал удерживал первенство по количеству молодежных либерально-оппозиционных структур. В общем порядке молодежных образований выделились ультранационалистические группы, которые были зарегистрированы повсеместно.

Домен левой модальности структурировался знаково-символическими системами самопозиционирования и продвижения концептуальных моделей альтернативного жизнеустройства, принадлежащими молодежным единицам левого антикапиталистического, анархистского и антинационалистического политического флангов. С их помощью осуществлялась обработка сознания Интернет-пользователей, внедрение в него определенных нормативных и ценностных установок, формирование оценочных матриц.

Анализ информации о дружественных сайтах позволил прийти к заключению, что из всего спектра левого блока посредством плотных взаимных связей строились отношения единиц, входящих в состав «Левого фрон-

та): «Авангарда красной молодежи», «Российского коммунистического союза молодежи», «Автономного действия». В данном случае был зафиксирован интенсивный обмен информационными, кадровыми, материальными и иными ресурсами. Структурно эквивалентные контакты выстраивали также между собой «Авангард красной молодежи», «Союз коммунистической молодежи», «Революционный коммунистический союз молодежи большевиков», с одной стороны, и «Автономное действие», социалистическое и антифа-движения – с другой. Каждая из сторон, входивших в обозначенные микросети доверия, имели связи с двумя другими сторонами. Транскоммуникативными центрами в левом домене выступали «Автономное действие» и «Авангард красной молодежи». Благодаря им иные акторы, не имеющие прямых взаимных соединений, были достижимы в отношении друг друга пошаговым путем.

Внешним звеном, связующим идеологических антагонистов, принадлежащих к доменам левого и праволиберального вектора, до 2010 г. являлась «Другая Россия». Ее функционирование доказало возможность эффективного взаимодействия в рамках оппозиционной конкуренции.

В качестве такого интермедиатора было принято рассматривать и сформированную в октябре 2009 г. политическую организацию «Молодые социалисты России». Стоящая на позиции социал-демократизма, коалиция объединяла молодежные силы в диапазоне от лояльных власти либералов до «зеленых» и коммунистов в лице «Союза коммунистической молодежи».

В то же время, анализ списков дружественных сайтов позволил предположить существование альтернативной схемы институционального взаимориентирования и возможной конфигурации объединения двух сетей по следующей схеме: либертарные коммунисты ↔ свободные радикалы ↔ демократический альянс.

Правая оппозиция была представлена на off- и online-сценах УрФО в 2011 г. рядом успешных и влиятельных структур: молодежным блоком «Объединенного гражданского фронта», «Обороной», «Народно-демократическим союзом молодежи», «Движением против насилия». На их фоне политические единицы «Мы», «Демократическая альтернатива» и «Молодежная организация Союза правых сил» выглядели слабыми акторами.

Помимо автономных коллективных акторов в рассматриваемой сети выделялся координирующий центр – объединенное общественное движение «Солидарность». Его задача состояла в выборе из совокупности стратегических алгоритмов, генерируемых отдельными инициаторами, наиболее оптимального для установления модели взаимодействия, которая бы отвечала равновесию элементов в механизме политической игры.

Если говорить о звене очередной кластеризации мезосетей, то право быть маркированным в качестве такого получил «Народно-демократический союз молодежи», активисты которого приняли в ноябре 2010 г. участие

в учредительной конференции движения «Русский гражданский союз». Последний был призван положить начало сотрудничеству демократов и русских националистов.

Сеть национал-патриотической модальности была представлена тремя крупными узлами взаимодействия: узлом имперско-националистического направления, узлом ультранационалистического организационного направления и узлом экстремального расистско-националистического направления. Дифференциация между ними обнаруживалась как на уровне систем аргументации, так и с точки зрения реализации политического действия.

Агентами узла имперско-националистического направления выступали молодежные силы монархических структур – «Русского имперского движения», «Монархической партии России», «Южноуральского монархического общества» и «Русского общенационального союза», организации «Черная сотня», «Народной национальной партии», «Национал-державной партии России», движений «Русское национальное единство» и «Русский национальный союз».

Узел ультранационалистического организационного направления был представлен «Русским образом», «Спротивлением», «Национал-социалистической инициативой», «White pride», осуществлявшими взаимное освоение регионального online-пространства.

На фоне нарастающего прессинга со стороны правоохранительных органов наблюдалась тенденция построения сетевых контактов в двух рассмотренных доменах не столько на основе совпадающих идеологических и этнонационалистических принципов, сколько в рамках общего противостояния действующему режиму. Данное обстоятельство актуализировало проблему невысокой плотности сетей, нестабильность отношений, вероятность нарушения при определенных условиях обязательств, что понижало ценность взаимной поддержки.

Узел экстремального расистско-националистического направления представлял собой ультраправое подполье, дискурсивная online-практика которого была направлена на распространение скинхэд-культуры и идей белого движения, поддержание мобилизации сторонников, расширение социальной базы, в том числе на территории УрФО. Наиболее известными из группировок указанного типа стали: «Объединенные скинхэды-88», «Бойцовский клуб», «Русский удар», «Фантом», «Скинхэды», РДР-14, «Фольксштурм», «Челябинский союз», «Таежное северное братство».

Политизация задавала обозначенным структурным единицам установку на функционирование в двух параллельных плоскостях: на уровне открытого применения силы в отношении лиц чужеродного сегмента и уровне противостояния власти. Последнее имело либо очевидный диверсионный характер, либо осуществлялось путем внедрения в институциональную систему и использования социальных контактов. Вследствие этого обстоятель-

ства стало возможным говорить о дуальности узлов: одна группа формировалась вокруг лидеров, другая представляла собой диффузную безъядерную сеть. В первом случае оставалось пространство для расширения диапазона взаимодействий, средств и методов достижения целей, во втором в силу суженности контактов и слабой ресурсной базы агенты были вынуждены прибегать к открытому насильственному способу ведения борьбы.

Подводя итог вышеизложенному, следует констатировать, что в информационную эпоху в силу развития и внедрения во все сферы жизнедеятельности общества информационно-коммуникационных технологий трансформационные процессы затрагивают не только хозяйственно-экономический сектор, но охватывают также социальный, культурный, политический сегменты.

Социум переходит к сетевой модели организации и публичного управления. Фактор принадлежности и исключения из сети становится ключевым, определяющим общественные изменения и конфигурацию властных отношений. Сетевой принцип начинает доминировать и в системе коллективных действий, обуславливая образование одноименной формы протестной организации. Цифровая сфера и высокотехнологичная связь облегчают доступ к политической информации, способной изменить отношения и ценности, задающие политическое поведение, расширяют пространство протестного выражения за счет каналов и ресурсов, которых ранее не существовало, способствуют развитию электронной и иной локальной идентичности, online-партиципации, мобилизации и координации действий в реальном политическом поле. Благодаря инновационно-технологической инфраструктуре усложняется репертуар протестной активности, совершенствуются стратегия и тактика.

В конечном счете, происходящие перемены способствуют вовлечению в орбиту фронды все большего количества участников, возросшая агентность которых обуславливается осознанием собственной политической самодостаточности, способности влиять на центры принятия решений, а также взаимным доверием, рождаемым в силу идентификации и солидаризации с референтной социальной группой.

Библиографический список к главе 9

1. Александров А., Кара-Мурза С., Мурашкин М., Телегин С. Экспорт революции. – М.: «Алгоритм», 2005. – 528 с.
2. В Китае столкнулись полиция и участники акции «Occupy Central» [Электронный ресурс] // Информационно-справочный портал «Gorod48». – Режим доступа: <http://gorod48.ru/news/270581>.
3. Группа «Геноцид чеченского народа» [Электронный ресурс] // Сайт социальной сети «ВКонтакте». – Режим доступа: <http://www.demotivation.ru/lv91zcuuctlpic.html>.

4. Группа «Мусульманский союз» [Электронный ресурс] // Сайт социальной сети «ВКонтакте». – Режим доступа: <http://vkontakte.ru/club17186348>.
5. Группа «Мы кавказцы, а значит непокоримы!» [Электронный ресурс] // Сайт социальной сети «ВКонтакте». – Режим доступа: <http://vkontakte.ru/club7780336>.
6. Группа «Русские – лучшие!» [Электронный ресурс] // Сайт социальной сети «ВКонтакте». – Режим доступа: <http://vkontakte.ru/club5900444>.
7. Группа «Протест против системы» [Электронный ресурс] // Сайт социальной сети «ВКонтакте». – Режим доступа: <http://vkontakte.ru/id21744192#/club17259346>.
8. Группа «S.A.W.» [Электронный ресурс] // Сайт социальной сети «ВКонтакте». – Режим доступа: <http://vkontakte.ru/id21744192#/club9703499>.
9. Группа «Бунтари А.Е.» [Электронный ресурс] // Сайт социальной сети «ВКонтакте». – Режим доступа: <http://vkontakte.ru/club9017478>.
10. Группа «Ситуация в УрГПУ» [Электронный ресурс] // Сайт социальной сети «ВКонтакте». – Режим доступа: <http://vkontakte.ru/club9811791>.
11. Залысин И.Ю. Идеи Г. Торо о гражданском неповиновении и современный политический процесс // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – № 5. – С. 259-261.
12. Иноземцев В. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.goldbiblioteca.ru/online_psihologiya/online_psisitr4/394.php.
13. Кагарлицкий Б. «Оранжевый мираж» или начало политики? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vz.ru/columns/2007/11/19/125686.html>.
14. Как сделать дымовую шашку дома: сайт «Shturmtv» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.shturmtv.com/video/1352/Как-сделать-дымовую-шашку>.
15. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В. Иноземцева. – М.: «Знание», 1999. – С. 495-505.
16. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.buk.irk.ru/library/book/search.html>.
17. Красникова Н.М. Интернет-ресурсы молодежных движений как инструмент политической социализации и мобилизации современной молодежи // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». – 2008. – № 3. – С. 3-16.
18. Крушинский А. Колочий «бархат» // Родина. – 2005. – № 2. – С. 11-16.
19. Лейн Д. Оранжевая революция: «Народная революция» или революционный переворот // Полис. – 2010. – № 2. – С. 31-53.
20. Лекторова Ю.Ю. Конструирование информационных повесток дня: выбор идентичности в сети // Идентичность как предмет политического ана-

лиза: Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (Москва, 21-22 октября 2010 г.). – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – С. 62-64.

21. Мартьянов В.С. Конфликт идентичностей в политическом проекте модерна: мультикультурализм или ассимиляция? // Идентичность как предмет политического анализа: Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (Москва, 21-22 октября 2010 г.). – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – С. 36-42.

22. На саммит НАТО в Чикаго съехались представители более чем 50 стран альянса и его партнеров. Корреспондент «Голоса России» побывал в лагере протестующих: сайт антиглобалистского движения в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://anti-global.ru/Antiglobalism-v-mire/ossury-chicago-protiv-voenny-h-rashodov>.

23. Омеличкин О.В. Гражданское неповиновение и выборы // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – № 4. – С. 158-162.

24. Основана группа хактивистов «Анонимное анархическое действие»: сайт русских анархистов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.anarkismo.net/article/18871.

25. Плотников Д.С. Интернет как средство политической мобилизации радикальных сообществ // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». – 2008. – № 3. – С. 47-53.

26. Попова О.В. Развитие теории политической идентичности в зарубежной и отечественной политической науке // Идентичность как предмет политического анализа: Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (Москва, 21-22 октября 2010 г.). – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – С. 13-29.

27. Противники Лимонова взломали сайт НБП: сайт «Территория взлома» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.hackzona.ru/hz.php?name=News&file=article&sid=7533.

28. Российскую систему электронного голосования атаковали хакеры [Электронный ресурс] // Сайт «Территория взлома». – Режим доступа: www.hackzona.ru/hz.php?name=News&file=article&sid=9317.

29. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция / Пер. с англ. А. Гарькавого. – М.: «Гранд-Фаир», 2006. – 416 с.

30. Рябова М.Э. Формирование новых идентичностей: диалектика глобального и регионального // Регионоведение. – 2009. – № 4. – С. 9-16.

31. Семененко И.С. Идентичность в предметном поле политической науки // Идентичность как предмет политического анализа: Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (Москва, 21-22 октября 2010 г.). – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – С. 8-12.

32. Семененко И.С. Национальные практики формирования гражданской идентичности: опыт сравнительного анализа // Идентичность как предмет политического анализа: Сборник статей по итогам Всероссийской научно-

теоретической конференции (Москва, 21-22 октября 2010 г.). – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – С. 86-101.

33. Смирнов С. «Коричневые» хактивисты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hro.org/ngo/articles/2005/06/12/php>.

34. Создание бомбы в домашних условиях [Электронный ресурс] // Сайт «Laboratorium». – Режим доступа: <http://p-lab.org/dir/7-10-29>.

35. Стоуньер Т. Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики // Новая технократическая волна на Западе / Под ред. П. Гуревича. – М.: «Прогресс», 1986. – С. 339-355.

36. Суханов В. Региональная идентичность в контексте глобализации: теоретический анализ // Вестник Московского университета. Серия 18: социология и политология. – 2009. – № 1. – С. 50-64.

37. Турэн А. От обмена к коммуникации: рождение программированного общества // Новая технократическая волна на Западе / под ред. П. Гуревича. – М.: «Прогресс», 1986. – С. 355-456.

38. Форум «Tigru» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tigru.org/forum/viewtopic.php?f=43&t=860>.

39. Хакеры охотятся на сайт Президента РФ [Электронный ресурс] // Сайт «Территория взлома». – Режим доступа: www.hackzona.ru/hz.php?name=News&file=article&sid=7627.

40. Хакеры взломали почту ФСО [Электронный ресурс] // Сайт «Территория взлома». – Режим доступа: www.hackzona.ru/hz.php?name=News&file=article&sid=9718.

41. Хакеры украсили сайт ЛДПР неприличной картинкой [Электронный ресурс] // Сайт «Территория взлома». – Режим доступа: www.hackzona.ru/hz.php?name=News&file=article&sid=7821.

42. Хакеры атаковали сайты Г. Каспарова и «Марша несогласных» [Электронный ресурс] // Сайт «Территория взлома». – Режим доступа: www.hackzona.ru/hz.php?name=News&file=article&sid=7564.

43. Чирун С. Политическая активность и политическое участие молодежи: проблемы и возможности // Вестник Томского ГУ. – 2010. – № 332. – С. 50-54.

44. Что такое взрыв-пакет и как его сделать: сайт «Exprience» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://exprience.ru/kak-sdelat-bombu/>.

45. Шарп Дж. От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.psyfactor.org/lib/sharp.htm>.

46. Anduiza E., Gallego A. Political Participation and the Internet // Information, Communication & Society. – 2009. – Vol. 12, № 6. – P. 860-878.

47. Campantey F., Chorz D. The people Want the Fall of the Regime: Schooling, Political Protest, and the Economy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web.hks.harvard.edu/publications/getFile.aspx?Id=671>.

48. Cohen E. Hermosilla D., Valencia J. Social Trust and Political Protest // *Psicología Política*. – 2010. – Vol. 5, № 40. – P. 61-80.

49. Fisher D. On Social Networks and Social Protest: Understanding the Role of Social and Personal Ties in Large-Scale Protest Events // *Research in Social Movements, Conflicts, and Change*. – Vol. 30. – P. 115-140.

50. Garrett R. Protest in an Information Society: a Review of Literature on Social Movements and New ICTs [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://journalsonline.tandf.co.uk/openurl.asp?genre=article&id=doi:10.1080/13691180600630773>.

51. Hooghe M., Quintelier E., Marien S. Unconventional Participation and the Problem of Inequality: A Comparative Analysis // *European Civil Society*. – 2010. – Vol. 3, № 2. – P. 132-146.

52. Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society. – Washington: «World Future Society», 1981. – 171 p.

53. Norris P. Political Protest in Fragile States [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.hks.harvard.edu/fs/pnorris/ Acrobat/IPSA%202006 %20Political %20Action %20in %20Fragile %20States.pdf](http://www.hks.harvard.edu/fs/pnorris/ Acrobat/IPSA%202006%20Political%20Action%20in%20Fragile%20States.pdf).

54. Porat M. The Information Economy: User's Guide to the Complete Database (on Magnetic Tape). – Washington: «Office of Telecommunications», 1977. – 63 p.

55. Roller E., Wessels B. Contexts of Political Protests in Western Democracies: Political Organization and Modernity [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bibliothek.wzb.eu/pdf/1996/iii96-202.pdf>.

56. Samuel A. Hacktivism and the Future of Political Participation. – Massachusetts: «Harvard University Press», 2004. – 274 p.

57. Tarrow S. Fishnets, Internets and Catnets: Globalization and Transnational Collective Action. – Minneapolis: «University of Minnesota Press», 1998. – 305 p.

**ФИЛОСОФСКИЕ, ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ,
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНИМАНИЯ**

И сказал Господь: вот один народ, один у всех язык; и вот что начали они делать и не отстанут они от того, что задумали делать; сойдем же и смешаем там языки их, так чтобы один не понимал речи другого.

Ветхий Завет, Первая книга Моисея Бытие: 11

Ветхий Завет и Евангелие от Луки начинаются словами, которые вошли во многие учебники и научные издания мира, цитируются всеми учеными независимо от страны происхождения, потому как ядром этих строк является слово и, в более широком смысле, – язык. Библейские строки, на которые мы ссылаемся, имеют различную интерпретацию и применение в зависимости от области научных знаний в которых они звучат, но мы хотели бы обратить внимание на проблему понимания, которая лежит в основе притчи о Вавилонском столпотворении. Строительство башен до небес было прекращено не потому, что Бог физически рассеял строителей по миру, а в первую очередь потому, что лишил строителей основы любой совместной деятельности – единого языка, а глубже, – понимания.

Проблема понимания многомерна, вовлекает в свою орбиту данные из многих областей научного знания: философии, психологии, социологии, лингвистики, коммуникологии, культурологии и многих других. Такая многослойная сущность понимания связана с феноменом человека, т.к. оно рождается, актуализируется в бытии вместе с *Notio Loquens*, человеком говорящим, внутри его психического мира. Понимание произрастает вглубь индивидуальной и / или групповой психической деятельности индивида, овнешняется с помощью речевой деятельности. Единицей понимания является смысл (извлекаемый из значения) слова, локализуется понимание в сознании и подсознании индивида.

В данной работе мы ставили перед собой цель обозначить горизонты проблемы понимания, используя психологический, психолингвистический и философские инструментарий, опираясь на работы М.М. Бахтина, М. Хайдеггера, Э. Гуссерля, С.Л. Рубинштейна, Д.Н. Узнадзе, А.Н. Новикова, И.А. Зимней, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева и других выдающихся ученых.

В первых двух главах мы рассматриваем явление понимания, его сущность, значение в ряде гуманитарных наук, описываем различные психологические признаки и константы понимания, смысловую единицу понимания, в третьей – представляем анализ проблемы понимания М.М. Бахтина и В.С. Библера через диалог рефлексивного сознания.

10.1. Определение понимания: философия

Понимание в философии является ключевым понятием герменевтики. Вклад Ф. Шлейермахера в разработку понятия герменевтики, ее предмета, содержания и инструментария поистине бесценен. Будучи не только философом, но и протестантским богословом, Фридрих Шлейермахер, поставив задачу в объединении всех ранее существовавших герменевтических приемов в одну общую методику, предложил свою теорию понимания независимо от принадлежности текста (юридический, мифологический, религиозный).

Шлейермахер Ф. полагал, что главная цель понимания состоит в том, чтобы понять автора текста, т.е. его скрытые между строк интенции, иными словами, понять сверхзадачу текста: любой акт понимания есть перевертывание акта речи, благодаря которому осознается, какое мышление лежало в основе речи.

Таким образом, в герменевтический круг Шлейермахер включал не только намерения автора, но и его личность, созданные ранее тексты, через которые сквозила психология автора, его характер, свое отражение находило социальное положение автора. Позднее Шлейермахер характеризовал герменевтику как метод, который позволяет избегать недопонимания, утверждая, что для этого необходимо знание грамматических законов языка и психологических законов человеческой природы. Процесс понимания, по мнению философа, представляет собой напряженную работу, которая включает не только ментальные механизмы, но и эмоциональные. Для понимания необходимо «вчувствование» и «сопереживание». Сила такого напряжения напрямую связана со способностями интерпретатора, поэтому понять гениального автора может только конгениальный интерпретатор.

В процессе понимания (или интерпретации) ключевую роль играет язык: «Поэтому любой человек, с одной стороны, является местом, в котором своеобразным образом формируется данный язык, и его речь следует понимать, исходя из тотальности языка. Но, с другой стороны, он является также постоянно развивающимся духом, и его речь является лишь фактом этого духа в связи со всеми прочими» [18, с. 220].

Принципиальная мысль Шлейермахера заключается в том, что процесс понимания не может быть завершен. Мысль совершает бесконечные движения по кругу – от целого к части и от частей обратно к целому, расширяя и углубляя смысл текста: «Язык есть бесконечное, ибо любой его элемент особым образом определяется остальными. Это относится и к психологической стороне, ибо любое созерцание индивидуального является бесконечным, а воздействие на человека извне также постепенно уменьшается вплоть до бесконечности» [19, с. 109]. Данные постулаты зафиксированы и в герменевтическом круге: «Герменевтический круг – это принцип понимания текста, основанный на диалектике части и целого: понимание целого скла-

дается из понимания отдельных его частей, а для понимания частей необходимо предварительное понимание целого» [19, с. 109].

Бесконечным континуумом Шлейермахер наделяет психологию и язык, это еще одна причина, по которой невозможна завершенность истолкования: «Чтобы была завершена грамматическая сторона истолкования, необходимо совершенное знание языка; в другом случае – совершенное знание человека. Так как ни того, ни другого никогда не может быть, то следует переходить от одной стороны истолкования к другой, а как именно, – для этого нельзя дать никаких правил» [19, с. 109].

По мнению другого философа-герменевтика В. Дильтея, интерпретация является косвенным или опосредованным пониманием, которого можно достичь путем помещения человеческого самовыражения в соответствующую историческую эпоху.

Будучи представителем философии жизни, В. Дильтей видел основную задачу понимания, вчувствования, интерпретации в постижении жизни в «науках о духе», противопоставляя данный метод «объяснению» в «науках о природе». Понимание в герменевтике В. Дильтея становится особым способом познания духовного существования человека, которое отличается кардинально от познания природы. Познание человека возможно только в условиях запущенного механизма самопознания, понимание собственного внутреннего мира достижимо через саморефлексию, отражение себя в других. Понимание чужой души возможно при условии вчувствования, переживания чужого духовного бытия как своего собственного: «Понимание – это повторное открытие «себя» в «тебе»... Возникает вопрос: насколько это способно помочь в решении главной проблемы эпистемологии» [24, с. 220].

Значительное место в философии герменевтики, вопросе осмысления понимания отводится факту интенциональности сознания, т.е. направленности сознания на познание окружающей действительности. Согласно Э. Гуссерлю, в основе феноменологии заложены две фундаментальные идеи: любой человек наделен сознанием и последнее же является основным инструментом познания окружающей действительности. Таким образом, объекты и факты окружающего мира могут быть познаны нами постольку, поскольку они запечатлены в сознании. Углубляя и развивая данную мысль, можно сказать, что все, что мы познаем – не является объектами или фактами действительности, а всего лишь их проекциями, феноменами сознания познающего субъекта. Вслед за Гуссерлем можно сделать вывод, что интенциональность является универсальным свойством сознания: индивидуум постоянно находится в потоке своего сознания, осмысливая, анализируя, представляя, рефлекслируя.

Сознания субъектов в конечном итоге формируют общечеловеческое сознание, в ткань которого вплетен язык. Язык является «телесным оформлением смысла», будучи сам по себе материальным объектом. Так как язык явля-

ется данностью общего сознания, следовательно, он является данностью каждого отдельного субъекта и одновременно принадлежащим к объективному миру: «Принадлежность языкового знака общему объективному миру оказывается гарантом и условием объективности идеального смысла и делает возможным понимание и общение. Таким образом, объективные смыслы ... получают свое обоснование в опыте субъекта (человечества), являющегося носителем языка» [8, с. 535]. Иными словами, без языка невозможно мыслить объекты внешнего мира, следовательно, невозможно и сознание.

Русский философ Г.Г. Шпет соединяет феноменологию Гуссерля и герменевтику. Смысл объективного мира должен был не только усматриваться сознанием, но, главным образом, пониматься. Понимание реализуется через истолкование (интерпретацию) – таким образом, герменевтика гармонично влилась в феноменологию: герменевтика в функции осмысления и интерпретации, а феноменология – обнаружения смысла. Главная же цель языка, повторяет Г.Г. Шпет за В. Гумбольдтом – понимание, в «языке народ осуществляет свои мысли и ощущения» [20, с. 178].

Основой синтеза герменевтики и феноменологии, по мнению Г.Г. Шпета, выступает проблема понимания, т.е. постижение смысла объекта: «Идея предмета лежит как признак в его содержании, именно в его сущности и поэтому может быть названа также энтелехией предмета. Раскрытие ее и есть формальное определение понимания» [21, с. 211]. Анализом понимания занимается герменевтика, отвечая на вопрос «как возможно понимание?», а анализом смысла и методов его постижения – феноменология.

Язык и мышление, согласно Ф. Шлейермахеру, являются объективными природными свойствами познающего субъекта, обеспечивающие «предпонимание». Именно они определяют широту и глубину, «горизонт» понимания. Язык имеет независимое, внешнее бытие и порождается «внешней необходимостью общения», а также «внутренними потребностями человека, лежащими в самой основе человеческого духа» [21, с. 12].

Язык развивает духовное мировоззренческое начало в человеке. Таким образом, язык как инструмент, а сознание как метод понимания сливаются воедино, и возникает фундаментальное понятие «языковое сознание». Таким образом, понимание, толкование текстов должно опираться на языковое сознание индивидуума: «В конечном итоге, поэтому, – писал Шпет, – принципиальное рассмотрение языкового сознания всегда и необходимо ориентируется на последнее его единство, которое и в задаче, и в осуществлении, как всеобщее единство сознания, есть не что иное, как единство культурного сознания. Такие обнаружения культурного сознания, как искусство, наука, право и т.д. – не новые принципы, а модификации и формы единого культурного сознания, имеющие в языке архетип и начало. Философия языка в этом смысле есть принципиальная основа философии культуры» [22, с. 37].

Основная герменевтическая концепция М. Хайдеггера представлена в труде «Бытие и время» [17]. По мнению М. Хайдеггера, герменевтика – это

не только свод методов, направленных на интерпретацию текста, а явление специфики человеческого существования, т.к. понимание и истолкование являются по сути фундаментальными способами человеческого бытия, как и сам язык.

Ключевым понятием герменевтики Хайдеггера становится *Dasein* – «здесь-бытие» человека. *Dasein* онтологично, оно всегда наличествует в смутном понимании бытия и одновременно становится явным только посредством человеческого присутствия. *Dasein* априорно мышлению о нем, являясь предпосылкой последнего. Для того, чтобы мыслить нечто, субъект должен быть вовлечен в то, что им мыслится. Человек так или иначе событийно находится внутри ситуаций, пространства, времени, места, с которыми акт мысли связан. Чтобы осознать себя в этой ситуации, необходимо понимание, интерпретация. Позже П. Рикер назовет такое пребывание «интерпретированным бытием».

В своем учении М. Хайдеггер формулирует важнейшие условия существования человека, называя их экзистенциалами: положенность (пребывание в мире) и открытость миру. Третий фундаментальный экзистенциал – понимание, который Хайдеггер в работе «Бытие и время» описывает как основной модус *Dasein*. В самом понимании Хайдеггер выделяет первичное или предпонимание: «Понимание, – пишет Хайдеггер, – есть экзистенциальное бытие множествования, присущее «здесь-бытию», а именно так, что это бытие в нем раскрывает, как обстоит дело с бытием вместе с ним» [14, с. 189]. Таким образом, выводя герменевтику на уровень онтологии, Хайдеггер закрепляет за ней функцию не интерпретации текстов, сколько отношение к существующему миру.

Гадамер Х.Г. вслед за Хайдеггером считал герменевтику учением о бытии: «Если мы делаем понимание предметом наших размышлений, – пишет он, – то целью, которую мы ставим себе, выступает вовсе не учение об искусстве понимания текстов, к чему стремилась традиционная филологическая и теологическая герменевтика... Понимание и истолкование текстов является не только научной задачей, но очевидным образом относится ко всей совокупности человеческого опыта в целом» [6, с. 38-41].

Важнейшей сферой человеческого бытия является язык: «Бытие, – писал Гадамер, – которое может быть понято, есть язык». Он является особой реальностью, внутри которой человек «застает» себя. Язык является миром, который окружает человека, без языка невозможна жизнь, история, общество, сознание: «Нас определяет язык, в котором мы живем» [7, с. 43]. Язык является не только «домом бытия», но и способом бытия. Идея «пред-истолкованности» мира, заложенная языком, освещалась еще Хайдеггером. Гадамер развивает эту идею, говоря о «пред-понимании» бытия в связи с языком.

В отличие от предшествующих герменевтиков французский философ П. Рикер проводит различие между понятиями «понимание» и «интерпре-

тация». Под понимаем Рикер подразумевает глубинный процесс проникновения одного познающего сознания в другие, постижение смыслов знаковой системы, выраженной внешне (например, позы, жесты, мимика индивидуальные особенности речи). Под интерпретацией философ подразумевает понимание, направленное на знаковую систему в письменной форме. Точность употребления данной терминологии, объективность раскрытия данных значений нам представляется спорной, однако Рикер первым из философов-герменевтиков обозначил проблему различия в понимании устного и письменного дискурса, которые основаны на психофизиологических особенностях восприятия.

Восприятие является необходимым этапом, предвещающим понимание. По выражению С.Л. Рубинштейна: «Будучи осознанием предмета, восприятие человека нормально включает акт понимания, осмысления. Восприятие человека представляет собой единство чувственного и логического, чувственного и смыслового, ощущения и мышления» [15, с. 235]. Возвращаясь к дифференциации понимания и интерпретации, Рикер утверждает, что не существует понимания самого себя, не опосредованного знаками, символами и текстами. Действительно, языком сознания является знак, который имеет как материальную, так и идеальную природу. Без использования знаковой системы возможно лишь примитивное наглядно-образное мышление, в то время как для осознания себя требуется включение словесно-логического мышления, которое опосредовано знаком. Рикер приходит к важному выводу, что любое человеческое переживание также имеет знаковую природу.

Герменевтика, исследуя всю сложность и многоаспектность процесса понимания (интерпретации) человеком экзистенциального бытия, предлагает уникальный метод познания окружающей действительности с помощью герменевтического круга, конституируя два ведущих инструмента осмысления бытия человеком – языка и мышления (сознания) через тончайшую призму понимания.

10.2. Понимание и смысл: соотношений понятий

Процессы понимания, осознания, интерпретации имеют тесную взаимосвязь с высшими психическими функциями: памятью, мышлением, восприятием, воображением, вниманием и другими.

Инвариантной характеристикой понимания является избирательность: «Искренне веря, что понимаем читаемое / слышимое, мы на самом деле *избирательно* что-то видим и слышим...» [9, с. 64]. В данном случае избирательность внимания связана с психологией восприятия, которое, согласно С.Л. Рубинштейну, включает в себя акт понимания и осмысления, представ-

ляя собой единство логического, чувственного, смыслового и мышления. В широком смысле, избирательность понимания основана на вариативности восприятия, которое заключается в преимущественном выделении одних объектов перед другими, имеет деятельностную природу: «Восприятие – не только связано с действием, деятельностью – и само оно специфическая познавательная деятельность сопоставления, соотнесения возникающих в нем чувственных качеств предметов... Живя и действуя, разрешая в ходе своей жизни возникающие перед ним практические задачи, человек воспринимает окружающее. Восприятие предметов и людей, с которыми ему приходится иметь дело, условий, в которых протекает его деятельность, составляют необходимую предпосылку осмысленного человеческого действия» [16, с. 226]. Иными словами, индивидом понимается только то, что попадает в зону его восприятия на физическом и психическом уровнях. О физических факторах восприятия (величины, пространства, формы и т.д.) здесь говорить не будем, а о психической зоне стоит сказать отдельно, т.к. последняя формируется предшествующим опытом (который имеет деятельностную природу), психическими установками индивида. Можно констатировать, таким образом, деятельностную природу понимания: «Деятельность есть молярная, не аддитивная единица жизни телесного, материального субъекта. В более узком смысле, т.е. на психологическом уровне, это единица жизни, опосредованной психическим отражением, реальная функция которого состоит в том, что оно ориентирует субъекта в предметном мире» [11]. Из деятельности произрастает еще одно условие, предпосылка понимания – мотив. По словам А.Н. Леонтьева, любая предметная деятельность (а беспредметной она быть не может) отвечает потребности, которая опредмечена в ее мотиве. Из этого следует вывод, что без мотива имплицитного или открытого не возникает потребности в понимании.

Деятельностная природа восприятия обусловлена подчиненностью задачам, которые стоят перед индивидом в определенный момент времени (например, профессиональные, культурные, учебные и т.д.). Иными словами, восприниматься (=пониматься) объекты могут совершенно по-разному, в зависимости от задач деятельности.

Существенную роль в восприятии играет прошлый опыт индивида, который оказывает сильнейшее влияние на то, как именно человек воспринимает (понимает, интерпретирует) окружающий мир. В результате накопления опыта у человека появляется установка, т.е. устойчивое представление о явлениях окружающего мира. В результате установок человек воспринимает новую для него действительность под индивидуальным, присущим только ему, углом зрения. Согласно автору психологической теории установок Д.Н. Узнадзе, установки коренятся в бессознательном: «Помимо сознательных психических процессов, существуют и в известном смысле «внесознательные», что, однако, не мешает им играть очень существенную роль. В

нашем случае эту роль играет установка, которую мы предварительно, в состоянии гипнотического сна, фиксировали у наших испытуемых. Она, эта установка, в наших опытах ни разу не являлась содержанием сознания. Тем не менее она оказывалась, несомненно, в силах действовать на него... Таким образом, мы можем утверждать, что наши сознательные переживания могут находиться под определенным влиянием наших установок, которые со своей стороны вовсе не являются содержаниями нашего сознания» [13, с. 340]. В связи с тем, что понимание разворачивается в сознании, оно также претендует на обусловленность установками. Этот тезис не нов, т.к. заявлялся еще Э. Гуссерлем, который призывал регулярно пересматривать свой герменевтический круг на предмет предрассудков или предубеждений в нем. А что это, если не одна из форм установок индивида.

Восприятие также как и понимание включает в себя познавательную деятельность, которая реализуется в первую очередь через язык (необходимо оговориться, что восприятие определяется различными органами чувств). Объект или мысль находится вне зоны понимания / восприятия, если не выражен в языке, не имеет знаково-символьной природы, не укоренен в сознании.

Для того, чтобы представить полный психологический контекст процесса понимания, необходимо досконально проанализировать такие составляющие понимания, как память, внимание, мышление, воображение, однако рамки данной работы не предполагают раскрытия столько широкого круга вопросов, хотя они представляют большое значение для глубины научного исследования. Также необходима работа над понятийным аппаратом, поиском дефиниции понимания, дифференциация понятий понимание, осознание, интерпретация. Особый интерес представляет собой также проблематика иллюзий, искажений и ошибок понимания.

В психолингвистике многогранная проблема понимания нашла свое отражение в анализе семантики письменного текста. Впрочем, разработка проблемы понимания в тексте уходит своими корнями в герменевтику и интерпретацию авторских текстов, поиск и встреча личностных смыслов автора и интерпретатора. Понимание и сознание, с нашей точки зрения, связывает тонкая нить – смысл, а, в более глобальном значении, – язык: «Язык следует изучать как объект исключительной сложности, как явление многоплановое, обеспечивающее такую уникальную способность человека, как способность говорить и понимать услышанное...» [10, с. 63]. Именно о понимании через бинарную оппозицию смысл-значение пойдет речь дальше. Последовательность, с нашей точки зрения, данных явлений выстраивается следующим образом:

Предпонимание окружающей действительности формируется у индивида на основе предшествующего опыта, который имеет деятельностное основа-

ние. Значение, как известно из работ отечественных психологов Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, Н.И. Жинкина, А.Р. Лурия отражает объективную связь предметов / явлений и слова, которая разворачивается в системе объективных отношений, связей, взаимодействия. По этой причине значение устойчиво фиксируется в языке. Деятельность человека реализуется в мире значений, которые обрушиваются бурным потоком на индивида каждый момент времени окружающими людьми через слово. Однако значение рассыпается как только просеивается через сито понимания, прежде, чем попасть на плодородную почву сознания. Именно понимание, с нашей точки зрения, становится тем самым инструментом, которое превращает значение в личностный смысл. Именно личностные смыслы образуют структуру индивидуального сознания, через смысл онтологизируется бытие.

Проблема смысла для психолингвистики является традиционной. По словам А.И. Новикова, интерес к проблеме смысла то возрождается, то вновь угасает в связи с загадочностью, противоречивостью проявлений смысла, постоянно ускользающей сущностью явления [12, с. 33].

В философии феноменологии, особенно работах Э. Гуссерля, смысл имеет аксиологический или ценностный признак. Ценность, значимость как важнейшие характеристики смысла также выделяются современными философами.

Констатирование ценностной составляющей смысла для нас имеет большое значение, т.к. отсылает к морально-нравственным аспектам личности, которые сказываются на формировании того или иного личностного смысла. Таким образом, смысл имеет не только личностную основу, но и определяется общественными установками, культурными и социальными традициями общества, в котором формировалась личность индивида: «Переход на смысловой код заключается в установлении особого отношения функциональной значимости и выведения его не уровень сознания. Это становится возможным за счет актуализации целостного образа предмета, явления, ситуации, где предметное ядро тесно переплетено с эмоционально-экспрессивными, интенциональными, аксиологическими и другими составляющими личностного плана» [12, с. 33].

Транспонируются ли эти же признаки на понимание? Безусловно, да. Деятельностная природа понимания, интенциональность, т.е. направленность на объект, избирательность изнутри эти процессы подсвечиваются аксиологическими, личностно-смысловыми софитами.

Рассмотрим функционирование понимания на примере текстов и речи. Зимняя И.А. выделяет три уровня понимания дискурса: начальный или общий уровень понимания, который мы предпочитаем называть *физиологический уровень*. На данном уровне индивид через слуховую сенсорную систему получает акустические сигналы, активизируются первые слуховые нейроны и индивид получает представление, О ЧЕМ идет речь. На данном эта-

пе индивид может сказать, о чем ему сообщили, но неспособен воспроизвести содержание высказывания. Смысловое содержание высказывания является фоном, из которого индивид способен выделить лишь общий предмет сообщения. Примером может служить аутентичная радиопрограмма на иностранном языке, которую слушает студент с начальным уровнем знания иностранного языка.

Второй уровень понимания происходит на уровне более глубокого восприятия, мы предлагаем назвать его – *уровень значения*. На это этапе реципиент понимает информацию во всей ее целостности, совокупности, объеме, т.е. не только, О ЧЕМ сообщалось, но и ЧТО говорилось. Индивид способен воспроизвести услышанный текст.

Высший уровень понимания, согласно И.А. Зимней, заключается в том, что реципиент понимает ЗАЧЕМ что-то говорилось. С нашей точки зрения, этот уровень можно назвать *смысловым уровнем* понимания. Слушатель на данном этапе проникает в мотивы и цели говорящего, отвечает для себя на вопрос, почему говорят так, а не как иначе, зачем использует те или иные языковые средства, психологические приемы воздействия, проникает во внутреннюю логику высказывания говорящего. Именно на этом этапе понимание сливается со смыслом, проникает в сознание индивида, вызывая в ответ эмоциональную, рационально-аналитическую и другие личностные смысловые реакции индивида.

Мы выделяем вслед за И.А. Зимней три этапа понимания входящего высказывания. Данные этапы коррелируют с психолингвистическими, философскими и психологическими феноменами значения и смысла.

10.3. Диалогичность понимания

Высший уровень понимания, который реализуется в рефлексующем сознании индивида, разворачивается в форме диалога, который, по мнению М.М. Бахтина, является экзистенциальной формой сознания: «Чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, вещи, – с ними можно только диалогически общаться...» [5, с. 413]. Следовательно, понять себя или другого можно только через диалог, соглашаясь, или, напротив, полемизируя с собой и окружающей действительность.

Проблема диалога как онтологической формы познающей, рефлексующей личности была блестяще исследована отечественным философом – М.М. Бахтиным: «Диалогические отношения... – это почти универсальное явление, пронизывающее всю человеческую речь и все отношения и проявления человеческой жизни, вообще все, что имеет значение... Где начинается сознание, там начинается диалог... Стенограмма гуманитарного мышления – это всегда стенограмма диалога особого вида: сложное взаимоотно-

шение *текста* (предмет изучения и обдумывания) и создаваемого обрамляющего *контекста* (вопрошающего, возражающего и т.п.), в котором реализуется познающая и оценивающая мысль ученого» [2, с. 412]. Особое место в философии М.М. Бахтина отводилось явлениям понимания (через текст) и феномену «Другого».

Познание личности самой себя возможно только при условии соотношения себя с «другим». Культура, в свою очередь, является «формой самодетерминации индивида в горизонте личности, форма самодетерминации нашей жизни, сознания, мышления». Самодетерминация личности в культурном контексте разворачивается в диалоге, который имеет три характеристики:

- Диалог – универсальная основа и одновременно условие человеческого понимания: «Диалогические отношения... – это почти универсальные явления, пронизывающие всю человеческую речь и все отношения и проявления человеческой жизни, вообще все, что имеет смысл и значение... Где начинается сознание, там начинается диалог» [1, с. 111-115].
- Диалог представляет собой основу для любых речевых жанров: «Жанр есть не что иное, как кристаллизованная в знаке историческая память перешедших на уровень автоматизма значений и смыслов... Жанр – это представитель культурно-исторической памяти в процессе всей идеологической деятельности» [1, с. 111-115].
- Диалог и общение являются разными формами речевой деятельности, не равноценными друг другу: «Чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, вещи, – с ними можно только диалогически общаться...» [1, с. 111-115].

Природа диалога априори диалектична, так как в ней заключен одновременно конфликт и единство диалогизирующих сторон. Конфликт – потому как коммуниканты представляют собой субъектов, хоть и одной, культуры, но всегда с различными мироощущениями, установки, жизненным опытом и т.д., а единство, потому что коммуниканты через преодоление конфликтов и непохожести всегда стремятся к единению взглядов для достижения понимания. Понимание себя и Другого является первоочередной потребностью человеческого индивида. Более того, понимание является настолько важной частью психической деятельности человека, что без него, индивид лишается социализации, теряет связь с действительностью, самим собой, что приводит к полному нарушению здорового функционирования психики человека.

В социальной психологии понимание, направленное на познание внешней среды, получило наименование «социальной перцепции». По мнению психологов именно понимание становится стимулом для того или иного действия индивида.

Если проанализировать механизм понимания, то он разворачивается таким образом: восприятие внешнего облика и поведения Другого; оценка;

создание представления о психологических особенностях Другого; оценка; создание представлений о причинах и следствиях поведения Другого; оценка; создание стратегии собственного поведения.

Таким образом, процесс социальной перцепции представляет собой многоступенчатую операцию по интерпретации психических характеристик и действий Другого, опосредованные критическим осмыслением с формированием собственной стратегии поведения, как финальной стадии процесса понимания.

Понимание текста, согласно М.М. Бахтину, включает в себя четыре акта:

1. Восприятие текста. Данный акт можно соотнести с физиологическим уровнем понимания. Иными словами, индивид через зрительные каналы воспринимает информацию, содержащуюся в тексте, распознает письменные знаки, однако не включает критическое осмысление информации.
2. Узнавание и понимание значения в данном языке. Данный акт тождественен второму уровню понимания – значения информации, принятого в данном обществе в предъявленных условиях текста.
3. Узнавание и понимание в контексте данной культуры. Также мы относим этот акт второму уровню понимания.
4. Активное диалогическое понимание или соответствующий высший уровень понимания, когда происходит критический анализ информации, формируется личностная позиция и отношение. Данный этап наполнен личностными смыслами, продуцированием новых идей, творческой эквилибристикой индивида.

Понимание – есть основной способ и метод познания. Гносеологическая функция языка опосредована пониманием через язык. Бахтин М.М. рассматривает понимание в трех позициях: взаимопонимание; общение; самосознание.

От каких параметров зависит эффективность понимания? На наш взгляд, они выглядят следующим образом:

- Высокий культурный уровень, позволяющий интерпретировать действие / объект в совокупности всех культурно-исторических факторов;
- Высокий рефлексивный уровень, позволяющий интерпретировать действие / объект во всей глубине собственного опыта и развития психических характеристик;
- Высокий интеллектуальный уровень, позволяющий избежать сугубо эгоцентрическую оценку происходящего;
- Высокий уровень психологической зрелости, позволяющий принять результаты оценки действий или объективной данности по поводу субъекта.

Основным барьером понимания, с нашей точки зрения, являются предрассудки, предвзятости и стереотипы.

Процесс понимания немаловажен в отрыве от культурного контекста, который во многом и определяет понимание, а сам акт понимания имеет диалогический характер: мыслить, – утверждал И. Кант, – значит говорить с собой ... значит внутренне слышать себя самого. Внутренний микродиалог является составной частью культурного полилога: «В диалоге культур речь идет о диалогичности самой истины (красоты, добры) о том, что понимание другого человека предполагает взаимопонимание «Я-ты» как онтологически различных личностей, обладающих – актуально или потенциально различными культурами, логиками мышления, различными смыслами истины, красоты, добра... Диалог, понимаемые в идее культуры, – это не диалог различных мнений или представлений, это – всегда диалог различных культур» [4, с. 31-42].

Библер В.С., развивая идеи Бахтина М.М., критикует позицию тождественности между пониманием и познанием: «Мы выросли в таком отождествлении, наши мысли неотделимы от тождества «понять = познать». Поэтому, когда накануне XX века становится все более ясным, что бытие вещей, мое собственное бытие, бытие людей и мира не поддается познающему пониманию, что бытие, иными словами, не сводимо к сущности, сразу же представляется, что рушится разум как таковой, что разумение, понимание необходимо заменить мистическим проникновением в тайну бытия (или абсолютным верованием), стоящим по ту сторону всякого сомнения» [3, с. 413].

Что же тогда значит «понимать» себя, мир вокруг, других людей согласно рационалистической концепции В.С. Библера?

Европейский разум, по мнению философа, есть диалог (общение) разума эйдетического (античность), причащающего разума (средние века), разума познающего (Новое время) и разума XXI века. Для нового же времени должна быть характерна совершенно другая установка: «знать вещи и самого себя означает обнаружить в вещах нечто независимое от моих знаний о вещах и от самого моего бытия. Означает обнаружить в вещах то, что они есть, очищенные от всех посторонних влияний и искажений, есть сами по себе, «в себе», от-лично от меня и других вещей. Иными словами, познать вещь, означает выявить ее «несводимость ко мне, внелогичность» [3, с. 413]. Цель познающего разума – познать бытие как сущность вещи. Опять же гносеологически ориентированное мышление переходит в мышление диалогическое.

* * *

Проблем понимания (интерпретации) впервые получила статус научной проблемы в период расцвета схоластики вместе с необходимостью адекватного перевода и истолкования священных текстов Библии, в философии герменевтики.

От Ф. Шлейермахера до П. Рикера проблематика понимания получала разное осмысление, однако устойчивыми характеристиками понимания яв-

лялись контекстуальность (пред-понимание бытия, которое задано языком) и незавершенность, а инструментом – язык и сознание. Один из важнейших выводов, к которому пришла герменевтическая и феноменологическая философия – тотальное понимание невозможно в силу бесконечности его составляющих – сознания и языка.

Понимание тесно связано с высшими психическими функциями человека, среди которых можно выделить, память, мышление, воображение, восприятие. Основываясь на избирательной природе перцепции (восприятия) мы пришли к выводу, что понимание носит также избирательный характер. Основываясь на работы А.Н. Леонтьевым мы сделали заключение, что понимание имеет деятельностную основу, заданную интенциональность и субъектность.

Вслед за Н.Д. Узнадзе мы предположили, что понимание обусловлено личностными установками индивида, поэтому априори понимание имеет предъ-явленность индивиду в силу его предшествующего опыта и культурно-социального фона, на котором формировалась личность.

Анализируя связь понимания и сознания, мы предложили цепочку трансформации понимания через бинарную оппозицию смысла и значения в экзистенцию, данность сознания.

Развивая мысль И.А. Зимней, мы рассмотрели этапы развития и признаки понимания, отождествляя данные этапы с онотогенезом мысли, когда последняя через значение и смысл перекодируется в слово.

Наше исследование было бы неполным без анализа концепции понимания в философии М.М. Бахтина, который ключевое значение отводил явлению диалогичности понимания.

Таким образом, понимание – универсальная экзистенциальная форма личности, выраженная в интенциональности сознания человека, имеющая деятельностную основу, сопряженная с высшими психическими функциями индивида. Понимание в форме диалога – единственное условие осуществления рефлексии, направленной как внутрь познающего индивида (самосознание), так и во внешнюю среду (коммуникация, диалог). Однако при всем при этом, следует признать, что тотальное понимание «Другого» (термин М.М. Бахтина) – недостижимая цель в силу бесконечности смыслов, психики, языка.

Библиографический список к главе 10

1. Аверинцев С.С., Давыдов Ю.Н., Турбин В.Н. и др. М.М. Бахтин как философ: Сб. статей / С.С. Аверинцев; Рос. Академия наук, Институт философии. – М.: Наука, 1992. – С. 111-115.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Художественная литература, 1979. – С. 412.

3. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. – М.: Политиздат, 1990. – С. 413.
4. Библер В.С. Культура. Диалог культур (Опыт определения) / В.С. Библер // Вопросы философии. – 1989. – № 6. – С. 31-42.
5. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. – М.: Политиздат, 1990. – С. 413.
6. Гадамер Х.Г. Истина и метод. – М., 1988. – С. 38-41.
7. Гадамер Х.Г. Истина и метод. – М., 1988. – С. 43.
8. Гриненко Г.В. История философии. – М.: Юрайт, 2010. – С. 535.
9. Залевская А.А. Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: Сборник статей / Под общ.ред. Н.В. Уфимцевой. – М.; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 64.
10. Кубрякова Е.С. В поисках сущности язык: Когнитивные исследования / Ин-т языкознания РАН. – М.: Знак, 2012. – С. 63.
11. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.psy.msu.ru/science/public/leontev/3-2.html>.
12. Новиков А.И. Языковое сознание и образ мира. Сборник статей / Отв.ред. Н.В. Уфимцева. – М., 2007. – С. 33
13. Прангишвили А.С. Установка как неосязаемая основа психического отражения // В сб.: Бессознательное. Природа, функции, методы исследования / Под общ. ред. А.С. Прангишвили, А.Е. Шерозия, Ф.В. Бассина. – Тбилиси: Издательство «Мецниереба», 1985. – Том 4. – С. 340.
14. Рорти Р. Тексты и куски. – М.: Логос, 1996. – С. 173-189.
15. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2003. – С. 235.
16. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2003. – С. 226.
17. Хайдеггер М. Бытие и Время. – М., 1997.
18. Шлейермахер Ф. Академические речи 1829 года. – М.: Науч. изд., 1987. – С. 220.
19. Шлейермахер Ф. Академические речи 1829 года. – М.: Научное издание, 1987. – С. 109.
20. Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова. – М., 1997. – С. 178.
21. Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова. – М., 1927. – С. 12.
22. Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова. – М., 1927. – С. 37.
23. Шпет Г.Г. Критические и методологические исследования. – М.: Либроком, 2011. – С. 211.
24. Dilthey Gesammelte Schriften, 7: 191; Selected Writings, p. 208.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Светлана Витальевна Голикова,
Ольга Михайловна Горева,
Инна Владимировна Гурьянова,
Катерина Львовна Кабахидзе,
Наталья Сергеевна Козлова,
Илья Владимирович Купряшкин,
Дмитрий Владимирович Лепешев,
Любовь Борисовна Осипова,
Ольга Сергеевна Пустошинская,
Ирина Михайловна Пушкина,
Наталья Александровна Царева,
Ольга Игоревна Шестак,
Наталья Николаевна Шилова**

ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ: ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

КНИГА 22

Монография

Подписано в печать 30.12.2014. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. Печ. л. Заказ

Отпечатано в типографии
ООО Издательство «СИБПРИНТ»
630099, г. Новосибирск, ул. Максима Горького, 39

СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ!!!

ЦЕНТР РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА предлагает научной и педагогической общественности услуги по публикации *авторских монографий по всем научным направлениям и специальностям*. Для публикации авторам необходимо предоставить в Центр Развития Научного Сотрудничества (по электронной почте) текст монографии, аннотацию, заполненную заявку. Сроки публикации монографии – один месяц с момента обращения автора.

Стоимость публикации определяется индивидуально в зависимости от «сложности» текста (формулы, таблицы, рисунки), объема монографии, тиража и срочности заказа.

Информацию об условиях публикации результатов научных исследований и требования к оформлению материалов можно получить на сайте **WWW.ZRNS.RU**, по телефонам Центра развития научного сотрудничества в г. Новосибирске:

8-383-291-79-01 Чернов Сергей Сергеевич, руководитель ЦРНС

8-913-749-05-30 Хвостенко Павел Викторович,
ведущий специалист ЦРНС

или по электронной почте: **monography@ngs.ru**
monography@mail.ru

НАДЕЕМСЯ НА ПЛОДОТВОРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО!